



П.М.ЗАЙКОВ

БАБИНСКИЙ ДИАЛЕКТ
СААМСКОГО ЯЗЫКА

КАРЕЛЬСКИЙ ФИЛИАЛ АН СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

П.М.ЗАЙКОВ

БАБИНСКИЙ ДИАЛЕКТ СААМСКОГО ЯЗЫКА
(ФОНОЛОГО-МОРФОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

ПЕТРОЗАВОДСК "КАРЕЛИЯ"

1987

УДК 809.455-087

Зайков П.М. Бабинский диалект саамского языка (фонологическо-морфологическое исследование).

Монография представляет собой описание фонологии, морфологических и морфологических чередований, морфологии одного из наименее исследованных кольско-самских диалектов - бабинского. Анализу подвергаются фонемный инвентарь, чередования фонем и их функциональная роль, структура слова и слога, словоизменительные категории имени и глагола, инфинитивные формы глагола.

Книга рассчитана на специалистов по саамскому и финно-угорским языкам.

Ответственный редактор

доктор филологических наук Г.М.Керт

Рецензенты

М.Э.Куусинен, М.И.Муллонен

И49-1680 - 259-1987
4602010000



Карельский филиал АН СССР, 1987

Предисловие

Одной из основных задач саамоведения является исследование малоизученных диалектов во всем многообразии проявления их внутренних закономерностей.

Работа посвящена описанию одного из наименее исследованных кольско-саамских диалектов - бабинского. Лапонистика располагает лишь отдельными сведениями по его морфологии, которые, однако, требуют уточнения и дополнения. Звуковой строй, а также структура и функциональная роль чередований фоном до сих пор не рассматривались. Значительный интерес для лингвистов-саамоведов представляет выделение места и особенностей бабинского диалекта в системе кольско-саамских. Исследование в первую очередь этого диалекта вызвано тем, что он в настоящее время переживает довольно быстрый процесс ассимиляции и сокращения сферы употребления. Описание диалекта построено преимущественно на синхронном и сравнительно-сопоставительном методах исследования.

В качестве фактического материала использованы тексты различного характера, записанные автором на магнитную ленту во время фольклорно-лингвистических экспедиций и расшифрованные с помощью упрощенной финно-угорской транскрипции, грамматические материалы, записанные от руки, а также словари А. Гензема¹ и Т.И.Итконена².

Работа состоит из введения, трех основных глав и заключения.

¹ G e n z e m A. Nuollan lapin murteiden sanakirja ynnä kielelmurteista. Helsingfors, 1891. — Båstad till Kållared av Finlands Natur och folk, 15.

² I t k o n e n T.I. Valtan- ja kuolanlapin sanakirja. 1-2. Hki:SMS, 1956-. (LSFU; 15). — 1.XI-IV. 803 s.; 2. 804-1236 s. Osa 2. — Hki, 1974. — 591 s. — (LSFU; 16,2).

Во введении дана история исследования бабинского диалекта, а также современная языковая ситуация у бабинских саамов.

Первая глава посвящена описанию фонологической структуры диалекта, где выявляются фонемный инвентарь, чередования фонем, структура слова и слога.

Во второй главе исследуются морфологические и морфонологические чередования согласных и гласных фонем в системе словоизменения диалекта.

В третьей главе рассматриваются словоизменительные грамматические категории имени (падеж, число, притяжательность, степень сравнения) и глагола (лицо-число, время, наклонение), а также инфинитивные формы глагола: инфинитив, причастия, герундий, вербальный абессив, отглагольное имя действия.

В заключении даются краткие выводы.

В в е д е н и е

Из истории исследования сабинского диалекта

Саамская ветвь финно-угорских языков подразделяется на два довольно отдаленных друг от друга наречия: западное и восточное¹. Среди восточно-саамских диалектов известное лингвистическое единство представляют диалекты кольских саамов: ильменский, йоканьгский, нотозерский и сабинский.

На сабинском диалекте в настоящее время говорят саамы, живущие в юго-западной части Кольского полуострова в селе Ёна Апатитского района Мурманской области. Самоназвание (aŋkeŋsaŋa) сабинские саамы получили по названию погоста Сабино (саам. aŋ'k'eŋ'siŋt , фин. Akkala), в котором они проживали до переселения в Ёну. В лингвистической литературе к сабинскому диалекту причисляют также язык йокостровских саамов, которые жили рядом с сабинскими в погосте Йокостров (саам. ŋu,kaŋŋi). Оба погоста были расположены на южном берегу озера Ёландра Кольского полуострова. Прямых указаний на время появления и заселения этих погостов найти не удалось, однако, как пишет В.К.Алчмоу, они были известны уже в XVI веке наряду с такими крупными, как Йоканьгский и Нотозерский².

Сабинские саамы с давних пор интересовали ученых. В 1841 году на Кольский полуостров совершил поездку исследователь финно-угорских и самодийских языков М.А.Кастрен. Он, в частности, писал: "Больше всего привлекали нас лопари деревни Аккала, ибо финские крестьяне уверяли, что они живут

¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития финно-угорских языков. М., 1974, с.18.

² Алчмоу В.К. Лопари Кольского полуострова. - Докл. и сообщ. Мурманского об-ва краеведения, 1927, вып.1, с.6.

совершенно отдельно, чуждаясь русских и всех других народов, следовательно, могли сохранить язык и народность свою чще других."³

Финский исследователь Д.Е.Д.Европеус в 1856 году принял поездку к кольским саамам с целью сбора фольклорного и языкового материала. Он интересовался прежде всего йокангским диалектом, однако попутно делал записи от представителей других диалектных групп. Рукописное наследие Д.Е.Д.Европеуса включает в себя две тетради, одна из которых содержит материалы по йокангскому, другая – по нотозерскому и бабинскому диалектам. На интересующем нас диалекте имеется список слов, отражающих термины родства, названия растений и животных, частей тела, сторон света, небесных светил, металлов. Кроме этого, имеются топонимы бассейна озера Имандра и начало одной песни-ййи. Наряду с лексическими материалами Д.Е.Д.Европеус приводит парадигмы некоторых существительных, прилагательных и глаголов⁴.

Значительные заслуги в сборе фольклорного и языкового материала по кольско-саамским диалектам принадлежат известному финскому лингвисту А.Генепу. Он посетил все наиболее крупные саамские погосты Кольского полуострова, в которых записывал образцы фольклора, а также с помощью саамов перепел на разные диалекты Евангелие от Матфея (МФ). Шесть глав его (с 23 по 28) он перевел на бабинский диалект⁵. Текст перевода представляет значительный интерес, поскольку отражает фонетическую и морфологическую структуру бабинского диалекта второй половины прошлого столетия. Правильное прочтение текста затруднено, главным образом, особенностями транскрипции, например:

1) маленькая подстрочная 1, следуя за гласным, означает, что место артикуляции последнего продвигается по ряду впе-

³ К а с т р е н М.А. Путешествие по Лапландии, Сев.России и Сибирю в 1841-44 г. - Этногр.об., 1856, т.4, с.65.

⁴ I t k o n e n Т.И. D.E.D. Europaeuksen Kuolan-lappalainien saana- ja satukerwelmä. - Suomi, 1923, 5 jakso, 2 osa, s. 129-133.

⁵ G e n e t z A. Cross-lapp nyelvmutatványok. Máté evangélioma és eredeti textusok. - Nyk, 1881, 17, 123-139 old.

ред. Так, ta₁lle, šu₁nke, zo₁gte можно было бы записать, как об этом пишет А.Генеп, в виде talle, šünke, zögte⁶; 2) под ѣ подразумевается заднеязычный носовой ɣ, например, la₁ña (ME, I27) (ла₁н_а)⁷ 'затем', le₁ñka₁j (ME, I32) (ла₁н_ка₁ж) 'он пропоет'; 3) графема θ, обозначающая гласный переднего ряда е, например, ten (ME, I33) (tēn) 'того', ge₁ak (ME, I33) (gēak) 'надо'; 4) значок i, передающий гласный среднего ряда j, например, vi₁tiš (ME, I28) (vi₁tiš) 'они выжили', za₁gnat₁š (ME, I39) (za₁gnat₁š) 'они говорили'.

На основании текста Евангелия можно говорить о некоторых сдвигях в фонетической и морфологической структуре бабинецкого диалекта за период почти в сто лет. Наиболее характерными из них являются:

1) исчезновение гласных второго слога в многосложных словах, например, zā₁gnavette (ME, I24) (> za₁gnv⁸ette) 'вы говорите', tu₁jje₁ekke (ME, I24) (> tui₁ekke) 'делайте', li₁kka₁statte (ME, I24) (> lik₁statte) 'шевелинуть';

2) распространение дифференциального признака палатализованности-непалатализованности на все согласные, за исключением d, x, ž, š, ž. В тексте по этому признаку коррелирует только согласный n: je₁nnē₁i (ME, I26) 'много', zu₁ñ₁ne (ME, I26) 'тебе', po₁n⁸lat (ME, I26) 'он повернется', zo₁an⁸-šmen (ME, I26) 'стоя';

3) монофтонгизация отдельных восходящих дифтонгов: mielt (ME, I24) > m⁸el⁸t 'следом за', allea (ME, I24) > əl⁸l⁸a 'нет', lea₁j (ME, I25) > l⁸ai 'был', jierpe (ME, I26) > jēr⁸p⁸e 'вы не';

4) выпадение отдельных ауслутных согласных: š - в формах инфинитива, j - в формах 3 л. ед. числа имперфекта изъявительного наклонения, t - в формах датива-иллатива единственного числа, что привело к изменениям в грамматической структуре, например, va₁nseš (ME, I30) (> va₁n⁸c⁸e) 'идти', va₁lteš (ME, I26) (> va₁l⁸t⁸e) 'взять', va₁lgij (ME, I26) (>

⁶ G e n e p t z A. Grosz-lapp nyelvmutatványok. Mété evangélioma és eredeti textusok. - MUK, 1881, 17, 77 old.

⁷ В скобках даются соответствующие формы в современной транскрипции.

⁸ Здесь и далее - переводы наши.

väl'gi) 'он попал', silkiŋ (ME, I26) (> sil'ki) 'он ска-
зал', tiŋjit (ME, I27) (> tiŋji) 'вам', siŋjit (ME, I26)
(> siŋji) 'зм';

5) изменение фонетического облика суффиксов причастия
законченного действия -man'č (> miŋd и дежинутивности aiŋ
(> ŋlč): kavkman'č (ME, I28) (> kavmiŋd) 'нашедший',
roatman'č (ME, I27) (> ruatmiŋd) 'приведший', а ondan'č (ME,
I29) (> ondiŋd) 'птичка';

6) исчезновение именных форм генитива-аккузатива един-
ственного числа на -u, а также глагольных форм имперфекта
изъявительного наклонения, имеющих гласную основу на -u, на-
пример, vuŋk-оши vevest (ME, I36) 'в крови праведника', oŋu
θ₁lk (ME, I29) 'сны человека', аггил (ME, I34) 'я сидел', ŋol-
kiŋ (ME, I34) 'они плывались'. Эти формы широко употребляются
в диалекте Колтта⁹.

В 1891 году выходит "Словарь кольско-саамских диалектов"
А.Генеца¹⁰, имевший большое значение для современников, по-
скольку в научный оборот впервые вводились материалы по всем
кольско-саамским диалектам, в том числе и по бабинскому. Транс-
крипция, использованная в словаре, полутрубная, с теми же не-
достатками, что были отмечены при анализе текста Евангелия.
В довольно обширном предисловии автор рассказывает о своей
поездке на Кольский полуостров и делится некоторыми этногра-
фическими наблюдениями за жизнью и бытом кольских саамов.
Словарь включает в себя список топонимов и антропонимов, об-
разы речи, представляющие собой переводы некоторых глав
Евангелия, отдельные легенды и песни.

Первая попытка изложить основы грамматики кольско-саам-
ских диалектов была предпринята венгерским лингвистом И.Ха-
ласом¹¹. Автор исследует главным образом кильдинский диалект,
но приводит сведения и по другим кольско-саамским диалектам.

Работа начинается с очень краткого раздела по фонетике,

⁹ Ko - h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m -
m a l l a h t i P. Koltansaamen oraas. - Hki, 1973, s. 51,
56, 85-88. Castreniaomin toimitteita; 4.

¹⁰ G e n e t z A. "Kollan lapin murteiden sanakirja...

¹¹ H a l á s I. Orsz-lapp nyelvutary vázlat. - Бук,
1931, 17.

где И.Халас указывает на явление "усиления" и "ослабления" согласных¹², а также делает интересное наблюдение о сходстве немецкого аблута с чередованием в области саамского вокализма. Но главным образом исследование посвящено описанию морфологии. В разделе "Имя" И.Халас выделяет именные части речи, основные падежи и падежные окончания, анализирует притяжательное склонение и выражение степеней сравнения. В разделе "Глагол" описанию подвергаются сначала финитные, затем инфинитивные формы. Анализируя финитные формы, автор приводит лично-числовые окончания, отмечая при этом, что в кильдинском диалекте окончание I л.ед. числа -m может опускаться. Далее в работе выделяется грамматический показатель имперфекта, указывается выражение перфекта и плюсквамперфекта. Кроме этого, автор выделяет грамматические флексии сослагательного наклонения и конъюнктива. Отмечается, что в кильдинском диалекте наряду с определенно-личным спряжением существует неопределенно-личное, имеющее свои грамматические флексии для презенса и имперфекта. Среди инфинитивных форм глагола рассматриваются инфинитив, причастия законченного и незаконченного действия, так называемый II герундий и отглагольное имя действия. Все грамматические выкладки автор подтверждает примерами, взятыми из текстов А.Генсена. Обзор И.Халаса включает в себя также краткий раздел по именному и глагольному словосложению.

Работа И.Халаса была первым описанием морфологии кильско-саамских диалектов, поэтому в ней имеются и некоторые ошибочные сведения. Так, признаком номинатива множественного числа существительных в аббинском диалекте считается -i, в йсканьбском -i (=j), тогда как этот грамматический показатель выступает только в косвенных падежах. Формы же номинатива множественного числа существительных во всех кильско-саамских диалектах образуются посредством внутрифлексивных чередований согласных и гласных. Сомнительно также утверждение о том, что в кильдинском диалекте признаком номинатива множественного числа существительных является -o ("немой полузвук"), так как никаких следов этого форманта исследователи

¹² Имеется в виду механизм чередования ступеней согласных.

кильдинского диалекта не отмечают. В очерке приведены, кроме того, падежные окончания партитива по линии единственного и множественного числа, тогда как этот падеж имеет только форму единственного числа. В отдельных случаях к падежным и лично-числовым окончаниям автор относит звуки, принадлежащие основе слова либо являющиеся грамматическими флексиями множественного числа или времени. И все же, несмотря на перечисленные недостатки, работа И.Халаса дала некоторые сведения о морфологии кольско-саамских диалектов и способствовала их дальнейшему исследованию.

Большой вклад в исследование кольско-саамских диалектов внес финский лингвист Т.И.Итконен. Лексика этих диалектов изучалась и систематизировалась им в течение нескольких десятилетий. В 1958 году выходит большой двухтомный "Словарь кольских и колтта диалектов саамского языка"¹³, являющийся до сих пор единственным полным и надежным источником. В нем используется чрезвычайно тонкая, безупречная в научном отношении аллофоническая транскрипция. Пользование словарем, однако, затруднено тем, что заглавное слово приводится по диалекту Йаатойоки, и для того, чтобы найти необходимое слово, надо знать его форму в упомянутом диалекте. По этой причине автор вынужден был прибегнуть к регистру на немецком и финском языках, который помещен во втором томе. Словарь содержит, кроме того, список топонимов и антропонимов. Что же касается сабинского диалекта, то он представлен материалами А.Генеца.

Некоторые особенности морфологии сабинского диалекта в сравнении с кильдинским отмечаются в одной из статей Г.М.Керта¹⁴. К ним относятся: падежное окончание абессива -ta и комитатива -tiam, показатель компаратива -p, генитивные формы личных местоимений mi, tu, ad¹⁵. Автор статьи делает вывод

¹³ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja...

¹⁴ К е р т Г.М. Некоторые морфологические особенности сабинского диалекта саамского языка. - MSFOu, Nki, 1973, s. 160-164.

¹⁵ Там же, с. 161-163.

о том, что в целом сабинский диалект занимает промежуточное положение между кильдинским и нотозерским¹⁶.

Обзор литературы, непосредственно касающийся сабинского диалекта, показывает, что исследованию подвергались лишь отдельные вопросы морфологии сабинского диалекта, которые тем не менее нуждаются в уточнении и дополнении. Звуковой строй, а также чередования согласных и гласных и их функциональная роль в грамматике до сих пор анализу не подвергались. Было бы, однако, неправомерно рассматривать исследование сабинского диалекта в отрыве от других кольско-саамских и соседних с ними диалектов, поэтому остановимся на наиболее значительных работах, касающихся этого вопроса.

При описании фонологической структуры сабинского диалекта нами использован сборник финляндских саамоведов "Фонология саамских диалектов"¹⁷, посвященный наиболее сложным вопросам фонологии финско-саамских диалектов.

Наиболее важной является монография Тойво Итконена "Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах"¹⁸, в которой рассматриваются типы чередований одиночных согласных с их долгими коррелятами, а также количественные чередования различных по качеству сочетаний согласных.

В историческом плане написаны две монографии Э.Итконена "Восточно-саамский вокализм с качественной точки зрения"¹⁹ и "Структура и развитие восточно-саамской количественной системы"²⁰.

М.Корхонен исследовал глагольное словосложение в саамском языке. В работе "Спряжение в саамском языке (Финитные

¹⁶ К е р т Г.М. Некоторые морфологические особенности сабинского диалекта саамского языка. - МЭФОН, НКИ, 1973, в. 161.

¹⁷ Lapin murteiden fonologiaa/E. Itkonen, T. Itkonen, M. Korhonen, P. Sammallahhti. НКИ, 1971. - 110с. - (Carttensia-numin toimitteita; 1).

¹⁸ I t k o n e n Тоиво. Venäjänlapin konsonanttien astevaikutelu Koltan, Kildinin ja Turjan murteiden mukaan. НКИ, 1916. - (МЭФОН; 39).

¹⁹ I t k o n e n Э. Der Ostlappische Vokalismus vom qualitativen Standpunkt aus. НКИ, 1939. - XVI, 386 с. - (МЭФОН; 79).

²⁰ I t k o n e n Э. Struktur und Entwicklung der Ostlappische Quantitätssysteme. НКИ, 1946. - (МЭФОН; 88).

категории)"²¹ систематизируются глагольные словоизменительные категории в диалектах саамского языка, приводятся их показатели, которые анализируются с точки зрения происхождения и развития. Вторая часть исследования "Спряжение в саамском языке (Именные формы)"²² посвящена рассмотрению инфинитивных форм глагола: инфинитива, герундия, причастий, абессивных форм глагола, сушина, отглагольного имени действия.

Первой сводной работой по истории саамского языка можно считать монографию М. Корхонена "Введение в историю саамского языка"²³.

В советской лингвистике кольско-саамские диалекты привлекали внимание исследователей в период языкового строительства. Диалектной основой недолго просуществовавшего саамского письменного языка явился кильдинский диалект в силу своей распространенности и географического положения, поэтому все внимание обращено на него²⁴. В этот период выходит большая статья А. Эндиковского²⁵, в которой даются некоторые диалектные различия, предлагается латинизированный алфавит саамского языка, классифицируются гласные и согласные, определяются наиболее характерные чередования. Морфология саамского языка рассматривается с позиции частей речи со всеми присущими им грамматическими категориями. В конце статьи имеется небольшой раздел по лексике, а также приводится текст на саамском с переводом на русский язык.

²¹ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. I. Die Finiten Formkategorien. Hki, 1967. - 364 с. - (MSFO ; 143).

²² K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. II. Die Nominalen Formkategorien. Hki, 1974. - 227 с. - (MSFO; 155).

²³ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan. Hki, EKS, 1981.

²⁴ История саамской письменности изложена в статье: К е р т Г.М. Саамская письменность. - В кн.: Прибалтийско-фин. языковедение. М.;Л., 1967, с.110-115.

²⁵ Э н д и к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык. - В кн.: Языки и письменность народов Севера. Ч. I. М.;Л., 1937, с.125-162.

Первым научным описанием кильдинского диалекта является монография Г.М.Керта "Саамский язык"²⁶, в которую входят следующие разделы: "Фонетика", "Морфология" и "Синтаксис".

В разделе "Фонетика" выявляется фонемный состав согласных и гласных, дается их артикуляционная характеристика, определяется дистрибуция фонем. Автор работы оспаривает тезис о трехступенчатом характере количественных чередований согласных и их сочетаний и считает, что в кильдинском диалекте существуют две фонологически релевантные ступени длины согласных.

В разделе "Морфология" анализируется морфологическая структура слова, определяются типы именных и глагольных основ, описываются все части речи с их грамматическими категориями. Следует отметить, что такие вопросы морфологии, как морфологическая структура слова, типы основ, типы склонений и спряжений, значение и употребление падежей, образование сослагательного наклонения аналитическим способом, выражение номинатива множественного числа существительных, разрабатываются в монографии впервые.

Синтаксис кильдинского диалекта включает в себя описание типов как словосочетаний, так и предложений.

Г.М.Кертом опубликованы также статьи по саамскому языку (преимущественно на основе кильдинского диалекта)²⁷.

Современная языковая ситуация у сабинских саамов

По характеру хозяйственной деятельности саамов подразделяют на саамов-рыболовов (*kalastajalappalaiset*), саамов-оленьеводов (*raimentolaiset* и *porolappalaiset*) и лесных саамов (*metallappalaiset*)²⁸. По всем признакам сабинские

²⁶ К е р т Г.М. Саамский язык: (Кильдинский диалект). Л., 1971. 356 с.

²⁷ Финно-угорские и самодийские языки. М., 1966, с.135-171. (Языки народов СССР: т.3); Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки. М., 1975, с.203-247.

²⁸ I t k o n e n Т.И. Suomen lappalaiset vuoteen, 1945, I. - Hki, 1948, n. 122-124.

саамы относятся к саамам-рыболовам. Жизненный уклад бабинских саамов предполагал замкнутые миграции по рекам и озерам и продолжительное проживание отдельными семьями. Все это наложило определенный отпечаток на их язык, что проявляется, во-первых, в хорошо развитой рыболовецкой терминологии, во-вторых, в существовании специфических "семейных" черт, проявляющихся на всех уровнях языка.

В силу территориальной разобщенности бабинские саамы, как утверждают они сами, почти не контактировали с крайневосточными - кильдинскими и йоканьгскими и, напротив, были очень близки с соседствующими с ними на северо-западе гирвозерскими саамами, которые проживали в верхнем течении реки Гирвас и в бассейне Гирвасозера. По общепринятой классификации гирвозерский говор относят к диалекту Колтта²⁹. Существовали и до сих пор существуют браки между бабинскими и гирвозерскими саамами, что не могло не отразиться на языке исследуемой группы. Различия в языке бабинских и гирвозерских саамов хорошо прослеживаются и осознаются говорящими, они распространяются на все языковые уровни. К таковым в области фонетики относятся:

1) в бабинском, как и в кильдинском и йоканьгском диалектах³⁰, сохраняются сочетания носового с глухим смычным согласным (nt, nk, mp, ns, nš), в гирвозерском говоре на месте первого компонента сочетаний выступает средисязычный j; loŋt - lojt³¹ 'птица', kŋŋŋt - kŋjtəd 'несться', feŋŋ - fejt 'деньги' (ном.ед.ч.), šŋŋke - šŋkke 'собирать', vŋŋpr - vŋjpr 'сестра', rŋŋpr - rŋjpr 'болячка, нарив', vaŋ'siŋ - vaŋssiŋ '(они)шли', kiŋŋe - kiŋssəd 'есть, кушать', vŋŋŋš - vŋŋjš 'мясо', šŋŋŋe - šŋŋiŋssəd 'стоять';

2) сочетаниями носового и звонкого согласного nt, nd, mb, nj, nj̃ бабинского диалекта соответствуют в гирвозерском говоре звонкие геминаты gg, dd, bb, j̃j̃, j̃j̃̃: šleŋŋŋis - šleŋgis 'прозрачный', šaŋŋŋ - šaŋŋ 'шаньгз' (ном.ед.ч.), mienda -

²⁹ K o r h o n e n M. Lapin murteiden keskeisistä suhteista. - Lapin tutkimusseuran vuosikirja, 1964, V, s.51-52.

³⁰ Ibid., s.55.

³¹ Бабинский диалект - гирвозерский говор.

miedda 'прочь', koñd - kōdd 'дикие олени', lambeś - labbeś 'озны', lumbel - lubbel 'озеро в разливе реки', kēñzam - kēñzam 'я ем', vāñzam - vāñzam 'я иду', vuonjam - vuonjam 'я достаю';

3) на месте согласных ě, ě бабинского диалекта в гирвозерском говоре выступает среднелазичный j, например: iěě - ijj 'годы', reĝiě - rejjě 'через', hieĝ - hiejj 'быки', ěirĝehti - ěirĝehtad 'онеметь', lūĝ - lūjj 'ночь', ěĝ - ejj 'отны', kējam - kējjam 'я спрочу', teĝ - tejj 'концы';

4) сочетания согласных ěa, ěa бабинского диалекта соответствуют xa, xa в гирвозерском говоре: ěake - ěaxad 'раздеть', roěki - roxkad 'намазать', zaě - zaxa 'грязный', aě - axa 'топор';

5) согласные k, k последующего диалекта во многих случаях представлены в гирвозерском говоре соответственно t, t: miěcik - miěcit 'кукуш', vejk - vejĵt 'сумерки', kōrak - kōrat 'дубинка', kieś - tieś 'лето', kolstelaĵ - folstelaĵ 'лгать', hoěkant - hoifant '(он) прыгает';

6) аллофоном фонемы /v/ в позиции после гласного в бабинском диалекте выступает лабиализованный [u], в гирвозерском говоре - [u], например: ěauiě - ěauiě 'озеро', ěeělam - ěeělam 'я продеваю нитку', ūědas - ūědas 'вперед, дальше', kēuiě - euiě 'крючок для подвешивания котла', ěoiěj - ěoiěj 'жизнь'.

Из морфологических различий следует отметить следующие:

1. В результате отпадения аусляющего d, являющегося составной частью суффикса, отдельные морфологические аффиксы бабинского диалекта приобрели специфическую оформленность в сравнении с соответствующими аффиксами гирвозерского говора, где этот согласный сохранился:

а) показателем инфинитива глаголов в первом является -e, во втором -ed, например, vuěke - vuěked 'пойти', kure - kured 'курить', kēke - kēked 'высекать огонь', riěhte - riěhtad 'пороть', ěuěke - ěuěked 'сказать';

б) надежным окончанием генитива-аккузатива множественного числа в бабинском диалекте является -i, в гирвозерском говоре -id, например: sāni - sāniě 'саней', kuěi - kuěiě 'гной', kiěgi - kiěgiě 'кукушек', sējmi - sējmiě 'сете', kōtki - kōtkiě 'муравьев'.

2. В гирвозерском говоре существуют формы генитива-аккузатива единственного числа существительных, признаком которых является гласный -и. В бабинском, как и в других крайневосточных диалектах³², этот признак отсутствует. Названные формы образуются посредством чередования согласных и гласных южня, например: *suola* - *suilli* 'острова', *mān* - *manli* 'луня', *roho* - *rohosi* 'олень', *siomb* - *siimri* 'лягушка', *horg* - *hirkki* 'утки-нырки'.

3. В гирвозерском говоре гласный -и является, кроме того, признаком имперфекта изъявительного наклонения, в бабинском диалекте соответствующая грамматическая категория выражается посредством гласного -а, например, *hūkīm* - *hūrkum* 'я свистел', *zāñīm* - *zarnum* 'я рассказывал', *sielām* - *siellum* 'я был', *kirkñīm* - *kirknum* 'я успел', *kurrīm* - *kurruk* 'я курил'.

4. В результате денасализации сочетаний согласных отделение словоизменительные и словообразовательные суффиксы гирвозерского говора отличаются от соответствующих признаков бабинского диалекта:

а) показателем компаратива в бабинском диалекте является -р, в гирвозерском -р, например: *uōbamp* - *uōbap* 'меньше', *šiqamp* - *šiqap* 'глубже', *vaŋkamp* - *vaŋkap* 'короче', *kūzamp* - *kūzap* 'тверже', *reŋtamp* - *reŋtap* 'острее';

б) признаком отглагольных существительных и диминутивных форм в исследуемом диалекте являются -iñš, -iñš, в гирвозерском говоре -iŋš, -iŋš, например: *zāmliñš* - *zāmliŋš* 'сама', *kargāiñš* - *kargāiŋš* 'карал', *ruoŋliñš* - *ruoŋliŋš* 'русокий', *kiedgiñš* - *kiedgiŋš* 'наметок', *nijdiñš* - *nijdiŋš* 'девочка', *rouviñš* - *rouviŋš* 'медвежонок';

в) признаком причастий в бабинском диалекте являются -miñš, -miŋš, в гирвозерском говоре -miŋš, -miŋš: *piŋhtmiñš* - *piŋhtmiŋš* 'пришедший', *roŋmiñš* - *roŋmiŋš* 'елый', *šurmiñš* - *šurmiŋš* 'русый', *alkmiñš* - *alkmiŋš* 'начавший', *kuormiñš* - *kuormiŋš* 'спящий'.

В языке бабинских и гирвозерских саамов имеются, кроме

³² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.141.

того, лексические различия. Приведем здесь некоторые из них: jinn - sunn 'голос', jaŋt - laŋt 'пол', miŋŋ - ruolaŋ 'моро́з', šaŋv - vaŋtt 'пелня', keŋŋ - aŋŋ 'крючок для подве- шивания котла', jaŋnax - vittim 'женых', roŋk - gaŋr 'ту- ловище', pivaŋm - kōrat 'корыто', rišk - kaŋk 'лепешка', niŋš - riŋt 'грудь', maŋt - meŋk 'молоко', paŋŋi - vaŋtt 'масти (пол)', suŋkk - vuollaŋ 'грести', paŋšō - vuohrje 'грести задними веслами', rieŋkkŋ - loŋke 'плакать', koŋse - mōnāŋ 'проснуться'.

Приведенные фонетические, морфологические и лексические различия довольно стабильно удерживаются в языке сравниваемых групп саамов. Следует, однако, отметить, что в результате длительного общения отдельные фонетические, а через них и морфологические черты гирвского говора начинают проявлять- ся в языке бабинских саамов. Так, в условиях свободного варир- ования находятся согласные k и t: kodda ~ todda 'весной', roŋkanna ~ roŋtanna 'голодом', keŋtte ~ teŋtte 'варить'. От- дельные демаскулированные морфологические аффиксы употребле- ются параллельно с собственно бабинскими: -iŋš, -iŋš ~ -iŋ, -iŋ; -ar ~ -r: kargiŋš ~ kargiŋ 'море', kaŋtmiŋš ~ kaŋt- miŋ 'покрытый', jaŋ-ar~jaŋ-ar 'больше', tiŋkarr ~ tiŋkar 'быстрее'. Падежные окончания комитатива множественного чис- ла -guim (саб.длал.) и -vuim (гирв.говор) являются в иссле- дуемом диалекте в настоящее время алломорфами: āiŋiguim ~ āiŋivuim 'с синовьями', juŋiguim ~ juŋivuim 'ногами', piŋŋiguim ~ piŋŋivuim 'с собаками', piessiguim ~ piessivuim 'берестами'.

Привычный хозяйственный уклад в жизни бабинских саамов был значительно изменен в период коллективизации, когда на Кольском полуострове создавались оленеводческие и рыболовец- кие колхозы. В результате укрупнения сел многие саамские по- госты исчезли. Жители погоста Икостров разъехались по раз- ным городам и селам Мурманской области, а бабинские саамы в 1937-1938 гг. переехали в село Ына, где создавался оленевод- ческий колхоз. В настоящее время бабинские саамы живут и тру- дятся в совхозе "Ына" и в близлежащих поселках. По сведениям Ынского поселкового совета, в совхозе насчитывается 51 саам, на ст. Ына - 21, в п. Рыколатва - 5, в п. Калиное - 2, в п. Ава-

губа - I, т.е. всего 80 человек. Однако практически саамским языком владеет едва ли их треть, так как дети дошкольного и школьного возраста на родном языке не говорят и не понимают его, а среднее поколение (до 35-40 лет) употребляет лишь отдельные фразы, но в целом понимает саамскую речь.

Следует отметить, что в рассматриваемом регионе проживают также финны. В совхозе "Има" их насчитывается 30 человек, имеются смешанные финско-саамские союзы. Отдельные саамы в наиболее типичных ситуациях понимают финский язык, хотя и не говорят на нем. Данный факт представляет определенный научный интерес и мог бы послужить темой самостоятельного исследования.

Глава I. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА

Некоторые теоретические вопросы фонологического описания

О фонологическом аспекте исследования звукового строя языка

Звуковой строй языка имеет два аспекта: фонологический (или функциональный) и фонетический, которые настолько связаны между собой, что невозможно заниматься одним в отрыве от другого¹. Данное положение, однако, не отрицает того, что в каждом конкретном случае можно заострять внимание на одном из аспектов звукового строя, т.е. либо изучать физические свойства звуков, до известной степени отвлекаясь от их функции в языке, либо исследовать функции этих звуков, не вникая в детали их акустико-физиологических характеристик². В данной работе основное внимание уделяется функциональному аспекту, приобретающему в самоевропейском все большее значение. В зарубежной лингвистике интерес к фонологии самского языка возник, главным образом, в связи с составлением фонологических транскрипций для всех финно-угорских языков. Дialectы самского языка в аспекте фонологии оказались слабоизученными. Финляндские самоеведы издали сборник "Фонология самских диалектов"³, который явился первым опытом создания фонологических транскрипций применительно к разным диалектам самского языка. В этой работе нашли отражение наиболее сложные вопросы фонологии самского языка, связанные с разграничением фонем и аллофонов, определением фонологически релевантных долгот согласных и гласных, представлением сведений о дистрибуции фонем, определением фонологического статуса палатализации⁴. Позже М. Корхонен опубликовал статью "К

¹ Щ е р б а Л.В. Очередные проблемы языковедения. - В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.5.

² З я н д е р Л.Р. Общая фонетика. Л., 1960, с.10.

³ Lapin murteiden fonologiaa / E. Itkonen et al. ...

⁴ См. след. рецензии: V i i t t a T.-R. Itkonen E., Itkonen T., Korhonen M., Sammallahti P. Lapin murteiden fonologiaa. - Сов. фин.-угроведение, 1974, 2; I t k o n e n T. Uralilaisten kielten fonologiaa. - Vir., 1974, 4.

фонологии диалекта Колтта саамского языка"⁵, в которой, кроме того, определяются диалективные признаки фонем, а также анализируется структура слога. Фонологическую транскрипцию одного из кольско-саамских диалектов - кильдинского - предложил в своей работе американский лингвист Д.Е. Бьярнсон⁶. Он останавливается на двух проблемах фонологии саамского языка: определении фонологической роли палатализации и интерпретации долгот согласных и гласных. С позиции генеративной фонологии отдельные проблемы саамского языка рассматриваются в статье Р.Хармса⁷. Следует отметить недавно вышедшую работу П.Саммаллахти "Фонетика норвежско-саамского диалекта Восточное Энонтекио"⁸, в которой фонологический анализ диалекта производится в терминах релевантных признаков. В монографии Г.М.Керта "Саамский язык" звуки речи определяются прежде всего с позиции их смыслообразительной роли, в результате чего анализу подвергаются в основном фонемы, точнее, их типичные оттенки, аллофонам же уделяется незначительное внимание.

Фонемы и аллофоны

Центральная задача фонологии заключается в том, чтобы в данном языке (диалекте) выделить такие звуки, которые используются для различения звуковых оболочек слов и их форм, т.е. выделить фонемы, являющиеся наименьшей линейно неделимой звуковой единицей языка⁹.

Фонема - относительно абстрактная единица в том смысле, что ее нельзя полностью отождествлять ни с одной конкретной

⁵ K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlappischen. - In: Symposium Phonologische Analyse der uralischen Sprachen. Berlin, 17-20. September 1974. Berlin, 1975.

⁶ B j a r n s o n D.E. A phonomic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish. Bloomington, 1976.

⁷ H a r m s R. Problems in Lapp phonology. - In: CIFU III, Tallinn, 1975, pars 1.

⁸ S a m m a l l a h t i P. Norjansamen Itä-Enontekiön murteen äänneoppi. Helsinki, 1977. - 281 s. - (MSFOu: 160).

⁹ З и н д е р Л.Р. Общая фонетика ..., с.35.

звуковой единицей языка. Фонема воплощается во множество оттенков, однако, как отмечает Л.В.Щерба "среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым привычным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде и собственно он один только и сознается нами как речевой элемент"¹⁰. В практике выявления и описания фонем приходится иметь дело с этими типичными оттенками, являющимися реальными звуковыми единицами с присущими им физическими характеристиками. Этими характеристиками и наделяют соответствующие фонемы.

Чрезвычайно важным в учении Л.В.Щербы является необходимость четкого разграничения фонем и их конкретных проявлений — аллофонов или оттенков фонем. В принципе каждая фонема воплощается в бесчисленное множество аллофонов, но лингвистически значимыми будут лишь те, которые носят связательный характер для всех говорящих на определенном языке или на одном из его диалектов. Так, в баинском диалекте аллофонами /u/ будут: *iu*, *u*, *u*, *ui*, появление которых обусловлено позицией: *uk* 'дверь', *u'ui* 'язык', *liut* 'такой', *uii* 'я' 'мне'. Появление того или иного аллофона, как отмечает Л.Р.Зиндер, не следует искать только в фонетической обусловленности позиции. В противном случае состав аллофонов, появляющихся в одинаковых позициях, был бы одинаковым во всех языках¹¹. Появление же в сходных позициях различных аллофонов в разных языках объясняется языковой традицией. Лингвистическое значение аллофонов заключается еще и в том, что они являются зародышами будущих самостоятельных фонем¹².

Необходимость учета и фиксации аллофонов наряду с фонемами доказывается тем, что в слове они переплетены в единое целое и что слово воспринимается как состоящее из тех и других единиц¹³. Так, если игнорировать произношение звука

¹⁰ Щерба Л.В. Фонетика французского языка. Л., 1953, с.19.

¹¹ Зиндер Л.Р. Общая фонетика ..., с.47.

¹² Там же, с.48.

¹³ Барнштейн С.И. Вопросы обучения произношению. М., 1937, с.267.

[u], являющегося аллофоном фонемы /v/ в позиции после гласных, например, в таких словах, как *jaŋt* 'озеро', *naŋt* 'яма', *boŋtə* 'развязать', *leŋtje* 'петь', и произносить на его месте фонему /v/, то слова в большинстве случаев будут узнаны, однако необычный характер произношения сразу же будет замечен. Основное различие между фонемами и аллофонами состоит в том, что замена фонем дает новое или абсурдное слово, тогда как употребление одного аллофона вместо другого не дает нового слова, а лишь затрудняет его понимание и мешает речевой коммуникации.

Сильные и слабые позиции для различения фонем

Существенное значение для выявления состава фонем представляет определение сильных и слабых позиций.

В сильных позициях происходит максимальное различение фонем, а равно и их дифференциальных признаков. Так, в саамском языке сильной позицией для разграничения палатализованных и непалатализованных согласных является положение перед всеми гласными, кроме /i/ и /i:/, а также позиция абсолютно го конца слова.

В слабых позициях или позициях нейтрализации не происходит максимального различения фонем, их дифференциальные признаки затухают либо совпадают с таковыми других фонем. В таких позициях число выявляемых фонем меньше, чем в позициях максимального различения¹⁴. Так, в кольско-саамских диалектах дальше первого слога редко встречаются лабиализованные гласные /â, u, o/, в бабинском диалекте в чеперных слогах не встречается гласный /â/. Слабой позицией для носового сонанта /n/ является позиция перед смычными взрывными /k, g/, где он нейтрализуется в заднеязычном сонанте /ŋ/, например, *kaŋ-garŋa* 'к кому', *miŋ-guŋiŋa* 'для чего'. Н.С.Трубецкой, выдвинувший понятие нейтрализации, считал, что в этой позиции противопоставление фонем снимается и на месте нейтрализующейся фонемы выступает архифонема, понимаемая как совокупность слоговразличительных признаков, общих

¹⁴ Т р у б е ц к о й Н.С. Основы фонологии. М., 1960, с.256.

двух фонем¹⁵. В некоторых работах по фонетике саамского языка¹⁶ в этом понимании используется термин "архифонема". Более убедительной, на наш взгляд, является точка зрения, в соответствии с которой нейтрализация не есть замена нейтрализующихся фонем архифонемой, а есть отсутствие использования противопоставления фонем в определенных позициях¹⁷. Так, если происходит нейтрализация глухого согласного /p/ в позиции соседства с сонорным согласным (тип *biella* 'на ту сторону': тип 'tot' (ген.-акк.ед.ч. от *tut* 'tot') и *riella* (дат.-илл.ед.ч. от *rielli* 'половина'), то на его месте мы имеем конкретный звонкий согласный /b/, который является таким же самостоятельным согласным, как и его глухой коррелят. В сознании говорящих нейтрализующаяся фонема может быть легко восстановлена при отчетливом и замедленном произношении. Явление утраты дифференциального признака — факт речи, а не языка, однако, это не отрицает возможности того, что речевые проявления могут существенно влиять на языковые.

Дистрибуция фонем и аллофонов

В каждом языке существуют свои запреты на появление того или иного звука в конкретной позиции, поэтому при описании языка или диалекта большое значение имеет определение дистрибуции фонем и аллофонов, что связано с определением позиций и окружений, в которых звуковые единицы могут либо не могут встречаться. Так, например, фонема /a/ исследуемого диалекта обладает максимально широкой дистрибуцией: она возможна в начале, середине, конце слова, после твердых и мягких, перед твердыми и мягкими согласными. В свою очередь, гласный среднего ряда /i/ ограничен в своей дистрибуции: он не может следовать после палатализованных согласных.

Немаловажное лингвистическое значение имеет определение дистрибуции сочетаний фонем, которые подчинены в языке

¹⁵ Трубенкой Н.С. Основы фонологии..., с.37.

¹⁶ См., например, Sammalanti P. *Norjansamen* I. *Enontekiön murteen* *muunnorpi*....

¹⁷ Зиндер Л.Р. Общая фонетика..., с.58.

своим особым правилам. При определении дистрибуций сочетаний фонем "необходимо, во-первых, установить, какие фонемы вообще сочетаются между собой в данной позиции, а какие исключают друг друга, во-вторых, необходимо установить, в какой последовательности эти фонемы следуют друг за другом в данной позиции, и, в-третьих, должно быть указано число членов в тех сочетаниях, которые допускаются в данной позиции"¹⁸.

Типы дистрибуций характеризуют также и аллофоны, которые находятся между собой в отношениях дополнительной или комплементарной дистрибуции. Дополнительная дистрибуция связывает два (или более) таких элемента, один из которых встречается в таком окружении, где не встречается другой, и наоборот¹⁹. Не встречаясь в одной и той же позиции, аллофоны не могут быть противопоставлены друг другу в качестве различителей разных языковых знаков.

При описании языка важное значение имеет тип дистрибуции, называемый свободным варьированием. В этом случае определенные фонемы могут замещать друг друга без какого-либо искажения смысла слова или его формы. В бабинском диалекте в отношениях свободного варьирования находятся следующие согласные и гласные фонемы: /k/ ~ /t/: *kassa* ~ *tassa* 'летом', *koŭt* ~ *toŭt* 'он летит', *kolnŭ* ~ *tolnŭ* 'с колокольчиком'; /b/ ~ /v/: *beabaŭ* ~ *beavaŭ* 'лошадь', *šejb* ~ *šeĵv* 'хвост'; /u/ ~ /i/: *vyŭkiŭ* ~ *viŭkiŭ* 'они пошли', *ŭdas* ~ *iŭdas* 'вперед', *luin* ~ *viin* 'около'; /ε/ ~ /i, i/: *galŭ* ~ *giŭk* 'надо', *zeŭvis* ~ *ziŭvis* 'гирvas', *raŭse* ~ *raiŭi* 'подметать (пол)', *ŭeiŭiŭ* ~ *iŭiŭiŭ* 'они были'; /oa/ ~ /ua/: *joŭlie* ~ *juŭlie* 'разговаривать', *koŭgam* ~ *kuŭgam* 'я шью', *ŭoass* ~ *uŭass* 'березовый трухлявый пенёк', *roŭz* ~ *ruŭz* 'олень'. Явление свободного варьирования фонем свидетельствует об определенных сдвигах в звуковой структуре диалекта. Так, чередования /ε/ ~ /i, i/, /oa/ ~ /ua/ отражают тенденцию гласных первого и второго

¹⁸ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.282.

¹⁹ Засорина Л.Н. Введение в структурную лингвистику. М., 1974, с.167.

словом к сужению, что имеет место во многих языках мира²⁰.

Методы выявления и описания единиц звукового строя

Единицы звукового строя исследуемого диалекта определяются методом подбора минимальных пар или квазиомонимов, которые наиболее наглядно демонстрируют существование тех или иных единиц, например, /u/ и /j/: riuv 'колено' - rijv 'облако', /n/ и /ŋ/: jnn 'голос' - jŋn 'лед', /a/ и /i/: koa 'он спит' - koi 'золото' и т.д. Л.В.Щерба, однако, предупреждал, что квазиомонимов случайно может и не оказаться в языке, и тогда "... достаточно противопоставления двух звуков в сходных фонетических условиях для того, чтобы они играли роль отдельных фонем"²¹. Для того чтобы отграничить, например, палатализованные согласные от непалатализованных, достаточно их различения в сильных позициях: перед любыми гласными, кроме /i, j/, либо в аусляутной позиции: piolaa 'я разгрузил' - piölaa 'стрела', nutt 'молодой' - nuit 'веревка'.

Подбор минимальных пар или словоформ, в которых разные фонемы оказываются в сходных фонетических позициях, есть не что иное, как экспериментирование в широком смысле этого слова. Лингвист не является пассивным наблюдателем, а ставит объект исследования в необходимые для него условия. Как известно, эксперимент в фонетике осуществляется двумя методами: на слух и с помощью специальной аппаратуры. Первый из них назван Л.В.Щербой субъективным. В данном исследовании фонемный и аллофонный состав определяется посредством субъективно-слухового метода. Состав аллофонов кольско-саамских диалектов в значительной мере зафиксирован в словаре Т.И.Литконена²², по аналогии с которым выявляются наиболее типичные и тем самым лингвистически значимые аллофоны бабинского диалекта. Считая субъективно-слуховой метод основным, мы тем не менее старались расширить его, насколько это возможно, и

²⁰ Серебрянников Б.А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с.66-70.

²¹ Щерба Л.В. Фонетика французского языка..., с.56.

²² I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlepin saakirja...

вторгнуться в область, отводимую объективному методу²³. Так, например, долгота первого компонента сочетаний согласных во многих случаях не сразу стала осознаваться бабинскими саа-мами, так как их функциональная роль оставалась как бы в тени других средств противопоставления слов и их форм. В чередованиях типа $\bar{x}u \sim xz$ осознавались прежде всего чередования второго компонента сочетаний по глухости-звонкости, например, $z\bar{i}jt$ 'погост' - $z\bar{i}jd$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.); чередования же первого компонента сочетаний по количеству оставались за порогом сознания. Лишь после того, как были приведены примеры типа $\bar{n}a\bar{i}m$ 'рот' - $\bar{n}a\bar{i}m$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $p\bar{i}jt$ 'дом' - $p\bar{i}rt$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) и др., где чередования первых компонентов сочетаний согласных по количеству играют основную роль в различении форм слова, количественные чередования согласных стали осознаваться также и в тех случаях, где наряду с ними вторые компоненты сочетаний чередуются по глухости-звонкости. Тем самым то, что находилось за порогом сознания говорящих, стало достоянием их сознательного отношения к языковым фактам.

В отдельных случаях, особенно при выявлении главных способов образования грамматических категорий, в процессе работы использовался метод обучения информанта письму на основе русской графики. В подобных случаях точность записи значительно страдает, но тем не менее нам удалось выявить ведущие, находящиеся в сфере сознания говорящих, способы образования наиболее сложных грамматических категорий.

С методом выявления состава фонем и аллофонов тесно связан вопрос о стилях произношения. Еще Л.В. Щерба указывал на необходимость различения в языке полного и разговорного стиля²⁴. При полном стиле слово произносится ясно и отчетливо, в

²³ Щерба Л.В. Субъективный и объективный метод в фонетике. - В кн.: Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974, с.138.

²⁴ Щерба Л.В. О разных стилях произношения и об идеальном фонетическом составе слова. - Там же.

"идеальном фонетическом составе", при разговорном возникают так называемые аллегровые формы²⁵, в которых гласные непрерывных слогов, а в определенных позициях и гласные первых слогов произносятся кратко, отдельные слова теряют второй слог, становясь односложными и т.д. Варианты полных и аллегровых форм хорошо видны в следующих живых формах бабинского диалекта: *tobjā ~ tobjā ~ tobā ~ tob* 'там', *māsat ~ māāt ~ māst ~ mā* 'обратно'. В синхронном плане аллегровые формы саамского языка представляют собой уже самостоятельные единицы, поскольку относятся и к нормальному темпу речи, подчиняются фонетическим и морфологическим законам языка. Отдельные аллегровые формы могут существенным образом влиять на изменение, в частности, морфологической структуры диалекта. Так, например, употребление аллегровых форм типа *jeiŋip* 'мы живем', *šurjūt* 'они живут' вместо полных *jeiŋer*, *šurāt*, в которых гласные второго слога /с/, /а/ оформляют основы презенса в противовес основам имперфекта на /i/, вызывает совпадение основ презенса и имперфекта изъясительного наклонения глаголов. Конечно, причины совпадения основ кроются не только в сфере разговорной речи. Этого не происходило бы, если лично-числовые окончания презенса совпадали с соответствующими окончаниями имперфекта, как, например, в финском языке. При отчетливом произношении основы презенса и имперфекта пока еще различаются, но не исключено, что под влиянием аллегровых форм это различие будет размываться.

При выявлении фонемного инвентаря диалекта мы опираемся на морфологическую структуру и систему морфологических и морфонологических чередований. Фонологический анализ не предстает морфологическому и не оторван от него, а производится в связи с ним. К.Найк отмечает, что фонемы могут анализироваться лишь в соответствии с грамматическими фактами²⁶. Пред-

²⁵ Lepin murteiden fonologiaa/ B. Itkonen et al., s. 37-40; S a m m a l l a h t i P. Norjansaamen its-Erante-kiän murteen #inneoppi..., s. 100.

²⁶ P i k e K.L. Grammatical prerequisites to phonemic analysis. - Word, 1947, vol. 3, 3, p. 156; Принципы описания языков мира. М., 1976, с. 266.

ставляется, что подобный анализ звуковой структуры диалекта является надежным и в достаточной степени экономным, ибо в противном случае можно получить разные единицы для разных уровней диалекта.

Фонемный инвентарь сабинского диалекта

Фонемный инвентарь сабинского диалекта саамского языка состоит из 54 согласных и гласных фонем: /р, р', б, б', т, т', ф, а, а', к, к', г, г', в, в', у, з, з', ж, ж', ш, ш', х, н, н', с, с', ц, ц', ч, ч', м, м', п, п', л, л', й, г, г', 1, 2, а, а', у, о, о', ä/.

Если дифтонги и трифтонги считать однофонемными образованиями, которых насчитывается 27 /ua, oa, ua, ea, uo, ue, au, ou, iu, eu, ju, uü, ie, ie, ia, ai, ai, äi, ui, ei, iü, ei, üi, uai, uüi, uoi, uai/, то фонемный инвентарь исследуемого диалекта будет составлять 81 единицу.

Все звуки саамского языка делят на гласные и согласные. С физиологической точки зрения гласные определяются как звуки, образуемые воздушной струей, которая может проходить через рот свободно, без всякой задержки; при образовании согласных выход может быть временно задержан или же направлен сквозь значительно суженный проход, о стенки которого происходит трение воздуха. Критерием различения гласных и согласных звуков является также способность их участвовать в слогеобразовании. В саамском языке слог образуют только гласные.

Состав гласных фонем и их основных аллофонов

Г л а с н ы е ф о н е м ы п е р в о г о с л о г а ,
и х о с н о в н ы е а л л о ф о н ы

Практика выявления фонемного состава гласных показывает, что целесообразно сначала провести анализ гласных первого, а затем — следующих слогов. Объясняется это тем, что в первом слове выявляется полный инвентарь гласных фонем, тогда как в следующих — гласные представлены беднее.

В первом слове слова выявляются все восемь гласных фонем /i, e, a, ä, u, o, u, ä/.

Артикуляционно гласные различаются по ряду, подъему и

положению губ. По признаку ряда гласные делятся на гласные переднего /i, ε, ə/, среднего /ɨ, а/ и заднего /u, о, ǎ/ ряда. По признаку подъема различают гласные верхнего /i, u, ɨ/, среднего /ε, о/ и нижнего /а, ə, ǎ/ подъема. По признаку огубленности-неогубленности коррелируют, с одной стороны, /u, о, ǎ/ , с другой - /i, ε, ɨ, а, ə/.

Описание гласных может основываться на одном из трех названных признаков. По сложившейся традиции за основу описания берется признак ряда, и, таким образом, анализируются сначала гласные переднего, затем среднего и заднего ряда.

Гласные более переднего ряда, их основные аллофоны

/i/ : [i] - гласный переднего ряда высокого подъема неогубленный. Идентичен гласному i в словах с переднерядной гласной в финском и карельском языках: iik 'год', iij 'нет', iijm 'глаз', tizim 'я тянул', iigtalam 'я трогал'.

[ɨ] - звук, который произносится с несколько отодвинутым назад языком по сравнению с произношением [i]. Появляется перед или после твердых согласных: iit '(он) слышит', viizam 'я унесу', siir 'серебро', iit лок.ед.ч. от tij 'вы'.

[ĩ] - назализованный гласный, появляющийся между носовыми согласными: iĩm 'сосать', iĩm 'самка', iĩm 'вымя', iĩm 'ничто'.

/ε/ : [ε] - гласный переднего ряда более низкого подъема, чем [i]. По произношению близок к русскому "э" в начале слова: iik 'ночь', iit 'лось', iit 'я охотсь', кем-нар'э'е'вы шумите'.

[e] - закрытый оттенок гласного [ε], появляется в позиции после палатализованных согласных: keir 'иглица', iei 'игла', iei 'я пою', iei 'я полощу'.

[ɛ] - сильно продвинутый вперед закрытый оттенок гласного [ε], появляется между палатализованными согласными: iei 'книжка' (ном.ед.ч.), iei 'о, вместе', iei 'ли', iei 'козель'.

[ɛ̃] - назализованный гласный, обусловленный позицией между носовыми согласными: iim 'я пою', iim 'яно', iim 'я называю'.

/a/ : [a] - гласный переднего ряда нижнего подъема. По

произношению сближается с переднеязычным ä прибалтийско-финских языков. В словаре Т.И.Итконена этот звук обозначен ä. Он отсутствует в кильдинском диалекте²⁷, но типичен для диалектов Колтта²⁸ и Инари²⁹: äik 'женщина, старуха', säim 'сеть', t'äiešt 'здесь', vāi'sim 'я шел', säitäläim 'я помещивал'.

[ä] – сильно продвинутый вперед гласный. Появляется между палатализованными согласными. Употребление данного знача чисто условно и не имеет ничего общего с гласным ä прибалтийско-финских языков. По артикуляции [ä] саамского языка значительно больше продвинут вперед, чем /ä/ прибалтийско-финских языков: ääim 'рот', ääie 'вода', ääkim 'я издрил', ääifjata 'без веретена'. Этот звук считается аллофоном фонемы /a/, а не /ä/, поскольку звуки [ä, a] фонетически близки³⁰.

[ä̃] – назализованный оттенок, появляющийся между носовыми согласными: n'ä̃n't'em 'такой', ä̃nŋ 'кожа'.

Гласные фонемы среднего ряда, их основные аллофоны

/a/ : [a] – гласный среднего ряда нижнего подъема неогубленный, произносится как соответствующий гласный прибалтийско-финских языков: ää 'топор', ääp 'тона', äälat 'я живу', ääpalejst 'у родителей'.

[ä̃] – назализованный гласный, выявляющийся между носовыми согласными: ä̃nŋ 'затем', ä̃ä 'невестка', ä̃ntäli 'заманить'.

²⁷К е р т Г.М. Саамский язык...с.66-67; В j e r n s o n D.E. A phonemic transcription of Lovozero (Kildin) Lappish... р.14; I t k o n e n Т o i v o. Venäjänlapin kolsonanttion ästevähtelu..., с.7.

²⁸K o r h o n e n М., K o s n i k o f f J., S a m m a l l a h t i P. Koltansaamen opas...,с.13; K o r h o n e n М. Ehdotus Koltanlapin Suonikylän (nyk. Sevettijärven) murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. – ИЛФ, 1971, с.74.

²⁹I t k o n e n E. Ehdotus inarinlapin fonemaattiseksi transkriptioksi. – ИЛФ, 1971, с. 43.

³⁰Ibid., с.44.

/i/ : [i] - гласный среднего ряда верхнего подъема неабалтизованный. Произносится несколько оттянутым назад губами, как и при произношении "и" русского языка. Не выступает после мягких согласных: *ijit* 'рядом', *rijiv* 'облако', *rijistim* 'ложка', *kijmvaemus* 'самый холодный'.

[i̯] - наалтизованный согласный: *mi̯llim* 'я ушел', *mi̯lla* 'чего-то'.

Гласные фонемы заднего ряда, их основные аллофоны

/u/ : [u] - гласный заднего ряда, слегка продвинутый вперед не максимально высокого подъема огубленный. Идентичен гласному /u/ финского языка: *uśś* 'маленький', *muigi* 'ягод', *muittaiim* 'я пробовал бы'.

[u̯] - продвинутый вперед гласный, выступает после и между наалтизованными согласными. В последнем случае продвинутость вперед больше, чем в первом: *mu̯iśś* 'лебедь', *mu̯iśsem* 'язык', *śut* 'сто'.

[ũ̯] - отодвинутый назад [u]. При артикуляции губ находится в нейтральном положении, язык оттянут назад. По слуховому восприятию напоминает гласный [i̯], встречается редко: *mu̯i̯t* 'такой', *mu̯ukkiś* 'щука', *mu̯ittiiś* 'они ставили павол'.

[ũ̯] - наалтизованный гласный, встречается между носовыми согласными: *mu̯i̯n'a'e* 'мне', *mu̯i̯mb* 'другой', *mu̯i̯i* 'мороз'.

/o/ : [o] - гласный заднего ряда среднего подъема огубленный, образуется слабой губной артикуляцией: *kois* 'кольцо', *ois* 'он бежит', *kośim* 'я косил', *ontvet'te* 'вы идете'.

[õ] - наалтизованный вариант, появляющийся между носовыми согласными: *mõn* 'я'.

/a/ : [ã] - гласный заднего ряда более низкого подъема, чем [o], огубленный. Артикулируется как звук средний между [a] и [o], при произношении которого рот открыт больше, чем при произношении [a] и [o]: *mãvv* 'маленький', *ãi̯i* 'сейчас', *jãd'at* 'они идут', *jãntmãi̯šata* 'без голубицы'.

Фонологический статус гласных первого слога наглядно доказывается существованием в языке минимальных пар или противопоставлением фонем в сходных позициях.

/i/ : /i̯/ : *ijt* 'полка для посуды' - *ijit* 'рядом', *mi̯la*

'ум' - mīlā 'мыло', ifī 'Илья' - īlā 'крутой';

/i/ : /ε/: kīlō 'ноготь' - kēlō 'кэнс' (саамское слово), kīckim 'я тонну' - kēckam 'я тону', mīnnim 'я ушел' - mēnam 'я ухожу';

/a/ : /i/: laāt 'щепка' - līāt 'лист', kaśk 'грызи' - kīck 'тонг';

/u/ : /i/: pūlv 'колени' - pīlv 'облако', mīn'n'a 'мне, в меня' - mīn'n'a 'что-либо';

/a/ : /ε/: vaǝj 'он кроит' - vaǝ 'крои', kālāw 'каньги' (вид обуви) - kēlēē 'место токования глужарей';

/ε/ : /u/: kēim 'замерзки' - kūim 'бровь', mēn'n' 'ябло' - mūm 'мороз', šēim 'глаз' - šūim 'пролив';

/o/ : /u/: jōnn 'большой' - jūm 'уже', kōgam 'я связываю' - kūgam 'я курю', kośk 'сухой' - kuśk 'порог';

/a/ : /u/: taiv 'эшка' - tūiv 'половодье', saks 'грозный' - šūks 'червь', vaǝrri ларт. от vaǝr 'гора' - vaǝrī 'дурак', kālam 'я брежу' - kūlam 'я слышу';

/o/ : /ε/: lohk 'замок' - lāhk 'потолок', kōw 'коса' - kāw 'кошка', kovas 'куванса' (полумалам) - kāvas 'яконо';

/a/ : /a/: paǝ 'сердитый' - pāǝ '(он) дует', paǝni 'красить (пол)' - pāǝni 'скручивать (нитку)', kaśē 'ушная сера' - kāśē 'коса' (девичья);

/a/ : /ε/: aṇišk 'Аня' - ān 'теперь', kāv 'кзгб' - kāv 'молодая жена', āv 'глина' - āv 'шор';

/a/ : /a/: saǝm 'сеть' - saǝ 'место', paǝ 'все' - paǝ 'иза', t'aṇk 'комелек' - taṇk 'точильный камень'.

Фонологический статус гласных фонем доказывається, кроме того, морфологическими и морфонологическими чередованиями, в которые они вступают. Более подробно эти чередования будут рассматриваться в соответствующем разделе, здесь же приведем некоторые из них:

/a/ ~ /ε/: gaǝka дат.-кпл.ед.ч. - geǝk 'дыра', jēlam 'я живу' - jeǝler 'мы живем';

/a/ ~ /i/: pāǝam 'я кладу' - piǝim 'я положи', fēam 'я есть' - fiǝim 'я был';

/ε/ ~ /i/: kēǝam 'я спрашиваю' - kīǝšim 'я спросил';

рѣлам 'я боясь' - рѣѣим 'я боялся';

/o/ ~ /ə/: коззам 'я кашляю' - козз 'он кашляет',
рѣдѣам 'я смѣтаю' - рѣлѣт 'он смѣтает';

/a/ ~ /ə/: аѣкка дат.-млн.ед.ч. от аѣк 'старуха',
вѣнѣам 'я иду' - вѣп'сѣм 'я шел';

/o/ ~ /u/: ѣоггам 'я свищу' - ѣуѣкѣм 'я свистел', роѣс
'он болеет' - руѣссѣм 'я болел',

Гласные фонемы первого слога можно представить в виде таблицы.

Подъем	Ряд		
	передний	средний	задний
Верхний	i	i	u
Средний	ε		o
Нижний	a	a	a

К в а н т и т а т и в н ы е ч е р е д о в а н и я г л а с н ы х п е р в о г о с л о г а

Анализируя квантитативную структуру гласных первого слога, необходимо различать одно- и двусложные слова. Краткость-долгота гласных первого слога в двусложных словах не полностью самостоятельна, а связана с сильной или слабой ступенью согласных или сочетаний согласных на границе первого и второго слога, например, кѣлѣам 'я бреду', но кѣѣлѣр 'мы бредем', ѣѣдѣам 'я пью', но ѣѣѣѣѣр 'мы пьем'. В большинстве односложных слов квантитет гласных первого слога также связан с сильной или слабой ступенью согласных или сочетаний согласных ѣѣлѣ 'голос' - ѣѣлѣ (аб.ед.ч.), ѣѣт 'горю' - ѣѣдѣ (ном.млн.ч., ген.-акт.ед.ч.), однако имеется ряд односложных слов, в которых краткость-долгота гласных не зависит от последующих согласных и даже служит единственным средством различения форм слова: рѣсс 'ружьё' - рѣсс 'ружья', вѣсс 'козаний мошок' - вѣсс 'мошки', косс 'коса' - кѣсс 'коси'. Краткость-долгота гласных в односложных словах является фонотопически релевантной. Установив этот факт для односложных слов, мы имеем полное право распространить его и на гласные первого слога дву- и многосложных слов, хотя в последних

квантитет гласных не настолько самостоятелен, как в первых. И нет необходимости, как об этом пишет Э. Нотонен³¹, искать и объяснять условия появления долгих и кратких гласных в первом слоге многосложных слов. Приведем примеры на противопоставление кратких и долгих гласных в первом слоге слова:

а - ā: vaŋŋ 'гора' - vāŋŋāt (лок.ед.ч.), кала 'лоб' - kālta (аб.ед.ч.), заŋŋ 'он рассказывает' - zāŋŋam 'я рассказываю', вала 'он лжет' - vālŋ 'он лгал';

о - ō: roŋŋ 'кровать' - rōŋŋ (ген.-акк.мн.ч.), коŋŋ 'бровь' - kōŋŋ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), коŋŋke 'связать' - kōŋŋam 'я связываю', коŋŋ 'он связывает' - kōŋŋam 'я связываю';

и - ī: aiŋŋ 'палец' - āiŋŋta (аб.ед.ч.), куŋŋ 'дерево' - kuŋŋāt (лок.ед.ч.), куŋŋ 'он курит' - kūŋŋam 'я курю', juŋŋkŋŋ 'я пил' - juŋŋŋ 'мы пили';

ä - ā: lāŋŋ 'потолок' - lāŋŋ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), äŋŋv 'глина' - āŋŋta (аб.ед.ч.), jāŋŋ 'он дует' - jādŋam 'я ду';

э - ē: zāŋŋ 'сеть' - zāŋŋmi (ген.-акк.ед.ч., ном.мн.ч.), n'āŋŋ 'веретено' - n'āŋŋ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), vaŋŋtŋŋ 'они взяли' - vāŋŋdi 'он взял', vaŋŋse 'идти' - vāŋŋŋam 'я иду';

і - ī: viŋŋ 'баран' - vīŋŋta (аб.ед.ч.), ziŋŋ 'погост' - zīŋŋŋāt (лок.ед.ч.), itŋŋ 'я показался' - īdŋŋ 'мы показались', siŋŋŋŋ 'я играл' - sīŋŋŋŋ 'мы играли'.

ĭ - ĭ: kiŋŋse 'ноготь' - kīŋŋŋi (ген.-акк.мн.ч.), kiŋŋ 'кора' - kīŋŋta (аб.ед.ч.), kiŋŋseŋŋ 'я хлебал' - kīŋŋŋŋŋŋ 'мы хлебали', kiŋŋseŋŋ 'я спросил' - kīŋŋŋŋŋŋ 'мы спросили';

э - ē: zāŋŋ 'черника' - zāŋŋi (ген.-акк.мн.ч.), ēŋŋ 'они' - ēŋŋŋŋŋŋ (лок.ед.ч.), vāŋŋam 'я крою' - vāŋŋŋŋŋŋ 'я крою', paŋŋtāŋŋŋŋ 'я пугал' - paŋŋtāŋŋŋŋŋŋ 'мы пугали'.

Таким образом, в сабинском диалекте в первом слоге слова по признаку краткости-долготы чередуются все 8 кратких и долгих гласных: а - ā, о - ō, и - ī, ä - ā, ä - ā, ĭ - ī, і - ī, э - ē.

Гласные фонемы непервых слогов, их основные аллофоны

Как отмечалось ранее, фонемный инвентарь гласных непервых слогов беднее, чем первого слога. Из 8 гласных фонем во втором и последующих слогах не встречается /ä/. Гласные /o, u/ ограничены в своей дистрибуции: в подавляющем большинстве случаев они выступают в составе словоизменительных или словообразовательных суффиксов, которые исторически произошли от самостоятельных слов. Это объясняется тем, что в финно-угорском языке-основе в непервых слогах отсутствовали лабиальные гласные³². В период прибалтийско-финско-саамской языковой общности появляется один лабиальный гласный, предположительно /o/³³, который обнаруживается во втором слоге производных слов, таких как моком 'такой', учого 'раз'.

В современном состоянии бабьинского диалекта гласные /o, u/ представлены в непервых слогах в следующих словоизменительных и словообразовательных суффиксах:

-guim - окончание комитатива множественного числа:
rohsegüim 'на оленях', pinnäguim 'с собаками', nuottiguim 'неводами';

-mias - признак суперлатива: roargamias 'самый старший', joonmias 'наибольший', kirjemias 'самый твердый';

-vuht - деноминальный суффикс, образующий названия свойств, качеств: roaŋeävuht 'старость', moŋeatvuht 'красота', äärvvuht 'величие';

-mäs, -uä - деноминальный суффикс, образующий названия действий: poŋtmäs 'колдовство', jelmäs 'жизнь', vuostmäs 'ответ', mäksmäs 'охота';

-ovve - транслативный суффикс: kirjmaovve 'замерзнуть', riästovve 'вспотеть', viäđtovve 'устать';

-äkküitte - инкоативный суффикс: jaggäkküitte 'начать пить', iemäjäkküitte 'запечь', riäggäkküitte 'запекать'.

Следует отметить, что в современном состоянии исследуемого диалекта в непервых слогах гласный /u/ обладает большей

³² K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan..., s.98.

³³ Ibid., s. 98.

частотностью употребления, чем /o/, который выступает в нескольких словах второго слога и в составе транслативного (-ovva) и инхотативного (-šküöht - 3 л.ед.ч.прзенис) суффиксов, присоединяющихся ко второму и далее слогу.

/i/ : [i] : idäint 'утро', eäiä 'они носли',
piälššim 'я постирал', iemäjšküittim 'я запел',
saijnolvašimbašist 'во время сенокоса';

[i] : vičkšä 'сильный', kitkim 'колыбель',
po'n'-lššim 'мы повернули', jangamššist 'у родителей';

/ε/ : [ε] : šuhta 'рубить', avvašer 'приоткрыть',
mainšišküetter 'мы будем рассказывать';

[ε] : kušter 'мы слушаем', sugšer'p'e 'вы гребете',
naitšatvet't'e 'вы жемитесь';

/a/ : [a] : jän'amr 'больше', ššikat' '(они) говорят',
ššaitšat' '(они) показывают',
puadiškuad'at' '(они) при-
дут';

/a/ : [a] : ššäma 'сама', vuolva 'вниз',
hiššikasta 'медленно',
ššipjškuadam 'я стану бросать';

/i/ : [i] : kargšiš 'карей',
ärtmaš 'Артамон', šarvivim 'пешими';

/u/ : [u] : jellmš 'жизнь', ššuvmaš 'самый светлый',
ššipšalvuht 'глубина',
joššiškuadam 'я стану разговаривать';

/o/ : [o] : mokom 'такой', vuoro 'раз',
viššetovva 'у-
таты',
koššedjšküöht 'он высушится'.

Отметим, что в бабиноком диалекте имена в своей началь-
ной форме не могут оканчиваться на гласный. В двусложных с-
ловах конечные гласные отпали, в результате чего значительна
группа двусложных имен перешла в группу односложных, напри-
мер, jaiš 'озеро', küšht 'вежа', pišt 'дом', nuur 'мо-
лодой' и др. (сравня, фин. järvi, kota, pirtti, nuori). Вы-
ступавшие в аусляте гласные а, ε, i являются грамматически-
ми суффиксами, например, jaiš-га 'в озеро', kšimi 'бровей',
košške 'свистеть'. На гласные /o, u/ дву- и более сложные
слова оканчиваться не могут.

К в а н т и т а т и в н ы е ч е р е д о в а н и я
г л а с н ы х н е п е р в ы х с л о г о в

В первом слоге слова по признаку краткости-долготы

коррелируют лишь гласные /i/, /ε/, причем они могут чередоваться только во втором слоге. Далее второго слога все гласные краткие. При этом необходимо отметить, что краткость-долгота гласного /i/ независима от того, какая ступень согласного следует за ней. Краткость-долгота гласного /ε/, напротив, связана с сильной или слабой ступенью последующих согласных. Чередование i - ī наблюдается во втором слоге двусложных слов и входит в разряд морфологических чередований, тогда как чередование ε - ē происходит во втором слоге трех-, четырехсложных слов и рассматривается в качестве морфонологического чередования.

i - ī: tahkdīm 'я стучал' - tahkdīīm 'мы стучали',
kirknīm 'я успел' - kirknīīm 'мы успели', toīkjīm 'я замесил (тесто)' - toīkjīīm 'мы замесили (тесто)';

ε - ē: kuttāīīm 'я пробовал' - kuttēīīm 'мы пробовали', moīyatēlīm 'я упомянул' - moīyētēlīm 'мы упомянули',
vuarātattīm 'я учился' - vuarātēdīm 'мы учились'.

Дифтонги и трифтонги

В саямском языке слогообразующими элементами, наряду с монофтонгами, являются также дифтонги и трифтонги. Акустически они отличаются от монофтонгов тем, что в их составе имеются два или три гласных, составляющих известное единство. Это единство, как отмечает Л.Р. Зиндер, может быть определено чисто фонетически как "слитность" произношения и фонематически как неразделимость на две или три фонемы³⁴. Слитность произношения заключается в том, что дифтонги или трифтонги произносятся со скользящей артикуляцией, т.е. путем постепенного изменения уклада органов речи, без разрыва между двумя или тремя гласными элементами.

Фонологическая трактовка дифтонгов и трифтонгов должна производиться для каждого языка конкретно, с учетом его слоговой и грамматической структуры. Н.С. Трубецкой, рассматривая вопрос о монофонематичности любого сочетания звуков, предлагает учитывать критерий слоговой членности³⁵, исходя из

³⁴ Зиндер Л.Р. Общая фонетика..., с.215.

³⁵ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.62.

которого дифтонги и трифтонги саамского языка следует считать монофонемными образованиями, так как они всегда входят в состав одного слога и слоговая граница никогда не проходит между компонентами дифтонга и трифтонга, например, *tui-jam* 'я делаю', *guči-ka* 'для'. При фонематической интерпретации дифтонгов и трифтонгов необходимо также учитывать критерий морфологической членности, в соответствии с которым дифтонг или трифтонг считается однофонемным образованием, если он входит в состав одной морфемы, и бифонемным или трифтонемным, если морфологическая граница проходит между компонентами дифтонга или трифтонга³⁶. В исследуемом диалекте дифтонги и трифтонги полностью отвечают первому требованию и никогда не распределяются по разным морфемам. Кроме того, как отмечает Л.Р.Зиндер³⁷, для решения вопроса о моно-или бифонематичности дифтонгов необходимо рассмотреть их с точки зрения существующих в данном языке чередований³⁸. В саамском диалекте в парадигме слова дифтонги чередуются с дифтонгами и монодифтонгами, трифтонги чередуются с трифтонгами, и, таким образом, они ведут себя как единые образования: *ruadam* 'я приду' - *ruđht* 'он придет', *vį́nna* 'молча' - *vį́nsist* (лок.ед.ч.), *vuiŋaŋ* 'я вижу' - *vuiŋniŋ* 'я видел'. Добавим, что дифтонги фонетически (не фонематически) противопоставляются по кратности-искратности в тех же позициях, что и кратные-долгие монодифтонги, например, *šuaŋvaŋ* 'я кричу' - *šyđv* 'он кричит' (сравн.: *pį́naŋ* 'я ухочу' - *paiŋ* 'он ухочит'). Этот факт еще раз подтверждает целесообразность монофонемной интерпретации дифтонгов и трифтонгов.

От дифтонгов (трифтонгов) следует отличать сочетания "гласный (дифтонг) + согласный /j/". Г.М.Керт в своей работе с помощью инструментальных исследований доказывает существование сочетаний "гласный + /j/" в тех словах, где /j/,

³⁶ T r n k a B. A phonological analysis of present-day Standard-English. Prague, 1935.

³⁷ З и н д е р Л.Р. Общая фонетика..., с.221.

³⁸ Данный критерий вполне применим и для трифтонгов.

является компонентом сочетаний согласных, вступает в парадигме слова в количественные чередования, например, kaĵm 'тезка' — kaĵm (ном.мн.ч.)³⁹. Подобные сочетания широко распространены также в вавилонском диалекте, например, ruĵt 'олений мир' — ruĵd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), ſuĵĵa 'сено' — ſuĵ-niſt (лок.ед.ч.). В этих случаях сочетания "гласный + /j/" входят в состав одной морфемы. Однако во многих других случаях разграничение дифтонгов (трифтонгов) и сочетаний "гласный (дифтонг) + /j/" осуществляется на основании принципа слоговой или морфологической членности. В форме ſwaĵtam 'я показываюсь' можно было бы выделить трифтонг /waĵ/, так как фонетически в очень закрытом [i] воплощаются две фонемы, а именно /i/ и /j/. Однако такая трактовка была бы неверной, поскольку в других формах этого глагола слогораздел проходит между дифтонгом /wa/ и согласным /j/, например, ſwa-jat 'он показывается'. В словах типа tuĵĵaj 'он держит', ſeuĵta, 'он поет', ſwaĵĵaj 'он сватает', сочетания aĵ можно было бы, на первый взгляд, считать дифтонгами /aĵ/, так как в конце слова согласный /j/ произносится как краткий закрытый [i]. Однако с позиции морфологической членности слова такое решение было бы неверным по той причине, что /j/ в данном случае является суффиксом моментативности⁴⁰ (сравн.: tuĵĵam 'я дергу', ſeuĵĵam 'я пою', ſwaĵĵam 'я сватаю').

Кроме этого, дифтонги следует отличать от дифтонгоидов. В саамском языке некоторые монофтонги, следуя после палатализованных согласных, получают i-образное начало и, таким образом, трактуются в качестве дифтонгоидов. В слове pⁱeff 'ухо' сверхкраткий i вызван мягким согласным: /p̥/, с позиции фонологии саамского языка перед ними дифтонгоид ⁱе, а не дифтонг /ie/, так как в противном случае мы получили слово pⁱeff 'половина'. Часто бывает не легко решить вопрос о том, истинный это дифтонг или дифтонгоид. Единственным

³⁹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.69-70.

⁴⁰ К е р т Г.М. Некоторые особенности лексики саамских диалектов Кольского полуострова. — Fenno-Ugristica, 1975, вып.344, I, с.164.

критерием отличия дифтонгов от дифтонгоидов в этом случае является то, что дифтонг представляет собой соединение гласных полного образования, дифтонгоид же состоит из одного гласного полного образования, которому сопутствует сверхкраткий гласный, вызванный в саамском языке палатализацией согласным.

Следует отметить, что бабинский диалект является дифтонгонасыщенным. Если, например, в кильдинском диалекте отмечаются 8 дифтонгов и 1 трифтонг, то в последующем диалекте вместе 23 дифтонга и 4 трифтонга.

В зависимости от того, конечный или начальный компонент дифтонга играет роль слогообразующего, все дифтонги подразделяют соответственно на восходящие и нисходящие. В бабинском диалекте восходящими дифтонгами являются: /ua, oa, ua, ea, uo, ue, ie, ie, ia/. Среди нисходящих дифтонгов выделяются i-овые /ai, ei, ai, ui, ei, ii, ii, oi/ и u-овые (au, ou, iu, eu, ju, uу/.

В о с х о д я щ и е д и ф т о н г и

/ua/: kuagam 'я пью' (сравни: kūgam 'я курю'), juaiam 'я разговариваю', vūāīev 'болка', vūāīk 'плечо'.

/oa/: soaiam 'я затачиваю', komat 'третий, vōājj 'ручей', rōānt 'он дергает'.

Дифтонги /ua/ и /oa/ во многих словах находятся в отклонениях свободного варьирования. В настоящее время, однако, дифтонг /oa/ употребляется значительно реже и вытесняется дифтонгом /ua/.

/ua/: kūāzāiā 'молительный', kūāīēē 'ладонь', kūāē-te 'видеться';

/ea/: ēeavaē 'лошадь', ēēārreē 'легкий', ēēāīī 'грох' (сравни: ēēāīī 'сопья');

/uo/: vūondae 'корень дерева' (сравни: vūndae 'песок'), vūōda 'он спит', tūōīī 'рубанок' (сравни: tūēīī 'изути');

/ia/: riāīar 'лучше', kūāītar 'мы несем' (сравни: kūītar 'мы убиваем'), vūāēē 'теленка' (сравни: vāēē 'счастье');

/ie/: riēgam 'я брею' (сравни: rōgam 'я ем'), riēēā 'гнездо' (сравни: ēēāēā 'береста'), tiēēāī 'тянуть' (срав-

ни: tīssē 'мотать':

/iē/: vīnas 'ложка', pīart 'дома', kīaras 'твечи-
ли';

/ia/: pīagam 'я ползу', vīāto 'мешок' (сравни: vīto
'баран'), pīaske 'стричь (овец)'.

Н и с х о д я щ и е д и ф т о н г и

/ai/: paitlādam 'я женюсь', šaiji 'заблудиться', kair'
'с кем';

/ei/: veicēi 'он шел', aigēit 'рано', aijam 'дедуш-
ка';

/ai/: pāinas 'сказка', pāiplim 'я поднялся';

/ui/: šuivis 'светлый', šuigam 'я лгу на лыжах', kuip-
dim 'мы несли' (сравни: kōndim 'мы убили'), pūittim 'я
принел';

/ei/: main 'с чем', teidvuim 'с вами', jēif 'ягель';

/ii/: siinam 'я смексь', mīiji 'нас', iīijiš 'они
были';

/oi/: hoikēe 'швырять', zoiji 'заточить', koin 'с
которым';

/ii/: vīiplādim 'мы повинаясь', vīiji 'кроить', rohsē-
vīim 'на оленях';

/ai/: haudam 'я подогрел', paugas 'репа', jaušēdam
'я разденусь';

/ou/: pougam 'я натру', aivivoutla 'гирвозерны',
šoustik 'аркан', šoušep 'полусухое дерево';

/iu/: pīustovvi 'вспотеть', tiud 'полный', šuigam
'я натяну', tiukkin 'печь';

/eu/: šeunik 'тень', šuivē 'паук', šeuniv 'темный';

/iu/: kiur 'горб', liut 'продень (нитку)', iutliat
'раньше';

/ui/: guidāš 'весенний лед', vuicjett 'отморозить',
cušek 'площадка перед дверью'.

К в а н т и т а т и в н ы е ч е р е д о в а н и я д и ф т о н г о в

В бабинском, как и в других диалектах саамского языка, сравнительно легко на слух улавливаются две ступени длины дифтонгов: некротичные, по длине приблизительно соответствующие нисходящим дифтонгам финского языка, и краткие, оба компонента которых произносятся значительно короче по сравнению с некротичными дифтонгами, например, juogam 'я делю' - juõk 'он делит', kuajist лок.ед.ч. - kuäjj 'рыба'. Краткий дифтонг выступает перед сильной ступенью согласных, некротичный - перед слабой, т.е. условия появления кратких и некротичных дифтонгов соответствуют условиям появления кратких и долгих монофтонгов. По всем признакам краткость-некротичность дифтонгов можно было бы считать фонологически релевантным признаком, тем более что такая трактовка известна в кильдинском диалекте Сонгуй⁴¹ и в диалекте Колтта⁴². В бабинском диалекте в отличие от упомянутых не найдется ни одной пары слов или их форм, которые различались бы только посредством кратких-некротичных дифтонгов. Нет также случаев, когда краткие и некротичные дифтонги были бы обнаружены в сходных фонетических условиях, например, те и другие перед сильной или слабой ступенью согласных. Поэтому краткость-некротичность дифтонгов в исследуемом диалекте считаем фонологически нерелевантным признаком.

В бабинском диалекте в количественные чередования вступают только нисходящие дифтонги:

ua ~ üä: vuaŕev (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - vüäŕrev 'белка', kuajvi (ген.-акк.мн.ч.) - kuäjjv 'лоната', kuarvam 'я храплю' - kuäŕva 'он храпит', kuandam 'я несусь' - kuänt 'он несет';

oa ~ öä: voajist (лок.ед.ч.) - vöäjj 'ручей', soajam 'я затачиваю' - söäjj 'он затачивает';

ea ~ ää: heavaš 'лошадь' - heäŕša (дат.-явл.ед.ч.), heagist (лок.ед.ч.) - heäjj 'грех';

⁴¹ I t k o n e n E. Ehdotus kildinlapin Songuin murteen fonemaattiseksi transkriptioksi. — LMF, 1971, с. 96.

⁴² K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlappischen..., с. 11-13, 32.

uo ~ uō: tuoita (аб.ед.ч.) - tuoíí 'рубанок', kuor-
gist (лок.ед.ч.) - kũōrk 'корга', луoштам 'я отпущу' -
луōšt 'он отпустит', vuořdat 'они ждут' - vũōřt 'он идет';
ue ~ ũē: vuořzist (лок.ед.ч.) - vũēřř 'теленок',
šuořvta (аб.ед.ч.) - šũēřv 'рог', kuandat 'они отелятся' -
kũēntē 'отеляться';

ie ~ iē: pieřřist (лок.ед.ч.) - piēřř 'гнездо', vieř-
vist (лок.ед.ч.) - viēřv 'плавник', pieram 'я бросаю' -
piērr 'он бросается', siendam 'я серджусь', - siēntim 'я сер-
дился';

ia ~ iā: piēdam 'я ползу' - piērk 'он ползет', piēškam
'я стрелю овец' - piēške 'стричь', piēdam 'я плачу' - piērk
'он плачет';

ui ~ ũi: puřdim 'мы пришли' - puřttim 'я пришел', kuin-
dim 'мы послали' - kũinttim 'я нос', луřštīm 'мы отпус-
тили' - лũřštīm 'я отпустил'.

Т р и ф о н ы

В бабинском диалекте имеются четыре трифтонга: /uai, uai, uīi, uoi/, которые стоят вне чередований по количеству. Они встречаются только в первом слове слова.

/uai/: kuaiřiv 'ветка', vuaiřam 'я вижу', šuaiřis 'гу-
сеница';

/uai/: vuiřinner 'мы видим', guaiřka 'для';

/uii/: vuiřinnim 'я видел', vuiřinnim 'я думал', guiřt 'но-
нечность';

/uoī/: šuoīk 'он идет на лыжах', vuoīřam 'я еду'.

Состав согласных фонем и их основных аллофонов

В бабинском диалекте саамского языка насчитывается 46
согласных фонем: /p, p̄, b, b̄, t, t̄, t̄, d, d̄, k, k̄, ǵ, ǵ̄,
č, č̄, v, v̄, u, s, š, z, ž, š̄, š̄, ž̄, ž̄, x, k̄, k̄, c, č̄, ž̄, ž̄,
č̄, ž̄, p̄, p̄, n̄, n̄, h̄, h̄, l̄, l̄, í, r, r̄/.

Релевантными признаками для согласных исследуемого диа-
лекта являются глухость-звонкость, палатализованность-непа-
латализованность. Фонологическое противопоставление глухих
и звонких согласных распространяется на следующие пары со-
гласных: /k/ -/ǵ/, /t/ -/d̄/, /p/ -/b̄/, /a/ -/ǵ̄/, /š/ -/ž̄/.

/с/-/з/, /с̣/-/з̣/ . В кильдинском диалекте данная корреляция распространяется также на сонорные /л/-/л̣/, /r/-/ṛ/, /п/-/п̣/.

Палатализация, как известно, обусловливается дополнительным поднятием и продвижением вперед средней части спинки языка, степень подъема которой может быть различной. Вследствие этого в саамском языке могут быть сильно и слабо палатализованные согласные. Слабая палатализованность согласных является фонологически релевантной лишь для трех согласных /ṭ, ị, ṇ/, которые интерпретируются в качестве полумягких согласных фоном. Для остальных она позиционно обусловлена: обнаруживается в позиции перед /e, i/ либо в соседстве с палатализованными согласными, например, a'ạjm 'сеть', a'ṛ-ke 'в будний день', p̣'ieạa 'гнездо'.

Противопоставление твердых-мягких согласных распространяется на следующие пары согласных: /p/-/p̣/, /b/-/ḅ/, /k/-/ḳ/, /g/-/g̣/, /t/-/ṭ/, /v/-/ṿ/, /s/-/ṣ/, /z/-/ẓ/, /ʃ/-/ʃ̣/, /n/-/ṇ/, /c/-/c̣/, /ʒ/-/ʒ̣/, /m/-/ṃ/, /ŋ/-/ŋ̣/, /l/-/ḷ/, /r/-/ṛ/. Тернарная оппозиция распространяется на следующие согласные: /t/-/ṭ/-/ṭ̣/, /n/-/ṇ/-/ṇ̣/. Релевантный признак твердость-полумягкость присущ согласным /d/-/ḍ/. Таким образом, мягкие пар не имеют /d/, /x/, /ẓ/. твердых - /c̣/, /ʒ̣/. Существование фонологически релевантных палатализованных и непалатализованных согласных характерно не только для кильдинско-саамских, но и южно-саамских диалектов. Г.Хассельборнк, интерпретируя палатализацию согласных, предлагает три возможных фонологических решения: считать фонологически релевантной твердость-мягкость согласных; считать релевантной переднеязычность-непереднеязычность гласных; считать палатализацию супrasegmentальной фонемой, касающейся одновременно согласных и гласных⁴³. По мнению некоторых лингвистов, первое решение значительно увеличило бы инвентарь согласных фоном, второе увеличило бы состав гласных фоном. Третье решение считается наиболее приемлемым. Следовательно, палатализация

⁴³ H a s s e l b o r n k G. Alternative analysis of the phonemic system in Central South-Lappish. - Bloomington, 1965, vol. 49.

считается супraseгментальной фонемой⁴⁴. Конкретный материал исследуемого диалекта заставляет нас признать фонологически релевантным палатализованность-непалатализованность согласных, поскольку твердые и мягкие согласные выступают в независимых позициях: перед непереднерными гласными и в абсолютном конце слова: *tašt* 'звезда', *tašva* 'летом', *šičč* 'соль', *šiččl* 'остров'.

В грамматиках саамского языка вопрос о долгих и геминированных согласных находит различное решение. Обычно они рассматриваются по отношению к одиночным согласным как входящие в структуру чередований ступеней согласных. В грамматике Г.М.Керта "Саамский язык" долгие и геминированные согласные представлены самостоятельными фонемами наряду с одиночными согласными⁴⁵. С позиции фонологического описания следовало бы долгие согласные отграничивать от геминированных, потому что слоговая граница никогда не пройдет внутри долгого согласного, тогда как компоненты гемината распределяются по разным слогам: *maš-ša* дат.-илл.ед.ч. от *mašt* 'молоко' и *šičč-ša* дат.-илл.ед.ч. от *šičč* 'веревка'. И если включать долгие согласные в инвентарь фонем, то вряд ли стоило бы считать таковыми геминаты. И все же, есть ли необходимость включать долгие согласные в состав фонем? По-видимому, нет, потому что, во-первых, состав согласных фонем значительно увеличился бы (на 28 единиц). Во-вторых, долгие согласные и геминаты удобнее рассматривать как результат количественных чередований согласных, которые в грамматике служат разным целям, являясь морфологическими и морфонологическими, и, в-третьих, подобное решение соответствовало бы интерпретации согласных фонем в других диалектах саамского языка и в целом финно-угорских языков, имеющих чередование сту-

⁴⁴ I t k o n e n E. *Endotus kildilapin Sanguin murteen...* s. 106-108; K o r n o s e n M. *Endotus koltalappin Skonikylän...* s. 73-74; K o r n o s e n M. *Das Endotische des Skoltlappischen...* s. 15-17; B e r g s t e n O. *A phonemic transcription of Lovozero (Kilden) Lappish...* 19.

⁴⁵ К е р т Г.М. *Саамский язык...* с. 43-64.

ный: *peŋi* 'ухо', *šēŋrēs* 'мытый', *vuārštam* 'я учусь',
soŋr 'осина';

/b/ : [b] – губно-губной взрывной звонкий. В анляутной позиции выступает только в поздних заимствованиях из русского языка. Не сочетается с глухим коррелятом: *dušam* 'я дублю кожу', *kimbār* 'гриб', *kībist* лок.ед.ч. от *kihr* 'сажа', *soŋb* 'лягушка'.

/b̥/ : [b̥] – губно-губной взрывной звонкий палатализованный. Не встречается в анляутной позиции: *lambeš* 'овца', *soḇta* 'без осины', *ābī* ген.-акк.мн.ч. от *ēb̥r* 'дождь', *p̥āḇ* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *p̥āb̥r* 'цуп'.

Переднеязычные

/t/ : [t] – переднеязычный глухой непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: *tīt* 'этот', *ištam* 'я выхожу', *jōbātam* 'я пишу лед', *kuor̥kat* 'он хвастается';

/t̥/ : [t̥] – переднеязычный глухой полумягкий согласный: *t̥āŋi* 'очаг' (сравни: *baŋk* 'он токует', *taŋk* 'он обет'), *p̥ān̥t̥am* 'такой', *ruad̥āt̥* 'они придут';

/t̪/ : [t̪] – переднеязычный глухой палатализованный: *beim̪is* 'гром', *baɹɹam* 'я тяну', *uŋa* 'Андрюша', *laŋtsar* 'положе';

/d/ : [d] – переднеязычный звонкий непалатализованный согласный. В позиции начала слова этот согласный выключается только в заимствованиях из русского языка: *šān̪is* 'Денис', *šāam* 'я появляюсь', *kaɹt̪im* 'я потерял', *kuon̪i* 'меси';

/d̥/ : [d̥] – переднеязычный звонкий полумягкий, не встречается в позиции абсолютного начала слова: *soḇd̥'en* 'волна', *šed̥āt̥* 'они идут', *šad̥jam* 'я гадаю', *ruad̥* 'пришли'.

Мягкой переднеязычной звонкой согласной фонемы в сабинском диалекте, как и в кильдинском, нет.

Заднеязычные

/k/ : [k] – заднеязычный глухой непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: *k̪ɹam̪* 'твердый', *g̪ākam* 'я прячу', *šānk* 'он рубит', *šēŋk* 'спяча';

[k̪] – смягченный аллофон фонемы /k/. Выявляется в позиции перед переднеязычными гласными и в соседстве с палатали-

зованными согласными: *śelk'at* '(они) говорят', *kśk'at* '(они) грызут', *śek'k'er* 'мы растягиваем шкуру';

/k/ : [k] – заднеязычный глухой сильно палатализованный. Не обнаружен в соседстве с непалатализованными согласными: *kōrt* 'он летит', *noikēdam* 'я прыгаю', *jeŋka* 'в олоото', *kuŋk* 'длинный';

/g/ : [g] – заднеязычный звонкий непалатализованный согласный, в анигютной позиции встречается в трех собственно саямских словах: *galk* 'недо', *guŋika* 'для', *garr* 'к', *śagam* 'я одеваю', *jīng* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *jīŋk* 'душа';

[g̊] – слегка палатализованный аллофон фонемы /g/. Выявляется в позиции перед переднерядными гласными, а также в соседстве с палатализованными согласными и после /j/, *rājg'ist* лок. ед. ч. от *rajk* 'дыра', *vuoiŋ'at* '(они) пойдут', *śūg'at* '(они) гребут'.

[χ] – звонкий непалатализованный сплант, образуется касанием задней части языка мягкого нёба: *šij* 'хороший', *vaŋ* 'грязный', *rōŋam* 'я сверлю', *miŋtaχ* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *miŋtak* 'куст';

/ġ/ : [ġ] – заднеязычный звонкий палатализованный, не встречается в начале слова: *roġjam* 'я спорю', *kied'ġta* 'без камня', *teŋġi* ген.-акк.мн.ч. от *tīeŋġ* 'деньги', *saġ* 'оттолкни';

[j̥] – звонкий палатализованный сплант. Выявляется как правило, в позиции абсолютного конца слова. Существование спланта в баинском диалекте отмечено еще А.Генешем⁴⁶. В аусляутной позиции чередуется с /j/: *aŋj̥i* ген.-акк.мн.ч. от *ɛik* 'сын', *loŋj̥ist* лок.ед.ч. от *loŋk* 'десять', *iŋj̥* ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от *iŋk* 'год' (*saŋj̥*, *loŋj̥*, *iŋj̥*).

А ф ф р и к а т ы

/c/ : [c] – переднеязычная глухая непалатализованная краткая аффриката, позиционно не ограничена: *caggam* 'я отталкиваю', *kiscamr* 'более тухий', *kīnc* 'ноготь', *vacc* 'варежки';

[c̥] – слегка смягченный аллофон, выявляется в позиции пе-

⁴⁶ G e n e t z A. Orosz-lapp nyelvmutatványok...

ред переднерядными гласными: $k\bar{i}\bar{h}^*s^*a$ лат.-илл.ед.ч. от $k\bar{i}\bar{h}s$ 'ноготь', $s^*i\bar{e}hka\bar{h}$ 'я рублю', $s^*i\bar{i}k\bar{i}m$ 'я сказал';

/č/ : [č] - переднеязычная глухая палатализованная аффриката: $\bar{s}a\bar{h}s$ 'он красит (сети)', $\bar{s}u\bar{e}\bar{s}k\bar{i}\bar{h}$ 'холодный', $\bar{s}a\bar{h}s$ 'вода', $k\bar{u}h\bar{s}je$ 'протухнуть';

/ʒ/ : [ʒ] - переднеязычная звонкая твердая аффриката, не встречается в начале слова: $k\bar{a}ʒa\bar{m}p$ 'уже', $ru\bar{z}\bar{i}m$ 'я бо-
лел бы', $ru\bar{a}ʒ$ 'олень';

/ʒ̣/ : [ʒ̣] - переднеязычная звонкая палатализованная аффриката, не выступает в абсолютном начале слова: $o\bar{s}ʒa$ 'сп-
ницы', $ri\bar{a}ʒ\bar{i}st$ лок.ед.ч. от $ri\bar{e}\bar{h}s$ 'сосна', $k\bar{a}ʒ\bar{i}m\bar{a}$ 'самый
узкий';

/č̣/ : [č̣] - палатализованная глухая аффриката со вторым
двухфокусным элементом. Дистрибутивно не ограничена, не име-
ет твердого коррелята: $\bar{s}i\bar{a}h^*n^*$ 'гусь', $re\bar{s}ke\bar{r}$ 'горький',
 $\bar{s}i\bar{o}\bar{h}s$ 'он стоит';

/ʒ̣̣/ : [ʒ̣̣] - палатализованная звонкая аффриката со вто-
рым двухфокусным элементом: $li\bar{a}ʒ\bar{e}s$ 'слабый', $\bar{s}i\bar{o}n\bar{u}ʒ\bar{i}m$ 'я
стоял бы', $k\bar{u}v\bar{z}$ 'кумжи'.

Как известно, аффрикаты могут быть в разных языках мо-
но- или бифонемными образованиями. Для саамского языка этот
вопрос имеет немаловажное значение и может быть решен впло-
не однозначно, но крайней мере, для глухих аффрикат. Как счи-
тает Терхо Итконен, монофонемное решение аффрикат является
теоретически лучшим при фонологическом анализе, но впло-
не приемлемо (по крайней мере для /ts/) и бифонемная интер-
претация⁴⁷. Артикуляция аффрикат имеет сложный характер: на-
чинается со смычки, которая затем переходит в щель, т.е. фо-
нетический облик их представляет собой [ts], [tʃ], [dz],
[dʒ]. Однако вопрос о том, являются ли эти звуковые комплек-
сы сочетанием звуков или единными звуками, решается для каж-
дого языка отдельно. При этом во внимание принимается фо-
нетическая структура слова и слога, морфологическая структура
и участие интересующих нас звуков в морфологических и мор-

⁴⁷ I t k o n e n T. Itärujojenlapin fonemianalyysin
pulsia Oulakosken murteen valossa. - LIT, 1971, s. 26.

фонологических чередованиях. Как будет показано далее, монофонемное решение вполне приемлемо для глухих аффрикат, а звонкие можно считать и моно-, и бифонемными образованиями.

Проанализируем аффрикаты саамского языка с учетом критериев моно- и бифонемности:

1) составные части никогда не распределяются по разным слогам⁴⁸, например, šas-kam 'я бросаю', kič-tam 'я взгляну', van'-ziš 'мы шли'.

Иначе обстоит дело, например, в финском языке, где *ts* является сочетанием двух фонем, так как оба его компонента распределяются по разным слогам, например, it-se 'сам', seit-se-män 'семь'⁴⁹;

2) аффрикаты саамского языка встречаются в таких позициях, где по правилам этого языка невозможны сочетания согласных⁵⁰, а именно в абсолютном начале слова и слога, например, šan's' 'вода', s'egrik 'чайка' (озерная), rač'-šim 'выжал бы белее'. Данному критерию вполне удовлетворяют глухие аффрикаты, чего нельзя сказать относительно звонких, которые в названных позициях не встречаются и аналогичны сочетаниям согласных;

3) морфологическая граница никогда не проходит внутри аффрикат, например, išt'-šim 'я сидел бы', kenč'-šim 'я ал бы', konč'-šim 'я звал бы', n'eč'-stič' 'вырывать';

4) аффрикаты /с, š/ вступают в количественные чередования, как и другие согласные саамского языка. Звонкие аффрикаты в данной чередования не вступают, т. е. ведут себя подобно сочетаниям согласных, что говорит в пользу их бифонемной трактовки: kiššim 'я смотрел' - kičšim 'мы смотрели', ričš'e' 'сосна' - ričššim' (эсс.);

5) на основании слухового восприятия несложно отличить однофонемные образования /с, š/ от ts, ts, которые произносятся как сочетания двух согласных. Данные сочетания двух согласных возникают в результате выпадения гласных второго сло-

⁴⁸ Трубецкой Н.С. Основы фонологии..., с.63.

⁴⁹ Там же, с.63.

⁵⁰ Там же, с.66.

га, например, *puartaist* лок.ед.ч. от *puartas* 'лестница',
postāam 'я толкаю' (сравни: *portas* 'он толкает') и др.

6) как покажет далее анализ фонетической структуры слова, аффриката /с/ обладает высокой степенью сочетаемости в качестве второго компонента сочетаний двух согласных и в качестве третьего компонента сочетаний трех согласных, чего нельзя сказать относительно других аффрикат. Данное положение подтверждает монофонемное решение этой аффрикаты.

Таким образом, фонологический анализ аффрикат показывает, что глухие аффрикаты саамского языка необходимо трактовать в качестве монофонемных образований, тогда как подосновная трактовка для звонких аффрикат будет в известной мере условной.

Щ е л е в ы е с о г л а с н ы е,
и х о с н о в н ы е а л л о ф о н ы

Г у б н ы е

/ɣ/ : [ɣ] - губно-зубной глухой непалатализованный. В саамском диалекте встречается только в заимствованиях из русского языка: *fo̧k* 'Фокс', *fo̧idi* 'Фидей', *mo̧f* 'Марфа';

/f/ : [f] - губно-зубной глухой палатализованный. Как и твердый коррелят, выявляется только в заимствованиях из русского языка: *fo̧iik* 'Филипп', *fo̧odot* 'Федот', *fo̧eik* 'Феня';

/v/ : [v] - губно-зубной звонкий непалатализованный: *vu̧ama* 'первый', *ka̧vas* 'икона', *ro̧vt* 'деревянная кровать', *ru̧lv* 'колени';

[ɥ] - билабиальный "полугласный", представляет собой звук средний между [u] и [v]. При его произношении спинка языка слегка приподнимается, артикуляция губ и языка слабее, чем при произношении [u]. Выявляется только в позиции после гласных: *fo̧u̧t* 'озеро', *fo̧ȩt* 'песня', *fo̧u̧dam* 'я развешиваю';

/ʋ/ : [ʋ] - губно-зубной звонкий палатализованный, дистрибутивно не ограничен: *va̧al* 'еще', *ta̧vat* 'он хватает', *a̧vdam* 'я приоткрываю', *fo̧i̧v* 'рог';

/u/ : [u] - губно-губной щелевой "полугласный". При произношении его губы округлены значительно сильнее, чем при произношении гласного [u]. Не встречается в начале слова:

hūĩĩ ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от hūĩĩ 'лебедь', aĩũsta 'без гусеницы', āũt'at' 'они свежуют'. Этот звук приобретает фонологический статус, поскольку, как и согласный, вступает в количественные чередования в качестве первого компонента сочетаний согласных, например, ſūĩĩ 'осень' - ſūĩĩ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kũĩĩ 'ковыль' - kũĩĩ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.). Этот звук отсутствует в кильдинском диалекте⁵¹.

Переднеязычные

/s/ : [s] - переднеязычный глухой однофокусный, дистрибутивно не ограничен: saĩĩ 'вязальная игла', rovaĩĩ 'я дул', juĩĩsta 'я выпал', kaĩĩsa 'обручать сучья', piĩĩka 'голень';

[z] - смягченный согласный, встречается только в позиции перед /a/ и /i/ : z'aĩĩ 'сеть', z'aĩĩ 'семья', z'iĩĩnam 'я смеюсь';

/š/ : [š] - переднеязычный глухой палатализованный согласный, встречается во всех позициях: šērdam 'я перевязываю (олений)', piĩĩšša 'в гнездо', viešviš 'оса', paĩĩšes 'тропинка';

/z/ : [z] - переднеязычный однофокусный звонкий непалатализованный. В начале слова не выявляется, за исключением поздних заимствований из русского языка: uzam 'я собираю ягоды', kuzta 'без ели', vizam 'я устаю', kuškniz ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от kušknia 'лучина';

/ž/ : [ž] - переднеязычный однофокусный звонкий палатализованный, не встречается в позиции начала слова: kaĩĩža 'котята', vuezži ген.-акк.мн.ч. от vūĩĩža 'теленки', laĩĩtam 'я добавляю'. taĩĩž ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от tieš 'лего';

/š/ : [š] - шелевой двухфокусный глухой непалатализованный согласный, встречается во всех позициях: šaĩĩ 'погода', šūšas 'русский', višša 'замешивать', jaĩĩtma 'голубика';

/š/ : [š] - целевой двухфокусный глухой палатализованный: košk 'сухой', šeše 'жалеть', kišš 'шкура';

/ž/ : [ž] - целевой двухфокусный звонкий непалатализованный согласный. В аялуте встречается только в русских заимствованиях: žennik 'женых', pašeližam 'я охочусь', vuost-
ližta 'без ответа', želmiž ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч. от
želmiž 'жизнь'.

Среднеязычные

/j/ : [j] - среднеязычный целевой звонкий, дистрибутивно не ограничен: jašš 'озеро', vājam 'я кров', koššam
'я проспавшись', lemtaj 'он поет', šošj 'живот'.

[i] - полугласный звук, является основным аллофоном фонемы
/j/. Артикулируется при более узкой щели, чем /j/. Выяв-
ляется в позиции после гласных: rišim 'я положил', mišji
'нам', šošišim 'я показался'.

Заднеязычные

/x/ : [x] - целевой глухой непалатализованный, не высту-
пает в аусляутной позиции: xozzin 'хозяин', vloxolōd'at
'(они) благословят', kroxš 'немного', maxt 'как?'.

Ларингальные

/h/ : [h] - ларингальный глухой непалатализованный.
Представляет собой звук, близкий финскому /h/, закрывающе-
му смог. Выступает в позиции между гласным и глухим взрывным
или аффрикатой: šohk 'он затачивает', kiht 'рука', kehp
'жидина', vahn 'варенка', pašš 'он выжимает белье';

[h] - соответствующий краткий согласный. Выявляется в пози-
ции перед геминированными глухими взрывными и аффрикатами:
šihkka 'в туман', kihtta 'в руку', šohpra 'в осину', kišš-
šer 'мы смотрим', oššim 'я искал'.

/h/ : [h] - ларингальный глухой палатализованный со-
гласный: šešš 'грех', šašš 'вода', višš 'осина', šašš
'оттолкнуть'.

[h] - краткий палатализованный ларингальный, появляется пе-
ред геминированными глухими взрывными и аффрикатами: kššpra
'шалка', šššš 'делить', kahtta 'укрывать'.

В крайневосточных диалектах имеется противопоставление долгих и кратких ларингальных согласных, т.е. /h, ɸ, ɸ̥ ɸ̥/ ⁵²

В бабинском диалекте долгих ларингальных нет.

В словаре Т.И.Итконена звук [h] обозначается значком ɸ и трактуется в качестве "глухого гласного", выявляемого во всех диалектах саамского языка, кроме диалекта Инари ⁵³. В настоящее время, когда он появляется перед слогными согласными, говорят о явлении преаспирации. С точки зрения Л. Пости, "глухой гласный" является фонетическим заимствованием из скандинавских языков, где также имеется преаспирация ⁵⁴. Эту гипотезу подвергает сомнению П. Равила ⁵⁵, который поддерживает позицию В.Елахтера ⁵⁶, заключающуюся в том, что этот звук связан с развитием специфической квантитативной системы саамского языка.

Проблема преаспирации находила и находит самое различное решение в фонологических описаниях диалектов саамского языка. Все трактовки преаспирации сводятся к трем: 1) преаспирация считается аллофоном фонемы /h/ ⁵⁷; 2) преаспирация является самостоятельной семантической единицей, а именно фонемой /h/ ⁵⁶; 3) преаспирация трактуется как супrasegmentальная единица.

⁵² К е р т Г.М. Саамский язык..., с.55-56.

⁵³ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja..., с.35-36.

⁵⁴ P o s t i Л. On the origin of the voiceless Vowel in Lapp. Svenska landsmål och svenska folkliv. 76-te arg, 1953-1954, p. 199-209.

⁵⁵ R a v i l a П. Der sog. stimmlose Vokal in Lappischen. - UAJb, 1956, Bd. 28, Hf. 3-4, s. 184-185.

⁵⁶ S c h l a c h t e r W. Lappisches im lappischen Stufenwechsel. Münchener Studien zur Sprachwissenschaft, 1954, 5, s. 5-7.

⁵⁷ H a s s e l b r i n k G. Vilhelminalapskans ljudlära. Uppsala, 1944, с. 102-104.

⁵⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.55-56; H a r n a R. Problems in Lapp Phonology, p. 435; I t k o n e n Т. Itäruijanlapin foneemianalyysin pulmia..., с. 27; G a a m a l l a h t i П. Korjantsemen Itä-Lapontekiän murteen foneoppi., с. 43.

Первое решение, на наш взгляд, не совсем удачное, так как известно, на каком основании преаспирацию можно считать аллофоном фонемы /h/. Довольно заманчиво третье решение, поскольку явление преаспирации в известной степени обусловлено автоматическими произносительными навыками и позицией перед глухими взрывными и аффрикатами. В соответствии с супraseгментной трактовкой преаспирации преаспирированные согласные считаются сильными, неаспирированные — слабыми⁵⁹. Наиболее приемлема, как мы считаем, вторая трактовка, по которой преаспирация является самостоятельной сегментной единицей. Обусловлено это, во-первых, тем, что во всех канско-саамских диалектах ларингальный глухой коррелирует по признаку палатализованности-непалатализованности, как и остальные сегментные единицы; во-вторых, этот звук коррелирует, кроме того, по количеству, как и подавляющее большинство остальных согласных⁶⁰. Считая преаспирацию сегментной единицей, мы отдаем себе отчет в том, что статус ее менее основателен, чем статус других согласных фонем. Добавим также, что данная проблема фонологии саамского языка еще не полностью решена и требует дальнейшего исследования.

Согласные и их основные аллофоны

/m/ : [m] — губно-губной смычный непалатализованный согласный, дистрибутивно не ограничен: молл 'я', kállam 'я шумлю', niddam 'я вижу сон', лалбес 'овир', ílma 'суп'; [m̥] — слепая палатализованный согласный, встречается перед и после переднеязычных гласных и в сочетании с /j/ : m̥aŋ 'дуна', s̥aŋm̥ 'сеть', kām̥at̥ 'они замерзают';

/n/ : [n̥] — губно-губной смычный палатализованный, дистрибутивно не ограничен: ñeŋn̥ 'икра', kīām̥ñeŋ̥ 'гореть', õiñiñm̥ 'пролив';

⁵⁹ H a s s e l b r i n k G. Die Konsonanten in zentralen Südlappischen unter den Einfluss von Akzent und Silbenaufstellung. — UALB, 1965, 36, s. 101, 102-104.

⁶⁰ Z a m m a l l a n t i P. Norjansaamen Itä-Enontekiön..., s. 43.

/n/ : [n] - непалатализованный носовой сонант, позиционно не ограничен: noŋjaŋ 'я нхал', riŋŋŋi 'собака', joŋŋ 'осыльш';

/n'/ : [n'] - полумягкий носовой сонант: roŋ'ŋ 'дно' (ср.: roŋŋ 'кривой'), n'aŋi 'твоздь' (ср.: ŋaŋi 'небольшой комарик'), ŋaŋ'ti 'давить', vaŋ'je 'лежать', maŋ'n 'яйцо' (ср.: maŋŋ 'невестка');

/ŋ/ : [ŋ] - мягкий носовой сонант: ŋoŋziŋ 'медитательный', keŋŋaŋ 'локоть', ŋiŋŋaŋŋ 'темнее', maŋŋ 'невестка', roŋŋ 'кривой';

/ŋ'/ : [ŋ'] - заднеязычный носовой непалатализованный сонант, не встречается в начале слова: maŋŋa 'затем, после', tuŋŋaŋ 'заплата', jiŋŋ 'лед', kuŋŋa 'вдоль';

/ŋ'/ : [ŋ'] - заднеязычный носовой палатализованный сонант, не встречается в начале слова: ŋaŋŋŋje 'сватать', vaŋŋŋaŋŋ 'короче', jeŋŋiŋŋt лок.ед.ч. - jeŋŋ 'оломото', ŋaŋŋŋta 'без шаньги';

/l/ : [l] - переднеязычный боковой воляризованный звонкий сонант. Характерен для всех кольско-саамских диалектов. Не встречается перед /i/ и в соседстве с палатализованными согласными: liŋŋt 'доска', kaŋŋar 'дороже', ŋiŋŋŋŋ 'солить', ŋiŋŋ 'мало';

/l'/ : [l'] - палатализованный звонкий сонант, дистрибутивно не ограничен: ŋeŋŋt 'песня', ŋiŋŋaŋŋ 'круче', ŋaŋŋŋŋ 'сладкий', koŋŋŋ 'золото';

/r/ : [r] - переднеязычный апикальный дрожащий непалатализованный: ruŋŋt 'железо', riŋŋt 'дом', kuŋŋŋ 'курить', koŋŋŋ 'он привязывает';

/r'/ : [r'] - переднеязычный апикальный дрожащий палатализованный: ŋeŋŋt 'берег', ŋiŋŋŋŋŋ 'ждать', roŋŋŋŋŋ 'шарус', ŋiŋŋŋŋŋ 'мало'.

В отдельных диалектах саамского языка релевантный признак глухости-звонкости распространяется также на сонанты таким образом, глухие сонанты являются такими же самостоятельными фонемами, как и другие согласные. Глухие сонанты имеются: в воьвекиско-саамском /p, t, k, ɬ/ ⁶¹, в диалекте

Шонгуи /ä,ɤ/ ⁶², в кильдинском /ä, ɪ, ɛ, ɛ̃, ɤ/ ⁶³. В бабинском, как и в диалекте Колтта ⁶⁴, глухих сонантов нет.

Согласные фонемы бабинского диалекта саамского языка представлены в таблице.

Позиционные чередования фонем в бабинском диалекте

При определении инвентаря гласных и согласных фонем мы старались выявить наиболее ощутимые аллофоны каждой функциональной единицы, которые появлялись в результате взаимоприспособляемости гласных и согласных звуков. Данное явление, называемое модификацией фонем ⁶⁵, следует отличать от живых фонетических чередований фонем, являвшихся, в сущности, также результатом взаимоприспособляемости, а также адаптации разных фонем. Отличие названных явлений состоит в том, что в первом случае мы имеем дело с аллофонами определенных фонем, тогда как во втором — перед нами звук, совпадающий с уже существующей в языке фонемой. Другими словами, в этих случаях происходит нейтрализация фонем. Например, в слове t'ar'p'a 'сегодня' звук [p'] появляется в результате того, что за фонемой /p/ следует гласный переднего ряда /ä/, [p'] является аллофоном фонемы /p/. В слове kontta 'без дикого оленя' (вместо konda) последующая фонема /t/ полностью ассимилировала предшествующую звонкую фонему /d/, которая нейтрализовалась в реально существующей фонеме /t/.

В данном разделе рассмотрим чередования согласных и гласных фонем, называемые позиционными или живыми. Эти чередования не следует путать с историческими чередованиями, причины которых скрыты в истории языка (см. II главу).

⁶² I t k o n e n E. Enäotus kildinlapin Šonguijn murteen..., s. 102.

⁶³ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.47, 53–54.

⁶⁴ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja, s. XXXI; K o r h o n e n M., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a h t i P. Koltanlaamen opas...

⁶⁵ М а т у с е в и ч М.И. Современный русский язык. Фонетика. М., 1976, с.178–179.

Таблица согласных фонем

По способу образования звука				По активному речевому органу													
				Губные				Переднеязычные			Средне-язычные	Заднеязычные		Дорингальные			
				губно-губные		губно-зубные		твердые	полумягкие	мягкие		твердые	мягкие	твердые	мягкие		
				твердые	мягкие	твердые	мягкие										
Согласные	Губные	Смычные	Зерновые	Ротовые Глухие	р	р'			t	t'	ʈ			k	k'		
				Звонкие	б	б'			d	d'			g	g'			
		Щелочные	Серединные	Со вторым однофокусным целевым Глухие					c		ç						
				Звонкие					ʒ		ʒ						
				Со вторым двухфокусным целевым Глухие							ʃ						
	Звонкие							ʒ									
	Щелочные	Серединные	Однофокусные Глухие				f	f'	s		ʃ	j	x			h	h'
			Звонкие				v	v'	z		ʒ						
			Двухфокусные Глухие	м													
			Звонкие														
Смычные			Носовые	н	н'		п	п'	ɲ		ɲ						
Щелочные	Боковые				л		ʎ										
Дрожачие					р												

Все позиционные чередования фонем происходит либо в результате соседства определенных звуков, например, *alcta* 'без сына' (pro: *alcta*), либо обусловлены определенной позицией в слове, в которой оказывается та или иная фонема, например, в аусляютной позиции, где звонкие согласные подвергаются оглушению: *kājɹ* 'подбородок' (pro: *kājɹ*), *kōn't* 'дикие олени' (pro: *kōn'd*).

К наиболее распространенным позиционным чередованиям согласных относятся чередования по глухости-звонкости и по твердости-мягкости. Чередование согласных по глухости-звонкости — явление, довольно распространенное в саабинском языке. Названные позиционные чередования фонем происходят внутри слова или на стыке слов. Согласные могут чередоваться как в основе слова, так и на стыке основы и суффиксальной морфемы. Эти чередования происходят, как правило, в результате регрессивной ассимиляции: последующий глухой согласный подвергается полному оглушению предшествующий звонкий, обратного направления ассимиляции в середине слова не обнаружено, например, *āatta* 'без важенки' (pro: *āatta*), *hāakta* 'без поляна' (pro: *hāakta*), *pałttɪ* 'испытать' (pro: *pałttɪ*), *vałktɪ* 'послать' (pro: *vałktɪ*). Аусляютные звонкие согласные, как об этом было сказано ранее, подвергаются оглушению. Однако в изолированно произнесенном слове оглушение конечных звонких согласных сдерживается причинами прагматического характера. Так, например, конечный /d/ в слове *piēd* 'поля — поля' наряду с другими маркерами сигнализирует о форме номинатива множественного числа, генитива-аккузатива единственного числа, поэтому оглушение его может и не произойти. Но в потоке речи, когда за этим словом следует другое с глухим аусляутом, а тем более, если оно начинается с глухого коррелята, происходит полное оглушение названного согласного, например, *piēd tuck'k'en* 'за полем'.

Начало слова в саабинском диалекте не терпит звонких и представлено глухими согласными. Озвончаться может лишь аусляутом второго компонента сложного слова, если ему предшествует звонкое согласное. В этих случаях происходит регрессивная ассимиляция согласных по звонкости, например, *apɹiēiēi* 'укладчина' (*apɹ* 'вица' и *piēiēi* 'большой палец'), *siēiēiēi*

'одноглазый' (*šīlm* 'глаз' и *pīēīl* 'половина'), *maṇemjēlm* 'почки' (*maṇem* 'верхняя часть бедра' и *šēlm* 'глаза').

Позиционные чередования согласных по твердости-мягкости – менее распространенное явление, чем чередования по глухости-звонкости. Существование рядом твердых и мягких согласных – нормальное явление в саамском языке: *paīdātj* 'испытать', *kaīm* 'замерзнуть', *soīm* 'смерть'. Позиционные чередования по этому признаку возникают, как правило, на стыке морфем. При этом отмечено как смягчение твердых согласных, так и отверждение мягких. Твердые смягчаются в позиции перед среднерядным согласным /j/: *kuhóji* 'протухнуть' (*kuh-saj* 'он протухнет'), *vartjam* 'я сторожу' (*vartaj* 'он сторожит'), *p'aifjata* 'без веретена' (*p'aif* 'веретено'). На стыке морфем может наблюдаться противоположный процесс: в результате прогрессивной ассимиляции мягкие согласные чередуются с твердыми коррелятами, например, *pīēīk* 'голод' – *pīēīgta* 'без голода', *paīk* 'место' – *paīkta* 'без места', *tīēbrēē* 'легкий' – *fahrsar* 'легче'. Чередования согласных в сторону смягчения или отверждения происходят внутри слова. Случаев же ассимиляции по твердости-мягкости на стыке слов в бабинском диалекте не обнаружено.

Позиционные чередования гласных в бабинском диалекте происходят довольно редко. Чередуются гласные первого слога под влиянием определенных гласных второго слога. Данное явление, называемое метафонией⁶⁶, есть результат регрессивной ассимиляции. В случаях метафонии наблюдается: 1) полная ассимиляция гласных первого слога гласным второго слога, например, *abra* дат.-нл.ед.ч. от *abī* 'дождь', *šāma* дат.-нл.ед.ч. от *šēlm* 'глаз', *siīkim* 'я сказал' (сравни: *šākam* 'я скажу'); 2) частичная ассимиляция гласных первого слога по признаку подъема. В этих случаях они чередуются с гласными более высокого подъема под влиянием /i/ второго слога: *hōrgam* 'я свистну' – *hūīkīm* 'я свистел', *rēdam* 'я порю по швам' – *rīttīm* 'я порол', *kālamam* 'я мерзну' – *kāī-*

⁶⁶ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus. – Hki, 1966, з. 167; K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen, I, з. 19.

him 'я мерз'. В большинстве случаев чередования гласных несут на себе определенные морфологические функции и поэтому классифицируются в качестве морфологических или морфонологических.

Чередование ступеней согласных

Под чередованием ступеней согласных понимаются закономерные мены фонем или комбинации фонем в рамках парадигмы одного и того же слова.

Это явление присуще всем диалектам саамского языка, за исключением южно-саамских. В диалекте Уме консонантизм, следующий за кратким гласным ударного слога, стоит вне чередования ступеней. В диалекте Семисяур консонантизм серии *xx*, следующий за кратким гласным первого слога, также не подвергается чередованию ступеней согласных⁶⁷.

Чередование ступеней согласных связано с количественными чередованиями предшествующих им гласных: перед сильной ступенью согласных выступает краткий гласный, перед слабой — долгий: *kal̥k* 'краска' — *kāl̥gi̯st* (лок.ед.ч.), *gūh̥kam* 'я причу, хороню' — *gūh̥kkim* 'я прятал, хоронил'. Э.Лагеркранц подобные взаимоотношения между согласными и предшествующими им гласными корня назвал законом контрастной корреляции: "...саамский язык стремится к тому, чтобы в каждом слове образовывать вершину либо в вокализме, либо в консонантизме корня, которая обнаруживается как в долготе, так и в качестве звука. Вследствие этого между вокалическим и консонантным элементом возникает контрастирующая корреляция"⁶⁸.

Чередование ступеней согласных в саамском и прибалтийско-финских языках имеет много общих черт⁶⁹, однако между

⁶⁷ K o r h o n e n M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen. — Commentationes Instituti Fennico-Ugriici "Suomen suku", 1969, 29, S. 232.

⁶⁸ L a g e r k r a n t z E. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen. — Hki, 1927. — VIII. 425 S. (ЛЭФОН; 57).

⁶⁹ П и к а м я е А. Чередование ступеней согласных в основе слова в прибалтийско-финских и саамском языках: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1956.

ними существуют значительные различия, наиболее существенные из которых являются: 1. В прибалтийско-финских языках квантитативные чередования распространяются, в основном, на глухие взрывные⁷⁰. тогда как в саамском чередования охватывают весь консонантизм⁷¹. 2. В большинстве диалектов саамского языка сильная ступень глухих взрывных и аффрикат сопровождается преаспирацией. В диалекте Инари преаспирация в результате метатезы развилась в постаспирацию⁷². В прибалтийско-финских языках подобное явление отсутствует. 3. В саамском языке широко распространены чередования сочетаний согласных по квантитету, причем здесь чередуются первый и второй компонент сочетания. В прибалтийско-финских языках чередованиям подвергается только второй член сочетания согласных⁷³. 4. Чередование по глухости-звонкости распространяется в восточно-саамских диалектах как на взрывные, так и на аффрикаты и шелевые, в прибалтийско-финских же языках — только на взрывные. 5. В исследуемом диалекте, как и в диалекте Колтта, в парадигме одного слова во многих случаях происходят и квантитативные и квалитативные чередования по глухости-звонкости: (h)kk ~ (h)k ~ g(γ); (h)tt ~ (h)t ~ d(δ); hpp ~ (h)p ~ b, v; hcc ~ hc ~ j; hcc ~ hc ~ y⁷⁴. В прибалтийско-финских языках при изменении слова происходят либо квантитативные, либо квалитативные чередования согласных. 6. В саамском языке сильная и слабая ступень количественных и качест-

⁷⁰ В эстонском языке чередуются не только взрывные согласные и сочетания согласных. В водском языке чередованиям подвергаются также s, š, в карельском — c. Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские..., с. 35.

⁷¹ R a v i l a P. Probleme des Stufenwechsels im Lappischen. — FUP, 1960, 33, S. 289.

⁷² I t t k o n e n E. Betrachtungen zum lappischen Stufenwechsel. — MSFOu, 75, 1970, S. 16.

⁷³ S c h l a c h t e r W. Lappisches im lappischen Stufenwechsel, S. 81.

⁷⁴ I t t k o n e n T o i v o. Venäjänlappin konsonanttien astevaihtelu..., s. 17.

венных чередований согласных (сочетаний согласных) контрастирует с предшествующими им гласными. В прибалтийско-финских языках подобное явление отсутствует. 7. В современных диалектах саамского языка появление сильной или слабой ступени чередования не зависит от открытости-закрытости слога, как это имеет место, например, в большинстве случаев в финском языке. В этом смысле саамские чередования уже давно "не живые", они строго соотносятся с грамматическими категориями.

Проблема чередования ступеней согласных является одной из самых сложных в фонологии саамского языка. Сложность заключается как в самом характере чередований, так и в определении количества чередующихся ступеней долготы. Последнее в значительной степени зависит от методов исследования. С. Лагеркранц показал, что с помощью только инструментальных методов в диалектах саамского языка выделяется от пяти до десяти абсолютных долгот согласных⁷⁵. Фонологию же интересует прежде всего относительная, а не абсолютная долгота согласных, причем значимость этой долготы определяется возможностью дифференцировать слова и их формы. В монографии Г.М.Керта "Саамский язык" показано, что соотношение долгот в зависимости от позиции может быть как 1:2, так и 1:3⁷⁶. Однако дифференциальным в языке является соотношение краткого-долгого согласного и их сочетаний, что также четко осознается говорящими на родном языке. Количество выделяемых долгот согласных зависит и от того, считается ли долгота гласных в конкретном диалекте дифференциальной или нет. Терхо Итконен отмечает, что если долготу гласных в диалекте Оутакоски не принимать во внимание, то можно выделить три ступени долготы согласных, если же краткость-долготу гласных считать дистриктивной, то вполне можно было бы обойтись двумя долготами согласных⁷⁷.

⁷⁵ Lagercrantz E. Strukturtypen und Gestaltwechsel im Lappischen...S.3.

⁷⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.116-118.

⁷⁷ Itkonen Terho. Itäruijanlapiin foneettianalyysin pulmia..., s. 35.

Глубокий анализ типов чередований ступеней согласных и их сочетаний в кольско-саамских диалектах сделан в работе Тойво Итконена "Чередование ступеней согласных в русско-саамских диалектах"⁷⁸. Сначала в работе рассматриваются чередования интервокальных одиночных согласных и риминат, затем чередования сочетаний согласных. Автор считает, что в кольско-саамских диалектах существует три ступени долготы: I сильная, II сильная и слабая в первом случае; сильная, I слабая, II слабая во втором случае. Нельзя не согласиться с трехступенной интерпретацией чередования интервокальных согласных в тех случаях, когда в парадигме одного слова происходят как количественные, так и качественные чередования по глухости-звонкости, т.е. (h)kk ~ (h)k ~ g(y), (h)tt ~ (h)t ~ d(ð), (h)pp ~ (h)p ~ v, b и т.д. В бабинском диалекте имеется значительное количество слов, подтверждающих данное положение. Однако, если в парадигме слова происходят только количественные чередования, выделение третьей промежуточной ступени является излишним. Здесь во внимание принимаются скорее фонетические, а не фонологические чередования.

Г.М.Керт придерживается двухступенной трактовки чередования ступеней согласных в кильдинском диалекте⁷⁹. Оригинальность этой интерпретации состоит в том, что во внимание принимаются также чередования согласных по твердости-мягкости, и, таким образом, как сильная, так и слабая ступень распадается еще на две, т.е. выявляются две сильные и две слабые ступени. Отметим, что в работе Тойво Итконена этот признак вообще не учитывался. Такой подход был бы целесообразен и при исследовании бабинского диалекта, если бы в нем признак твердости-мягкости проходил по чередующимся ступеням так же регулярно, как и в кильдинском диалекте. Наши материалы свидетельствуют о том, что такого четкого противопоставления твердых и мягких согласных в сильной и слабой ступени не существует.

⁷⁸ I t t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu Koltan...

⁷⁹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.82.

Анализ чередования ступеней согласных в бабинском диалекте будет производиться в соответствии с методикой, предложенной Тойво Итконеном, т.е. сначала будут рассматриваться чередования интервокальных согласных, затем — чередования сочетаний согласных.

Чередования интервокальных взрывных, аффрикат, целевых и сонантов

В бабинском диалекте саамского языка имеется значительная группа слов, в парадигме которых происходят квантитативные и квалитативные (по глухости-звонкости) чередования согласных. В названные чередования вступают глухие взрывные, аффрикаты и целевые согласные.

hkk ~ kh ~ g: sihkka (дат.-илл.ед.ч.) — sihk 'туман' — siġist (лок.ед.ч.), ihkkin' (эсс.ед.ч.) — iġk 'год' — iġi (ген.-акк.мн.ч.), čohkkim 'я расчесал' — čohk 'он расчесывает' — ččgam 'я расчешу', riġhkkim 'я плакал' — riġhk 'он плачет' — riagam 'я плачу'.

htt ~ ht ~ d: lüöhtta (дат.-илл.ед.ч.) — lüöht 'пуля' — luod (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), lüöhttin' (эсс.ед.ч.) — lüöht 'лицо' — luodi (ген.-акк.мн.ч.), tihttiġ 'они знали' — tiēht 'он знает' — tiedam 'я знаю', jāhttim 'я шел' — jāht 'он идет' — jād'at' 'они идут'.

hrr ~ hr ~ b, v: kehrrin' (эсс.ед.ч.) — kehr 'итлица' — ķebist (лок.ед.ч.), zohrra (дат.-илл.ед.ч.) — zoġr 'осина' — ačb (ном.мн.ч.), kohrra 'выдалбливать' — kohr 'он выдалбливает' — kōvak 'ты выдалбливаешь', gahrre 'скрести' — gahr 'он скребет' — gāvam 'я скребу'.

hšš ~ hš ~ ž: kehšša (дат.-илл.ед.ч.) — kehš 'край, конец' — ķējist (лок.ед.ч.), aġšin' (эсс.ед.ч.) — aġš 'отец' — ājta (аб.ед.ч.), rahššim 'я выжал белье' — rahš 'он выжимает' — ražam 'я выжимаю', kiġššim 'я спросил' — kaġš 'он спрашивает' — ķēžat' 'они спрашивают'.

hss ~ hs ~ ž: čahšša (дат.-илл.ед.ч.) — čahš 'вода' — čājist (лок.ед.ч.), riēhššin' (эсс.ед.ч.) — riēhš 'сосна' — riājta (аб.ед.ч.), ruhššim 'я болят' — rohs 'он болеет' — ružam 'я болею', kiōhššim 'я правил веслом' — kiōhš 'он правит' — kuozam 'я правлю'.

aa ~ a ~ z: ⁸⁰ aǝlǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - aǝlǝ 'мозг' - āǝlǝz (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kǝǝsknǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - kǝǝsknǝ 'лучина' - kǝǝsknǝzǝst (лок.ед.ч.), nǝskassa (дат.-илл.ед.ч.) - nǝskas 'голень' - nǝskǝz (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kǝlǝrǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - kǝlǝrǝ 'коробейник' - kǝlǝrǝzǝst (лок.ед.ч.).

ǝǝ ~ ǝ ~ ž: jǝhtmǝǝssa (эсс.ед.ч.) - jǝhtmǝ 'голубина' - jǝhtmǝz (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), šǝmǝnǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - šǝmǝnǝ 'вороника' - šǝmǝnǝzta (аб.ед.ч.), zǝsklǝǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - zǝsklǝ 'внутренность' - zǝsklǝzǝst (лок.ед.ч.), jǝlmǝǝssa (дат.-илл.ед.ч.) - jǝlmǝ 'жизнь' - jǝlmǝzta (аб.ед.ч.).

В других случаях глухие взрывные, аффрикаты, щелевые, а также звонкие взрывные и сонанты в парадигме одного слова чередуются только по признаку квантитета. К ним относятся:

(h)kk ~ (h)k jkk 'тичок в оленьей упряжке' - jǝkta (аб.ед.ч.), kǝhǝkken 'далеко' - kǝkas 'вдаль', rǝhǝkkin 'я приказал' - rǝkam 'я приказываю', rǝhǝkker 'мы хороним' - rǝhǝkam 'я хороню'.

(h)tt ~ (h)t tahttim 'я хотел' - tātam 'я хочу', mahttim 'я умел' - mātam 'я умею', ruhtter 'мы чешем' - rūtam 'я чешу', ahttiž 'они свежевали' - āht'at 'они свежуют'.

(h)rr ~ (h)r: šǝhrǝr 'шея' - šǝrat (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tiǝhrǝrǝi 'лани' - tiǝhrǝi (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), šǝhrǝr 'резать' - šǝram 'я режу', zǝhrǝrim 'я кишу' - zǝhrǝram 'я кишу'.

dd ~ d: lǝddas 'запастье' - lǝdas (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kǝddas 'вязать' - kǝdǝim 'мы вязали', vǝddas 'спать' - vuadam 'я сплю', kǝdd 'весна' - kǝdǝ (ген.-акк.мн.ч.).

bb ~ b: robbot 'работа' - rǝbot (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tabbak 'табак' - tābak (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.).

⁸⁰ В отличие от чередований взрывных и аффрикат, происходящих на границе первого и второго слога, трёхступенные чередования переднеязычных щелевых происходят либо в двуслогных существительных, либо при их словоизменении на границе второго и третьего слога. Прим.автора.

(h)šš ~ (h)š: viāššer 'молоток' - viāšer (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), rišše 'пороть' - rišam 'я порю', košše 'звать' - kōšam 'ты зовешь', kiššim 'я смотрел' - kišam 'я смотрю'.

(h)ss ~ (h)s: řessiī 'печаль' - řēsiī (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), miššsa (лат.-мн.ед.ч.) - mišs 'лес', sišs-
siš 'я красил' - bēšsam 'я крашу', išsīim 'я лечил' - išsi 'он лечил'.

vv ~ v: šavv 'глина' - šāvīst (лок.ед.ч.), jēvveš (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - jēvēš 'принясе в дорогу', kišvviim 'я вздрогнул' - kieviim 'мы вздрогнули', pištovvi 'вспотеть' - pištōvviim 'мы вспотели'.

ss ~ s: kūšš 'гость' - kušs (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), řāšš 'прут' - řāš (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kovviim 'я косил' - kōšam 'я кошу', pišviim 'корыто' - pišim (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.).

zz ~ z: xāžžer 'острога' - xāžer (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), nāžžan 'женщина' - nāžniist (лок.ед.ч.), vōžžim 'я вез' - vōžim 'мы везли'.

jj ~ j: kūjj 'муж' - kūj (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), vūājj 'ручей' - vūajīst (лок.ед.ч.), vūājj 'он может' - vūajam 'я могу', řājj 'он кладет' - řājam 'я кладу'.

ll ~ l: kūlīl 'рыба' - kuēlī (ген.-акк.мн.ч.), kēll 'колокольчик' - kēlīst (лок.ед.ч.), koll 'он слышит' - kōlam 'я слышу', jēll 'он живет' - jālam 'я живу'.

mm ~ m: iīm 'суп' - iīmta (аб.ед.ч.), šēmēer (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - šēmēer 'обух', kiīmim 'я пугал' - kēšam 'я пугаю', jāmm 'он умирает' - jāmi 'он умер'.

nn ~ n: jīnn 'голос' - jīniist (лок.ед.ч.), kiīnnal (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kiīnal 'слеза', vūiīnnim 'я видел' - vūaiīnam 'я вижу', ānnim 'я потратил' - ānam 'мы потратили'.

dd ~ d: jīdd 'лед' - jīdi (ген.-акк.мн.ч.), šādd 'чага' - šādi (лок.ед.ч.), šāddim 'я взобрался' - šādam 'я собираюсь', vūēēē 'отдохнуть' - vūaēēam 'я отдыхаю'.

rr ~ r: mūrr 'дерево' - mūriist (лок.ед.ч.), sērr 'черника' - sēřta (аб.ед.ч.), mūrr 'молодой' - mūřamp 'моложе', pōrrim 'я ел' - pōram 'я ем'.

В бабинском диалекте саамского языка выявляются, таким образом, трехступенные чередования согласных, распространенные на взрывные, аффрикаты и перемещающиеся целевые, и двухступенные чередования, в которые вступают все согласные, за исключением /f, ɥ, h, x, ʃ, ʒ, ʃ̥, ʒ̥/. Звонкие согласные /z b/ по количеству чередуются редко, последний — только в заимствованных из русского языка.

В бабинском диалекте имеется значительная группа слов, в которых переднеязычные целевые чередуются только по признаку глухости-звонкости, причем оба альтернанта чередования являются геминированными. Этими чередованиями являются: az ~ zz: kuzz 'ель' — kuzz̥̥ (ген.-акк.ед.ч.), tiěz̥̥ 'лето' — tai̥z̥̥ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), vešz̥̥ 'счастье' — vež̥̥ziat (лок.ед.ч.), kossim 'я кашлял' — kossim 'мы кашляли', rossz̥̥ 'дуть' — rossz̥̥ 'я дую', tiěss 'он тянет' — fassz̥̥ 'я тяну';

z̥z̥ ~ žž: iez̥z̥im 'я лежал' — iez̥z̥im 'мы лежали', rovtužz̥im 'я работал' — rovtužz̥im 'мы работали', oxtužz̥z̥ 'хотеть' — oxtužz̥z̥ 'я хочу'.

Подобные чередования характерны в целом для диалекта Колтта⁸¹. В кильдинском же диалекте в этих случаях глухая гемината чередуется с одиночным звонким коррелятом: zz ~ z, žž ~ ž⁸².

Чередования сочетаний согласных

В бабинском, как и в других изолято-саамских диалектах, широко распространены количественные чередования сочетаний двух качественно различных согласных, которые происходят по схеме Ky ~ ky. В кильдинском диалекте по признаку количества чередуются оба компонента сочетания, т.е. они происходят по схеме Ky ~ ky⁸³. В исследуемом диалекте в чередования вступают сочетания следующих согласных:

⁸¹ K o r h o l e n M., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a n t i P. Koltansaamen oraas..., с. 27.

⁸² К е р т Г.М. Саамский язык..., с. 87.

⁸³ Там же, с. 88-88.

1) взрывной + взрывной

kūštk 'сердце' - kuetk (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tešg 'камень' - tiedqi (ген.-акк.мн.ч.), pūāhtk 'он ставит сети' - ruahtkam 'я ставлю сети', vūōhtkim 'я скреб' - vuitkim 'мы скребли';

2) p + a, t, c, š

kūps 'молоки' - kūpsiq (ген.-акк.мн.ч.), lērsim 'я доли' - lērsim 'мы доли', šort 'пена' - šorta (аб.ед.ч.), torc 'он ступает' - torc 'ступи', korš 'он собирает' - kōršam 'я собираю';

3) взрывной + сонант

ēbr 'дождь' - ābrist (лок.ед.ч.), šēābr 'украшение' - šēabrta (аб.ед.ч.), šabr 'он сжимает ладонь в кулак' - šābrgam 'я сжимаю';

4) аффриката + взрывной⁸⁴

šošk 'чурбак' - šoškist (лок.ед.ч.), pūškas 'тятя в оленьей упряжке' - ruaskaišt (лок.ед.ч.), kašk 'он кусает' - kāskam 'я кусаю', šašk 'он бросает аркан' - šāskam 'я бросаю аркан', pūškim 'я прыгал' - pūškam 'я прыгаю';

5) сонант + взрывной:

а) гуоно-гуоной + взрывной

cūōpr 'лягушка' - cūōprišt (лок.ед.ч.), gūōr 'струт' - gūōrta (аб.ед.ч.), epra 'пениться' - aprat 'пенился';

б) переднеязычный носовой + взрывной

šīānt 'он сердится' - šient 'сердись', vūō'd 'сосновый корень' - vuon' (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tīānt 'он давит' - tientšim 'я давил он';

в) l + взрывной

lāit 'веретено' - lāiti (ген.-акк.мн.ч.), zēlk 'он болает' - zēlk 'бодай', šīōr 'серебро' - šīōrpiō (дем.),

г) переднеязычный дрожащий + взрывной

pīōt 'дом' - pīōrti (ген.-акк.мн.ч.), foōt 'он летит' - fert 'лети', kēōk 'вертушка в упряжке' - kēōk (ном.лн.ч., ген.-акк.ед.ч.), tīōg 'узор' - tīōgta (аб.ед.ч.);

⁸⁴ В бабинском диалекте аффриката в качестве первого компонента сочетается только с согласным **к**. В нильдинском диалекте она может сочетаться, кроме того, с гласными: **е** сонантами. См. К е р т Г.И. Саямский язык..., с.94.

6) сонант + аффриката

kīlс 'ноготь' - kīlс (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kаlс 'он хлебае' - kаlс 'хлебай', vīāfс 'менок' - vīerсist (лок.ед.ч.), оfс 'он баяит' - ūrсам 'я бегу', koīс 'кольцо' - koīста (аб.ед.ч.);

7) сонант + шелевой

taīv 'зима' - tāīvi (ген.-акк.мн.ч.), siŭv 'лось' - siervta (аб.ед.ч.), siāŭv 'сушняк' - sierŭist (лок.ед.ч.), kūārsim 'я храпел' - kuarsim 'мы храпели', sāmŭ 'семья' - sāmŭist (лок.ед.ч.), mēŭ 'мережа' - mēŭsta (аб.ед.ч.), siāŭv 'он кричит' - siŭv 'кричи';

8) сонант + сонант

kēmŭ 'котел' - kēmŭ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), āim 'небо' - āimist (лок.ед.ч.), siŭm 'палец' - siŭmta (аб.ед.ч.), ūōim 'луг' - ūōimist (лок.ед.ч.), saŭm 'он говорит' - saŭnam 'я говорю', kīlŭim 'я замерз' - kīlŭim 'мы замерзали';

9) шелевой + взрывной

īēšk 'кожа человека' - īēškist (лок.ед.ч.), ēšt 'он сидит' - ēštam 'я сижу', ūīšk 'лепешка' - ūīški (ген.-акк.мн.ч.), ēst 'он догоняет' - ēštam 'я догону', kējtŭm 'я хвалил' - kējtŭm 'мы хвалили', līšt 'лист' - līšt (ном.мн.ч., ген.акк.ед.ч.), ūāŭk 'он ласкает' - ūāŭk 'ласкай', ūēŭr 'трубка' - ūēŭrta (аб.ед.ч.), mājк 'сиг' - mājкist (лок.ед.ч.);

10) шелевой + сонант

maŭm 'свадьба' - māŭmist (лок.ед.ч.), mēŭm 'икра' - mēŭmta (аб.ед.ч.), aŭŭ 'весло' - āŭri (ген.-акк.мн.ч.), lēŭŭ 'торф' - lēŭŭmta (аб.ед.ч.), ūāŭŭ 'шов' - ūāŭŭmta (аб.ед.ч.), ūāŭm 'корова' - ūāŭmist (лок.ед.ч.), sāmŭ 'дятел' - sāmŭ (ген.-акк.мн.ч.);

II) шелевой + шелевой

roŭv 'пойло' - rōŭvist (лок.ед.ч.), kaŭv 'копать' - kāŭvam 'я копаю', ūŭŭ 'пух' - ūŭŭi (ген.-акк.мн.ч.), sōŭŭ 'живот' - sōŭŭist (лок.ед.ч.), vīēŭŭ 'плавник' - vīēŭŭmta (аб.ед.ч.);

12) сочетания k, ū + з, ā, t, с, ū, в которых первый компонент чередуется с неслоговым ū⁸⁵

⁸⁵ В кильдинском диалекте на месте неслогового ū в большинстве случаев выступает v, ū: см. I t k o n e n Tōivo. Venäjänlapin konsonanttien astevaihtelu, s.86-89.

оѣс 'сух' - ѣаіst (лок.ед.ч.), јаѣа 'раздеться' - јаѣаа
'я разденусь', роѣа 'натираť' - роѣаа 'я натираю', аѣа
'топор' - аѣаі (ген.-акк.мн.ч.), раѣт 'скала' - раѣтist
(лок.ед.ч.), таѣт 'кость' - таѣт (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.),
мѣт 'кочка' - мѣті (ген.-акк.мн.ч.), каѣс 'восемь' -
каѣсint 'восьмой', ѣѣѣ 'лебедь' - ѣѣѣта (аб.ед.ч.),
раѣѣ 'грести кормовыѣи веслами' - раѣѣі 'он грѣб'.

В бабинском диалекте саамского языка сочетания двух согласных чередуются не только по признаку квантитета. Широкое распространение получили также чередования сочетаний согласных, при которых первый компонент чередуется по признаку квантитета, а второй - по глухости-звонкости. При этом первыми компонентами сочетаний могут быть только сонанты и шелевые j, v. Чередования можно представить схемой $\bar{x}y \sim xz$, где y - глухой, z - звонкий альтернант чередования. Подобные чередования не характерны для крайневосточных килдинского и йоканьгского диалектов.

В чередования вступают следующие сочетания согласных:

1) l, n, r, j + k

ѣѣѣк 'плечо' - ѣѣѣі (ген.-акк.мн.ч.), аѣѣ 'начать'
- ѣѣаа 'я начну', ѣѣѣім 'я пошел' - ѣѣѣім 'мы поѣли',
іѣѣѣ 'тряпка' - іѣѣѣта (аб.ед.ч.), ѣѣѣѣ 'собрать' -
ѣѣѣаа 'я соберу', ѣѣѣк 'наволоѣ' - ѣѣѣіst (лок.ед.ч.),
ѣѣѣѣ 'свистеть' - ѣѣѣі 'он свистѣл', ѣѣѣѣ 'идти на лы-
жах' - ѣѣѣаа 'я иду на лыжах';

2) l, m, n, r, v, j + t

ѣѣт 'важенѣа' - ѣѣtist (лок.ед.ч.), ѣѣtім 'я взял'
- ѣѣtім 'мы взяли', тѣѣѣ 'узнать' - тѣѣаа 'я узнаю',
ѣѣт 'теѣа' - ѣѣtist (лок.ед.ч.), ѣѣт 'горлю' - ѣѣtі
(ген.-акк.мн.ч.), ѣѣѣ 'дать' - ѣѣаа 'я даю', ѣѣѣт 'раз'
- ѣѣѣ (ном.мн.ч., ген.-акк.мн.ч.), ѣѣѣѣ 'думать' - ѣѣѣ-
аа 'я думаю', кѣѣѣ 'змея' - кѣѣѣtist (лок.ед.ч.), ѣѣѣtім
'я развѣзал' - ѣѣѣtім 'мы развѣзали', ѣѣѣ 'изгорѣť' -
ѣѣѣtі (аб.ед.ч.), ѣѣѣѣ 'уйти' - ѣѣѣаа 'я уйду';

3) ш, г, ж + р

пшр 'другой' - пшбист (лок.ед.ч.), тушр 'морна' - түрбш
(ген.-акк.мн.ч.), жошр 'качаться' - жорбш 'он качался',
пшр 'нок' - пшбта (аб.ед.ч.), кашр 'подбородок' - кшбш
(ген.-акк.мн.ч.), шшр 'хвост' - шшбта (аб.ед.ч.);

4) п + с

шшс 'ноготь' - кшпш (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), рошс 'пе-
ро' - ршпш (ген.-акк.мн.ч.), вшс 'ходить' - вшпш 'я
хожу', кашс 'он ест' - кшпш 'я ем';

5) ш, п, в + с

лшс 'игна' - лшпш (лок.ед.ч.), пшс 'вмя' - пшпш
(аб.ед.ч.), шшс 'он стоит' - шшпш 'он стоял', вшс
'он получает' - вшпш 'я получаю', кшс 'кумжа' - кшпш
(лок.ед.ч.).

Итак, в бакинском диалекте в парадигме слова отмечены
трех- и двухступенные чередования интервокальных согласных.
Трехступенные чередования происходят по признаку количественности
и глухости-звонкости. Они распространяются на взрывные, аф-
фрикаты и переднеязычные целевые согласные. В двухступенные
количественные чередования вступают все согласные, за исклю-
чением /f, ц, в, х, ж, ш, ж, ш, ж/.

К особенностям чередования ступеней согласных исследуе-
мого диалекта относятся:

1) чередование сочетаний согласных по схеме $\bar{x}y \sim xy$;

2) чередуясь по признаку глухости-звонкости, переднеязыч-
ные целевые могут быть только геминированными, т.е. $ss \sim zz$,
 $\bar{ss} \sim \bar{zz}$;

3) широкое распространение получили чередования сочета-
ний согласных, первый компонент которых чередуется по долго-
те, а второй - по глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}y \sim xy$. Первыми
компонентами сочетаний могут быть только сонанты и целевые.

Фонемная структура слова

Из четырех видов структур слова (фонемной, структуры
соединения фонем, слоговой и акцентно-ритмической)⁸⁶ на

⁸⁶ Т о р с у е в Г.П. Вопросы фонетической структуры
слова. М.; Л., 1932, с.5.

материале саамского языка в наибольшей мере исследована фонемная структура, включающая в себя состав и количество фонем, их распределение и возможные сочетания в различных положениях слова⁸⁷. Наименее исследованной, по крайней мере, на материале кольско-саамских диалектов, остается акцентно-ритмическая структура слова.

Исследование всех четырех компонентов фонетической структуры слова невозможно в рамках настоящей работы. Нами будет рассмотрена фонемная структура бабинского диалекта в сравнении с наиболее исследованным в этом аспекте кильдинским диалектом.

В бабинском диалекте количество фонем в слове может быть разным: от одной (i 'и') до двадцати одной (niknēstäl-äiskōtt'er'p'e 'вн начинте икать')⁸⁸.

Рассматривая фонемную структуру слова, остановимся на вопросах распределения фонем и их сочетаний по отношению к началу, концу и середине слова. Основное внимание будет уделяться возможным пояснениям и запретам согласных и их сочетаний в названных позициях. Запроты появления гласных не будут столь значительными, поэтому данной проблеме будет уделено меньше внимания. При характеристике фонемной структуры слова принимается во внимание структура изолированно произнесенного слова.

Структура начала слова

В позиции абсолютного начала слова выступают все без исключения гласные, например, aĭk 'он начинает', aĭk 'ста-руха', oĭn 'человек', ugge 'лясть', auljā 'паук', iĭm 'крутой', iĭ 'нет', aĭn 'теперь'.

Из согласных в англутной позиции не встречаются /q, ŋ, ʒ, ʒ, ʒ/. Определенные ограничения накладываются также на звонкие согласные /g, d, b, z, ʒ/. В словаре Т.М. Итконена зафиксировано три собственно саамских слова, начинающихся на

⁸⁷ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.71-81.

⁸⁸ Не исключено, что в диалекте излектся слова с большим количеством фонем.

/g/: garr 'к', gǝk 'надо', guǝka 'для'⁸⁹. В остальных случаях в начале слова этот согласный представлен в заимствованиях из русского языка, например, golex 'голик', godnalla 'погодному', goǝñes 'гостинец' и пр.⁹⁰ Другие звонкие согласные выступают в аналогичной позиции только в русских заимствованиях, например, bieǝñeñ 'безмен', butiñ 'бутика', dubbi 'дубль', di 'я, да', zǝñes 'занавес', žennix 'жены'. Таким образом, начало слова в бабинском диалекте саамского языка в подавляющем большинстве представлено глухими согласными. Из глухих согласных в начале собственно саамских слов не выступает согласный /f/. Он представлен только в отдельных антропонимах, например, feñk 'Феня', feñk 'Филипп', fodot 'Федот', faidi 'Фадей', fǝk 'Фока'. В других он заменяется согласными /v, k, h/ или выпадает: vetter 'Федор', kǝmiš 'Фома', haǝa 'Фокла', iñer 'Филипп'. Отсутствию этого согласного в начале слова и довольно редкое употребление в других позициях свидетельствует, вероятно, о том, что он появился в последнем диалекте сравнительно недавно.

В позиции абсолютного начала слова запреты накладываются на сочетания двух и более согласных, если не принимать во внимание дескриптивные слова и заимствования из русского языка: kra-kra 'кар-кар', kǝñǝñ 'кряк', pross 'просо', pǝññek 'праздник' и др. В отдельных случаях стечения двух согласных в начале слова устраняются или посредством усечения одного из согласных, или путем вставки между ними протетического гласного, например, tañrañ 'Степан', toñhim 'Трофим', ženiññi jañv 'пшеничная мука' и др. В настоящее время, однако, когда саамы довольно свободно говорят на русском языке, сочетания двух согласных в начале русских заимствований сохраняются, например, stokan, arub, štobi, vlašť, gramotni, klaas, kǝñis и др.

⁸⁹ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja ..., s.33-35.

⁹⁰ Здесь и далее имеются в виду ранние заимствования из русского языка.

Структура абсолютного конца слова

Абсолютный конец слова в саамском языке может оканчиваться как на гласный, так и на согласный. Из согласных в рассматриваемой позиции не встречаются /x, ɣ, h, b, ɥ/. Согласный /i/ может находиться в конце слова только в антропиме: *morŋ* 'Марха'. Остальные согласные: звонкие и глухие, палатализованные и непалатализованные — выступают в ауслауте беспрепятственно. Следует лишь отметить, что звонкий согласный в конце слова имеет тенденцию к оглушению, хотя этот процесс значительно сдерживается причинами грамматического характера. При этом оглушению больше подвержены звонкие взрывные, тогда как аффрикаты и щелевые почти не оглушаются. В абсолютном конце слова невозможен билабиальный /o, ʔ/, за исключением слова *vuogo* 'раз'. Гласный /u/ выступает в ауслауте лишь в местоимениях *ku* 'который', *mū* 'мой', *tū* 'твой', *sū* 'его'.

Принято считать, что финно-угорская основа лучше всего сохранилась в большинстве прибалтийско-финских и саамском языках⁹¹. Данное положение, однако, распространяется не на все диалекты саамского языка. В бабинском диалекте, как и в кильдинском, конечные гласные двусложных существительных повсеместно отпали, что привело к образованию значительного количества односложных слов, например, *piŋt* 'дом', *talv* 'зима', *jaŋŋ* 'озеро', *kiŋs* 'палец', *ievv* 'хлеб', *vijör* 'осина', *tuŋp* 'морда', *vijjäs* 'тёленок' (сравн.: фин. *piirtti*, *talvi*, *järvi*, *kynsi*, *läävä*, *leipä*, *tuppa*, *vaaŋa*). В отдельных прибалтийско-финских языках отпадение конечных гласных происходило в определенных фонетических условиях, а именно, если слово было двусложным и первый слог долгим или закрытым, а также во всех многосложных словах⁹². В кольско-саамских диалектах, за исключением йоканьского, отпадение конечного гласного происходит фронтально во всех словах.

⁹¹ Основы финно-угорского языкознания. Вопросы происхождения и развития ..., с.202.

⁹² T u n k e l o E. A. Verzan kielen äännehistoria. Hki, 1946. — S.755-756.-(SKST;228).

Примечательно также то, что отпавший конечный гласный не восстанавливается в косвенных падежах, как это имеет место, например, в велеском языке⁹³. В косвенных падежах бабинского и кильдинского диалектов появляется гласный, который соединяет согласную основу слова и падежно-числовое окончание, состоящее из согласного или начинающегося с него: *kehr* 'птица' - *keb-i-st* (лок.ед.ч.) - *kehr-i-n** (эсс.), *kēb-i-n* (ком.ед.ч.) - *kēb-i-guim* (ком.мн.ч.). Причем этот гласный (в бабинском диалекте -i, в кильдинском -e) проходит по всем падежам и со всеми словами. У глагола конечные гласные отпали в формах 3 л.ед. числа презенса изъявительного наклонения и 2 л.ед. числа повелительного наклонения: *riðht* 'он придет', *lohk* 'он чкает', *vūājj* 'он пишет' (сравни:лок. *riðhta*, локка, *vūājja*), *vānz* 'иди', *riag* 'плачь', *vuj* 'пни'. Отпадение конечных гласных в бабинском, как и в других финно-угорских языках, можно объяснить, видимо, тем, что ударение, покоящееся на первом слоге, привело сначала к редуцированию конечного гласного, а затем к полному его исчезновению⁹⁴. На редуцицию их в виде сверхкратких гласных указывают материалы словаря Т.И.Итконена: кильд. *vuol^a* 'вор', *vuol^(a)* 'остров', *tien^{ek^B}* 'деньги' (ном.ед.ч.), *tsuetv^a* 'лигушка', *vann^a* 'он уходит', *puell^a* 'опустошает'. В материалах А.Гензла, конечный гласный уже не фиксируется: *vu* 'остров', *tejk* 'деньги' (ном.ед.ч.), *suomr* 'лигушка'. Отпадение конечных гласных привело к тому, что слова стали оканчиваться не только на одиночный согласный, но и на сочетания двух согласных: *jiŋk* 'душа', *vūŋks* 'мошок', *koŋ* 'он убьет', *joŋt* 'он думает'. Стечения трех согласных появляются в середине слова на стыке слогов и морфем⁹⁵.

⁹³ За й не в а Н.Г. Изменное словоизменение в велеском языке: (История и функционирование форм слова). Петрозаводск 1961, с.57-61.

⁹⁴ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития..., с.203.

⁹⁵ Исключением является заимствование *torsk* 'треска'.

Научное значение имеет определение типов сочетаний согласных в разных позициях слова. В работе рассмотрены сочетания двух качественно различных согласных в конце слова и на стыке слогов с тем, чтобы установить, на какие группы согласных накладываются запреты в указанных позициях. Затем проанализированы сочетания трех и четырех согласных внутри слова.

Сочетания двух согласных в конце слова и на стыке слогов

В конце слова и на стыке слогов сочетаются следующие согласные:

1) взрывной + взрывной⁹⁶. Из 30 теоретически возможных сочетаний в конце слова встречаются 3, на стыке слогов 10 - (tk), (pt), (dg)⁹⁷, kt, bk, gt, gđ, dt, bt, bd:

koŭk 'муравей', šyātkā 'в чирка', kopt 'широкий', nūpta 'без насморка', kīēdg 'камень', šuodga 'чирки', fiktalāŭ 'трогать', tabka 'з табак', nīgdām 'я выку сон', nīgtz 'видеть сон', nuad'ta 'без ноги', nūb'ta 'без чашки', kobdar 'шире';

2) взрывной + аффриката. Из 24 возможных сочетаний в конце слова выявляются 2, в середине 5 - (pɔ), (pə), kə, gə, dɔ: sīrɔ'sɔpɔɔ' (ном.ед.ч.)-sīrɔɔ' (ген.-акк.мн.ч.), koŕə 'он собиждет', зворəim 'я раскидал он', rukəim 'я спрятал он', багəim 'я оделся он', ruadəim 'я принял он';

3) взрывной + шелевой. Из 60 теоретически возможных сочетаний в конце слова обнаружено 5, на стыке слогов 10 - (pɔ), (pə), (dv), (bj), (kə), kə, gɔ, də, dɔ, dj:

lāŕə 'роса' - lāŕəin' (эсс.), žorə 'он любит' - žorəŕə 'мы любим', lād'v 'вершина' - lād'vɔst (лок.ед.ч.), kəbj 'пыль, перхоть' - kəbjin' (ном.ед.ч.), kəŕə 'ковл'

⁹⁶ Анализ сочетаний согласных производится без учета дифференциального признака твердости-мягкости, краткости-долготы согласных, так как, во-первых, нас интересовала сочетаемость разных по способу образования согласных, во-вторых, учет дополнительного признака значительно расширил бы этот раздел.

⁹⁷ В скобках приводятся сочетания двух согласных, встречающиеся как в конце слова, так и на стыке слогов.

- kũksĩn' (эсс.), nũkũĩst' 'в туке', rođjam 'я ругаю',
leđsa 'в запястье', nĩeđzĩ 'девочек' (ген.-акк.мн.ч.),
vuadjam 'я сплю';

4) взрывной + сонант. Из 30 возможных сочетаний в конце слова встречаются 2, на стыке слогов 16 - (br), (bl), bn, dr, dn, dn, gl, gr, pr, pn, tr, tn, tl, km, kn:

šabĩr' 'он спит' - šabĩram 'я сплю', kũbĩla 'снежная стена' - kũbĩlĩn' (эсс.), kũbnĩst' 'в пузыре', mĩbĩrĩ 'красивый', šedmĩš 'пропеливший', zodnĩttĩ 'волн' (парт.), šĩgĩlette 'цекотать', šĩgrĩttĩ 'кегор' (парт.), kũhĩrata 'без пашки', suerĩus 'самый легкий', fũhĩnĩs 'легкие' (ном. ед.ч.), ketrĩn 'Екатерина', jĩtĩmũš 'голубина', naitĩlette 'жениться', šokĩmĩst' 'в гребне', stokĩna 'в стакан';

5) аффриката + взрывной. Из 24 теоретически возможных сочетаний в конце слова обнаружено 1 сочетание, на стыке слогов 5 - (sk), st, šk, št, žt, žt:

hĩsk 'сырой', kĩskam 'я гризу', vĩsta 'без варежки', rĩšĩkeĩ 'ударь', fašta 'без конца', žĩta 'без отца', šažta 'без воды';

6) аффриката + аффриката. Из 12 возможных сочетаний в конце слова не встречается ни одного, на стыке слогов 3 - sš, žš, žš:

šehĩsĩm 'я красил бы (сети)', rĩžĩsĩm 'я болел бы', vuop-
žĩsĩm 'я достал бы';

7) аффриката + щелевой. Из 40 возможных сочетаний в конце слова не обнаружено ни одного, на стыке слогов 6 - sv, sj, šv, šs, žž, žj:

kũšĩvĩet't'e 'вы правите веслом', košĩjam 'я просыпаюсь',
kĩšvĩet't't'e 'вы спросите', mošvar 'красивее', šĩžĩža 'в
сизину', lĩžĩjam 'я ставлю (сети)';

8) аффриката + сонант. Из 20 теоретически возможных сочетаний в конце слова не встречается ни одного, на стыке слогов 4 - sl, sm, šl, šr:

hĩosla 'ручн', kĩsmĩs 'самый тухлый', vĩšĩgra 'в молоток',
rĩšĩšĩam 'я крутану';

9) щелевой + взрывной. Из 60 возможных сочетаний в конце слова и на стыке слогов обнаружено по 17: (st), (sk), (xt), (yt), (vt), (vd), (šk), (št), (jk), (jg), (jp), (jb),

(jt), (jd), (hk), (hp), (ht):

līst 'лист', vuoſtam 'я покупаю', vūōšk 'окунь', kēškam 'я вносею огонь', paht 'скала' - pāut (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - pahtin* (эсс.) - pāutist (лок.ед.ч.), kuht 'змея' - kūmd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kuhtin* (эсс.) - kūmdin* (ком.ед.ч.), košk 'сухой', kōškam 'я сушу', paht 'он печет', pāstam 'я пеку', mažk 'сиг' - mājg (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - mažka (дат.-илл.ед.ч.) - mājgist (лок.ед.ч.), nižr 'нож' - nīj̄b (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - nižrin* (эсс.) - nīj̄bin* (ком.ед.ч.), sijt 'погост' - sijd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - sijtin* (эсс.) - sijdist (лок.ед.ч.), kihk 'кукушка', rienkist 'в грехе', paup 'поп' - pāupist (лок.ед.ч.), kūht 'вежа', kuhtlām 'я пробуш';

IO) целевой + аффриката. Из 40 теоретически возможных сочетаний в конце слова выявляются 7, на стыке слогов II - (x̄c), (c̄c), (v̄c), (v̄j), (j̄c), j̄c, s̄c, (h̄c), (h̄c̄), z̄c, ž̄c: sox̄c 'осень' - soxc̄c (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - sox̄ca (дат.-илл.ед.ч.) - soxc̄cist (лок.ед.ч.), kuv̄c 'кумза' - kuv̄j (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kuv̄cin (эсс.) - kuv̄jist (лок.ед.ч.), ruj̄c 'бочка' - rūjcist (лок.ед.ч.), vmaicim 'я ехал он', kos̄cim 'я косил он', roz̄cim 'я дул он', vanc 'варежка' - vanc̄cist (лок.ед.ч.), sh̄c 'отец' - sh̄c̄ca (дат.-илл.ед.ч.), lež̄cim 'я лежал он';

II) целевой + целевой. Из 90 теоретически возможных сочетаний в конце слова представлено 6, на стыке слогов II - (x̄v), (v̄v), (x̄j), (j̄j), (v̄j), (j̄v), āv, xj, ev, aj, vz: uxx̄ 'дверь' - ūx̄v (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - uxx̄in* (эсс.) - ūx̄jin* (ком.ед.ч.), cīk̄x̄ 'утка-чернушка' - cīj̄j (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - cīk̄xin (эсс.) - cīj̄jist (лок.ед.ч.), sovj̄ 'живот' - sovj̄a (дат.-илл.ед.ч.), kajv 'колюдец' - kajvist (лок.ед.ч.), lež̄vet't'e 'вы лежите', pox̄jam 'я нухал', vieš̄viš 'оса', aš̄ja 'з одежу', luv̄zette 'свободных оленей' (парт.);

I2) целевой + сонант. Из 50 возможных сочетаний в конце слова встречаются 10, на стыке слогов Iō - (xm), (xn), (vl), (vn), (vr), vm, (jm), (jn), (jr), (ān), z̄n, m̄n, n̄n, zn, (jl), ž̄n:

lāxm 'корова' - lāxmist (лок.ед.ч.), kaxn 'плохой' - kaxnin* (эсс.), vaxi 'омут' - vaxiist (лок.ед.ч.), šāvn 'шов' - šāvnin* (эсс.), jaṣr 'озеро' - jaṣra (дат.-илл.ед.ч.), šuvras 'самый светлый', sajm 'сеть' - sajmi (ген.-акк.мн.ч.), mejn 'икра' - mejnin* (эсс.), aṣr 'весло' - aṣra (аб.ед.ч.), vūšn 'налим' - vūšnist (лок.ед.ч.), goṣnist лок.ед.ч. от goṣai 'рассол', roṣniš 'дувший', zviṣnak 'ты бросишь', piznist лок.ед.ч. от piznan 'женщина', jeji 'ягель' - jejiiist (лок.ед.ч.), kaṣni 'кякши';

13) сонант + взрывной. Из 30 возможных сочетаний в конце слова выступают 19, на стыке слогов 21 - (lk), (lg), (lt), (ld), (lp), (lb), (mp), (mt), (md), (nt), (nd), (rk), (rg), (rp), (rb), (rd), (rt), (rl), (rk), (rt), rd*:
 šolx 'слына' - šolka (дат.-илл.ед.ч.) - šolx (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - šolgi (ген.-акк.мн.ч.), aṣt 'важенка' - āld (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - āldi (ген.-акк.мн.ч.) - aṣta (дат.-илл.ед.ч.), siṣr 'серебро' - siṣb (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - siṣrin* (эсс.) - siṣbin* (ком.ед.ч.), siṣmr (~ siṣmb) 'лягушка' - siṣmi (ген.-акк.мн.ч.), tōm-
 dam 'я узнаю' - tomt 'он узнает' - tomd 'узнай' - tomtar* 'мы узнаем', koṣt 'дикий олень' - kōnd (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - koṣtin* (эсс.) - kōndist (лок.ед.ч.), jeṣk 'бык' - jeṣg (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - jaṣka (дат.-илл.ед.ч.) - jeṣgin* (ком.ед.ч.), tuṣr 'морда' - tūrb (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - tuṣrin* (эсс.) - tūrbist (лок.ед.ч.), joṣt 'он думает' - juṣd 'думай' - joṣdam 'я думаю' - juṣtar* 'мы думаем' - šoṣk 'он собирает' - šoṣg 'собери' - šoṣker* 'мы собираем', - šoṣgi 'он собрал', vuaṣdam 'я отыскал', jiṣta 'без льда';

14) сонант + аффриката. Из 20 возможных сочетаний в конце слова встречаются 9, на стыке слогов 11 - (lc), (lč), (mč), (mč), (nc), (nč), (pč), (pč), (rč), rč, rč:
 koṣc 'кольцо' - kōiṣi (ген.-акк.ед.ч.), kaṣc 'улитка', pēlciṣ 'я боюсь бы', lēṣc 'игна' - lēṣcin* (эсс.) - lēṣnist (лок.ед.ч.) - lēṣni (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), kiṣc 'ноготь', - kiṣcin* (эсс.) - kiṣni (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - kiṣni (ген.-акк.мн.ч.), šoṣc 'он стоит' - šoṣer 'мы стоим' - šoṣi 'стой' - šoṣjam 'я стою',

viĕrĕ 'мешок' - viercĭst (лок.ед.ч.), vŭrcĭst 'у воронн',
ĕaŭcĭm 'я вполз бн';

15) сонант + щелевой. Из 50 возможных сочетаний в конце слова обнаружено 8, на стыке слогов 18 - лэ, (лв), (lj), (лš), (mj), mš, mš, mš, mv, nv, ns, (xš), (xs), (rv), (rj), nj, ns, qj: kalsiĕ 'старичок', olv 'он воет' - olver 'мы воем', tuiĕe 'дергать', ŕiĕiĕj 'поясница', keliĕ 'гололедица', vālšam 'я внобраю', я'āmj 'семья' - я'āmjist (лок.ед.ч.), ramšette 'радоваться', kamsata 'без конон' (шкура с ног оленя), aimšar 'меньше', jamvet't'e 'вы умираете', šenvet't'e 'вы уходите', vĭlvi 'малок' (парт.), ŕiāĕš 'утка', vĭršam 'я замешиваю', kŭāĕš 'он храпит', viersar 'более чужой', ŕiārvam 'я кричу', ŕoĕv 'он кричит', kiĕj 'узор' - kiĕji (ген.-акк.мн.ч.), ŕiā'ja 'в гуся', tuĕata 'без заплатн', ciĕja 'в наст';

16) сонант + сонант. Из 20 возможных сочетаний в конце слова встречаются 5, на стыке слогов 12 - (лм), лл, lŕ, мл, (ml), mŕ, нл, nm, (rm), (rn), (rŕ), ŕŕ: kiĕm 'холодный', aĕkšlmiĕ 'обнаженный', kuaĕlav 'утка-чернушка', jaĕĕš 'печь (высокий)', koĕle 'лечь', tieĕm 'котел' - tieĕmist (лок.ед.ч.), kuamrist 'в ладони', roĕl'ēdam 'я возвращаюсь', mĕlmiĕ 'ушедший', uĕm 'оспа' - uĕma (дат.-мн.ед.ч.), raĕn 'ребенок' - raĕnist (лок.ед.ч.), kŭāĕq 'он вползает' - kuaĕram 'я вползаю', ŕāĕam 'я ниряю'.

Исходя из проведенного анализа сочетаемости двух согласных в конце слова и на стыке слогов (см. также таблицы), можно сделать следующие выводы.

1. Количество сочетаний на стыке слогов (177) значительно больше, чем в конце слова (94).

2. В конце слова отсутствуют сочетания двух согласных, первым компонентом которых были бы аффрикаты, за исключением сочетания sk. На стыке слогов из 96 теоретически возможных сочетаний их обнаружено 19, другими словами, сочетания этого типа не являются характерными ни для середины, ни тем более для конца слова.

3. В конце слова очень редки также сочетания, первым компонентом которых были бы звонные согласные; из 144 сочетаний имеется только 12. На стыке слогов их количество

Таблица сочетаемости двух согласных в конце слова*

	Смичные взрывные					Аффри- каты		Целевые										Сонанты									
	k	t	p	g	d	b	c	č	ʒ	ʒ	f	s	x	h	v	z	j	š	ž	u	l	m	n	r	ŋ		
Смичные взрывные	k	+										+															
	t	+										+															
	p							+	+			+							+								
	g																										
	d				+											+											
Аффрикаты	b															+					+				+		
	c	+																									
	č	+																									
	ʒ																										
	ʒ																										
Целевые	f																										
	s	+	+										+						+					+	+		
	x																										
	h																										
	v					+			+		+													+	+	+	
	z																										
	j	+	+	+	+	+	+									+							+	+	+	+	
	š	+	+																					+			
	ž	+	+																								
	u	+							+			+							+								
Сонанты	l	+	+	+	+	+	+	+	+							+		+	+				+				
	ʃ	+	+			+		+	+		+								+					+			
	n	+				+		+	+	+	+																
	r	+	+	+	+	+	+					+				+		+	+				+		+	+	
	ŋ	+				+																					

* Согласные по вертикали являются первыми, по горизон-
тали - вторыми компонентами сочетаний согласных.

Таблица сочетаемости двух согласных на стыке слогов

	Слычные взрывные					Аффри- каты			Целевые										Сонанты					
	k	t	p	g	db	c	č	ǰ	f	s	x	h	v	z	j	š	ž	u	l	m	n	r	ŋ	
Слычные взрывные	k	+					+				+						+				+	+		
	t	+																		+	+		+	
	p		+				+	+			+						+				+	+	+	
	b			+			+	+												+		+	+	
	d		+		+			+			+			+				+			+	+	+	
	ɖ	+	+		+											+				+		+	+	
Аффрикаты	c	+	+				+							+		+				+	+			
	č	+	+							+				+									+	
	ǰ						+											+						
	ɟ						+									+								
Целевые	f																							
	s	+	+				+							+		+				+	+	+		
	x	+	+				+	+		+						+	+			+	+	+		
	h	+	+				+	+												+	+	+	+	
	v	+	+		+		+	+	+		+					+				+	+	+	+	
	z	+	+				+	+												+	+	+	+	
	ʃ	+	+	+		+	+	+						+						+	+	+	+	
	ʒ	+	+				+	+						+						+	+	+	+	
	u																							
	l	+	+	+		+	+				+									+	+			
	m	+	+				+	+						+		+				+	+			
Сонанты	n	+	+				+	+							+					+	+			
	r	+	+	+		+	+	+	+						+					+	+	+		
	ŋ	+	+				+	+												+			+	
									+		+													+

достигает 41.

4. Более сочетаемы группы согласных, первым компонентом которых являются целевые согласные: из 240 теоретически возможных сочетаний в конце слова имеется 40, на стыке слогов 55.

5. Наиболее сочетаемыми в качестве первых компонентов являются сонанты: из 120 возможных сочетаний в конце слова представлено 41, на стыке слогов - 62. Наилучшая сочетаемость сонорных с другими согласными объясняется тем, что собственные долготы носовых и ликвид, как показывают измерения, самые краткие по сравнению с собственными долготами других согласных, поэтому сочетания с сонорными согласными относительно легко произносятся⁹⁸.

6. Нетрудно заметить, что в исследуемом диалекте в конце слова чрезвычайно редко встречаются сочетания, близкие по способу образования согласных. Имеются всего лишь 3 сочетания (из 30) типа взрывной + взрывной, 6 сочетаний (из 30) целевой + целевой, 5 сочетаний (из 20) сонант + сонант, полностью отсутствуют сочетания согласных типа аффриката + аффриката. Данное положение имеет универсальный характер и подтверждает точку зрения о том, что язык вообще избегает сочетаний двух, очень близких по способу образования согласных⁹⁹. Однако это нельзя утверждать относительно сочетаний согласных на стыке слогов. Здесь особенно значительны сочетания типа сонант + сонант, сочетания остальных, близких по способу образования согласных, встречаются в них чаще, чем в конце слова.

7. В конце слова и на стыке слогов наиболее высокой сочетаемостью в качестве первого компонента обладают согласные /j, l, n, r, v/, в качестве второго - согласные /t, č, ʃ, z, n, r/. В конце слова не встречается сочетаний, первыми компонентами которых были бы согласные /g, č, ʃ, ʒ, f, z, ž/, а вторыми - /f, x, h, ž, u/. На стыке слогов согласный /t/ не вступает в сочетания в качестве первого, а согласные /f, x,

⁹⁸ I t k o n e n E. Kielijäsen tutkimus..., s. 180.

⁹⁹ Ibid., s. 144.

h, z, ɥ/ - в качестве второго компонента сочетаний. Согласный /f/, таким образом, не вступает ни в какие сочетания как в конце слова, так и на стыке слогов¹⁰⁰. Этот согласный появился в исследуемом диалекте, видимо, сравнительно недавно. Во всех позициях в качестве второго компонента не сочетаются также щелевые /x, h/, что объясняется, вероятно, особенностью фонетической структуры бабинского диалекта, поскольку в кильдинском диалекте данные сочетания вполне допустимы¹⁰¹.

3. В бабинском диалекте и диалекте Колтта¹⁰² имеются сочетания с первым ɥ-овым и вторым ʒ, ʃ-овыми компонентами, которые полностью отсутствуют в кильдинском диалекте.

Сочетания трех и четырех согласных

Сочетания трех и четырех согласных обнаруживаются в саамском языке только на стыке слогов и морфем.

Сочетания трех согласных являются в кольско-саамских диалектах не менее характерными, чем сочетания двух. Г.М.Керт в своей работе "Саамский язык" классифицирует их по артикуляционному принципу. Мы же попытались разграничить все сочетания трех согласных по их последнему компоненту, с тем чтобы нагляднее представить причины стечения согласных.

1. Сочетания трех согласных наблюдаются у двусложных существительных и прилагательных, при словоизменении которых происходит выпадение гласных второго слога. При этом возможны следующие сочетания трех согласных:

а) сочетания с третьим s-овым компонентом - rts, rms, aks, rms, lds, nts, rgs, r̥sa, jks, jva, lma, ɥrs, rba, ska, ɥls, rks, rva, aks, las:
ruartas 'лестница' - ruartaist (лок.ед.ч.), ɥirtas 'град' - ɥirtai (ген.-акк.мн.ч.), raifēs 'трона' - ralkaiet (лок.

¹⁰⁰ Исключения составляют антропонимы morf 'Марья', ɥnřisk 'Андрей' и др.

¹⁰¹ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.72-73.

¹⁰² I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien astevoimittelu..., s. 61-66, 86-89; K o r h o n e n M. Zur Phonologie des Skoltlappischen..., s.27.

ед.ч.), kārtas 'ворон' - kartsata (аб.ед.ч.), ņeĩgeš 'оладки' - ņalgсар 'оладье', kandas 'оленье поклада' - kantsi (ген.-акк.мн.ч.), роĩgas 'парус' - роĩgsata (аб.ед.ч.), piŗsas 'палка для прокалывания рыбы' - piŗsēst (лок.ед.ч.), vujkiš 'прямой' - vujksар 'прямее', vūĩvas 'печень' - vūĩvsa (дат.-ил.ед.ч.), kiĩmas 'холодный' - kiĩmsар 'холодное', naĩgas 'река' - naĩgsist (лок.ед.ч.), jorbas 'крутиль' - jorbsар 'крутлее', ņuskeš 'сырой' - ņusksар 'сырее', ņeĩlas 'самка' - ņeĩlsist (лок.ед.ч.), marksēš 'рубль' - marksēšsa (дат.-ил.ед.ч.), saĩviš 'тирвас' - saĩvsa (дат.-ил.ед.ч.), kiĩkas 'вереск' - kiĩkai (ген.-акк.мн.ч.);

б) сочетания с третьим \check{z} -овым компонентом¹⁰³ - jaĩž, rnž, dēž, vrž, mĩž, uĩž:
 siĩsēĩž 'погост' (дем.) - siĩsēĩža (дат.-ил.ед.ч.), paĩniš 'маньчик' - paĩnižittĩ (парт.), tieĩgēĩž 'каменьок' - tieĩdgēĩž (дат.-ил.ед.ч.), jaĩvriš 'озерко' - jaĩvriĩsa (аб.ед.ч.), tieĩniš 'котелок' - tieĩnižittĩ (парт.), oĩmēĩž 'человек' - oĩmēĩžist (лок.ед.ч.);

в) сочетания, третьим компонентом которых является сонанты /л, м, п/либо послевоу /v/- gĩl, mĩl, uĩl, stl, stv, škr, gēv:

kiĩĩĩl 'локоть' - kiĩĩĩlĩst (лок.ед.ч.), liĩĩĩl 'озерко в разливе реки' - liĩĩĩlĩ (ген.-акк.мн.ч.), kaĩĩĩl 'гиль в дереве' - kaĩĩĩlĩst (лок.ед.ч.), raĩĩĩl 'локша' - raĩĩĩlĩst (лок.ед.ч.), rōĩĩĩl 'рождество' - rōĩĩĩlĩst (лок.ед.ч.), řeĩĩĩl 'горышко' - řeĩĩĩlĩsар 'горышко', koĩĩĩl 'иной' - koĩĩĩlĩst (лок.ед.ч.).

2. Сочетания трех согласных наблюдаются в абессюве ед. числа у тех существительных, которые оканчиваются на сочетание двух согласных. В этом случае возникают сочетания трех согласных, последним компонентом которых является согласный t, входящий в состав падежного окончания абессюва -ta. Это сочетания согласных - 'kt, pēt, dēt, dvt, brt, sct, ldt, mlt, rdt, lbt, lvt, lgt, lnt, let, lžt, mnt, mžt, ngt, rdt,

¹⁰³ Эти сочетания возникают при изменении по падежам деминутивных существительных.

rgt, rkt, rvt, ret, rēt, rmt, rnt, jpt, jbt, jrt, jvt, jdt,
jgt, jct, jmt, jnt, vnt, vrt, vjt, vlt, vdt, vst, vāt, vst,
ūst, ūkt, ūnt, xnt, xnt, sct:

kotkta 'без муравья',¹⁰⁴ laŗsta 'роса', kiedŗta 'камень',
lad'vta 'вершина', abŗta 'дождь', raŗkta 'печок' (одежда
глухого покроя), aŗdta 'вазетка', rūmŗta 'борт', xŗŗdta
'внешний угол дома', sŗŗbta 'серебро', tŗŗvta 'зима',
juŗŗgtta 'нога', āŗŗmta 'небо', kŗŗŗsta 'кольцо', kŗŗŗŗta
'улитка', rŗŗŗŗta 'леса', lŗŗŗŗta 'ягнa', kŗŗŗŗta 'ноготь',
bŗŗŗŗta 'горло', jŗŗŗta 'душа', tŗŗŗkta 'шуба', ōŗŗŗvtta 'пеш-
ня', pŗŗŗŗta 'пищa', vuŗŗŗŗta 'ворона', ōŗŗŗŗta 'палец',
pŗŗŗŗŗta 'ребенок', pŗŗŗŗta 'трубка', lŗŗŗŗta 'хлеб', āŗŗŗta
'весло', pŗŗŗvtta 'день', sŗŗŗŗta 'погост', rŗŗŗŗta 'дыра',
pŗŗŗŗta 'бочка', ōŗŗŗŗta 'сеть', suŗŗŗŗta 'сено', ōŗŗŗŗŗta
'шов', pŗŗŗŗvtta 'бурав', kŗŗŗŗŗta 'кумжа', pŗŗŗŗvtta 'колeно',
kuŗŗŗŗta 'эмся', āŗŗŗŗta 'топор', ōŗŗŗŗta 'дверь', ōŗŗŗŗta 'ле-
бедь', ōŗŗŗŗta 'комар', ōŗŗŗŗŗta 'дятел', lŗŗŗŗta 'корова',
kŗŗŗŗta 'плохой', ōŗŗŗŗta 'чурбак'.

3. Сочетания трех согласных широко представлены в гла-
голах. Третий компонент сочетаний является или словоизмени-
тельным, или словообразовательным суффиксом, или входящим в
состав таковых. При этом имеются следующие сочетания трех
согласных:

а) сочетания с третьим ō-овым компонентом, являющимся
признаком сослагательного наклонения глаголов, - rdō, rāō,
rnō, rŋō, rvō, rzō, nŗō, nŗō, ndō, ndō, stō, skō, ūtō, ūtō,
skō, lgō, lkō, vkō, pāō, pāō, brō, jnō, jtō:
jrdōŗŗ 'я думаю бы',¹⁰⁵ kuŗŗŗŗŗ 'хрaпеть', ōŗŗŗŗŗ 'рас-
суждать', kuŗŗŗŗŗ 'внимaть', suŗŗŗŗŗ 'кричать', pŗŗŗŗŗ
'свистеть', vuŗŗŗŗŗ 'досaть', kŗŗŗŗŗ 'есть', ōŗŗŗŗŗ
'серьмaсь', tŗŗŗŗŗ 'узнaть', juŗŗŗŗŗ 'рубить лед',
vuŗŗŗŗŗ 'жевать', jŗŗŗŗŗ 'сидеть', ōŗŗŗŗŗ 'спирaть',
lŗŗŗŗŗ 'выйти на улицу', lŗŗŗŗŗ 'леть', ōŗŗŗŗŗ 'бро-
сать', vuŗŗŗŗŗ 'принять', tŗŗŗŗŗ 'понять', ōŗŗŗŗŗ 'лас-

¹⁰⁴ Далее слова переводятся в форме именительного па-
дежа.

¹⁰⁵ Далее глаголы переводятся в неопределенно-личной
форме.

каты', aršcim 'пахнуть', toršcim 'топать', šabšcim 'сжимать', sijncim 'смеяться', lajtšim 'охаять';

б) сочетания с третьим м-овым компонентом, входящим в состав суффикса причастий на -mīnš, -mīnš, mīš, mīš, -ma, -rtm, rēm, um, ūtm, ckm, lkm, vkm, štm, stm, pēm, pēm, brm, jkm, jnm, rēm, rkm, rvm, ntm:

mertmīš 'жевавший', kuarsmīš 'хранивший', kormīš 'напешивший', šoutma 'развязавший', kackma 'грызущий', toīkma 'понявший', hačkmiņš 'ласкавший', ištma 'сидевший', kuostma 'видевший', arēma 'пахнувший', torēma 'топчущий', šabrmiņš 'сжавший', ņorkma 'скачущий', sijnciļš 'смеявшийся', kuarmma 'ползущий', ņorkmīš 'свистевший', šorvmiņš 'кричавший', sientmīnš 'сердившийся';

в) сочетания с третьими l, j, t, d -овыми компонентами, которые являются глагольными словообразовательными суффиксами, - pēl, škl, lkl, ntl, ūkl, škl, rtl, skl, štl, xal, rpl, pēl, rgēl, stl, hēl, mēl, xēl, štl, vtēl, lkēl, ūēl, rpēl, brēl, stēl, lvēl, rvēl, lgt, skt, rkt, lkt, rvt, lēt, brt, sct, lvt, rvd:

korēl 'собирать', hēkl 'прыгать', vūklēl 'собираться', kantēl 'скандировать', cūklēl 'целовать', haēklēl 'выстрелить', virēl 'передвинуть', nišēklēl 'мездрить', mātēl 'вспоминать', roxēl 'казать', jorēl 'качать', arēl 'похоть', jorēl 'перевернуть', juštēl 'рубить лод', kieēl 'пробовать', tormēl 'портиться', kuhēl 'протужнуть', aētēl 'обещать', iēlēl 'петь', toīkēl 'толочь', zūēl 'отморозить', tuaēl 'ботать', šabēl 'сжимать', kuastēl 'видеться', olēl 'вить', šuarvēl 'кричать', algtēl 'начинать', kuēl 'попадать', tirkēl 'успевать', raēl 'нанимать', tirvtēl 'приветствовать', moīštēl 'соскользнуть', kiebrēl 'украшать', šackēl 'гасить', olvtēl 'завивать', aēl 'угадывать';

г) сочетания трех согласных, в состав которых входит суффикс моментативности -st, - šst, rst, dst, žst, kat, šst, rst, lst, pst, dst, gst:

moštetēl 'вспоминать', ārstēl 'остановить', ledstēl 'разогреть по составу', ņēštēl 'вырвать', šurkstēl 'попнуть', kieēl 'взвешивать', raēl 'рассказывать', toletēl 'лунить

рыбу', vueršte 'учить', vuoqstī 'отдохнуть', sugatī 'гребнуть'.

4. В бабинском диалекте саамского языка сочетания четырех согласных встречаются чрезвычайно редко¹⁰⁶. Они возникают на стыке морфем в отдельных моментативных глаголах. Обнаружено четыре сочетания четырех согласных - rtst, rkt, xgt, xost:

girtst 'передвинуть', xurkt 'испытать', xīstī 'пробежать', tārgstī 'вздрыгнуть'.

В остальных же случаях стечения четырех согласных избегаются посредством вставки гласного i перед четвертым согласным, например, mīnatī 'рассказать' - mīnatīcīm 'я сказала бы', kīctst 'вздрогнуть' - kīctīcīm 'я вздрогнул бы'.

Структура слога

В произносительном отношении речь распадается на минимальные единицы - слоги¹⁰⁷. Уловить на слух количество слогов в слове практически нетрудно. Значительно сложнее бывает установить точное место слогораздела, поскольку слог не является носителем смысла. Лингвистический критерий, который использовался при выделении фонем, здесь оказывается неприменимым¹⁰⁸. Знание границ и правил слогоделения необходимо при описании языка (диалекта), особенно в ходе доказательства фонологического статуса сложных фонем, а также при характеристике фонетической структуры слова.

В саамском, как и в других финно-угорских языках, ядром слова могут быть только гласные (монофонги, дифтонги, трифтонги), согласные же в качестве слогообразующих не выступают. Слог, таким образом, без гласного не мыслится.

¹⁰⁶ Следует отметить, что в кильдинском диалекте стечений четырех согласных не имеется. См. К е р т Г.М. Саамский язык...

¹⁰⁷ Ш е р б а Л.В. Фонетика французского языка...с.79.

¹⁰⁸ З и н д е р Л.Ф. Общая фонетика...с.279; М а т у с с е в и ч М.И. Современный русский язык: Фонетика. М., 1976, с.186.

2. Второй слог двусложных слов представлен 8 подтипами слогов: *cv*, *ccv*, *cvc*, *cʷc*, *cvcc*, *cʷcc*, *ccvc*, *ccʷc*:
avi-n'e 'тебе', в тебѣ', *hoj*-sti 'вырвать', *piə*-gam 'я
 пахну', *taik*-di 'мы ковали', *t'a*-lešt' 'здесь', *tund*-
 xet 'на горе', с горы', *ma*n-stam 'я расскажу', *ar*-sti 'мы
 остановились'.

Второй слог трех-, четырех- и более сложных слов пред-
 ставлен 7 подтипами: *cv*, *cʷ*, *cʷ*, *ccʷ*, *cvc*, *cvcc*, *ccvc*:
piə-ka-ta 'без корита', *ka* -si-čist 'у старичка', *kut*-tē-
 la 'мы попробовали', *čir*-stā-lat '(они) скатываются (с
 горы)', *kūi*-lik-ki 'в Колу', *jan*-niht-vuim 'с их матерья-
 ми', *čig*-sti-lis '(они) катались на лыжах'.

Второй слог, в отличие от первого, не может быть пол-
 ностью открытым или неприкрытым в начале, т.е. начало слога
 обязательно прикрывается согласным¹¹⁰. Второй слог двуслож-
 ных, с одной стороны, и многосложных слов - с другой, пред-
 ставлен следующими типами: *cv*, *cvc*, *cvcc*, *ccvc*.

3. Третий, четвертый и далее слоги представлены 6 под-
 типами слогов: *cv*, *cvc*, *cvvc*, *cvcc*, *ccvv*, *ccʷcc*: *jei*ncs-ta
 'без его матери', *juc*i-kui-di 'он стал пить', *ar*i-čim
 'я устал бы', *ar*mi-vuim 'сетями', *tui*ja-mi 'сделанный',
*ui*ka-di-ška-dam 'я засну', *ie*fji-šmōnt 'он запоет'.

Третьи, четвертые и последующие слоги, как и вторые, не
 могут быть полностью открытыми или неприкрытыми в начале.
 Слогообразующими элементами являются монофтонги (только
 краткие) и дифтонги (краткие и некроткие).

Структурный анализ типов слогов в исследуемом диалекте
 позволяет сделать следующие выводы:

- интервокальный одиночный согласный входит в слог с после-
 дующим гласным, например, *mie*-rišt 'в море', из моря';
- интервокальные сочетания двух согласных распределяются по
 разным слогам, например, *kir*-kan 'он усневает', *ju*f-til
 'я думаю';
- интервокальные сочетания трех согласных распределяются,
 как правило, таким образом, что слоговая граница проходит

¹¹⁰ K o r h o n n M. Zur Phonologie des Skoltlap-
 päsches..., s. 28.

между вторым и третьим согласным, например, *zuaŋt-ta* 'без
рубля'. В случаях, когда морфологическая граница не совпа-
дает с названным принципом слогаделения, слоговая граница
проходит между первым и вторым согласным, например, *sug-*
stam 'я гребну', *sir-stam* 'я передвину';

— при стечении четырех согласных слоговая граница полностью
совпадает с морфологической, т.е. проходит между вторым
третьим компонентом сочетаний, например, *čert-sti* 'чирну
сничкой'.

ГЛАВА II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОНОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СИСТЕМЕ СЛОВОИЗМЕНЕНИЯ БАЙМНСКОГО ДИАЛЕКТА

Общая теория чередований, ориентированная на материал славянских языков, была изложена И.А.Бодуэном де Куртенэ в работе "Опыт теории фонетических альтернатив" в 1895 году¹. Из сложной и разветвленной классификации альтернатив наиболее существенными и находящими отражение в исследуемом языке являются палатофонетические и неофонетические, или позиционные, чередования. Последние рассматривались в I главе. Здесь же нас интересуют широко распространенные в саамском языке исторические, или традиционные, чередования фонем, которые возникают не в результате влияния соседних фонем или позиций в слове, а остались в языке по традиции. Их мотивировка скрыта в истории языка и необъяснима современными производительными законами. В исторических чередованиях проявляются фонетические законы, которые действовали в прошлом. Так, в колыско-саамских диалектах появление сильной или слабой ступени согласных зависело когда-то от открытости или закрытости второго слога. Позже этот закон перестал действовать. Сейчас мы имеем лишь результаты его действия в виде закрепившихся за определенными морфемами альтернатив чередования.

В исторических чередованиях наиболее четко проявляется связь фонологии и морфологии, поскольку они происходят в пределах основной морфологической единицы — морфемы и функционируют, таким образом, определенные морфологические функции. Это те чередования, которые создают варианты морфем или

¹ Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. М., 1963, т. I, с. 285—347.

алломорфы, например, *níēfík* 'голод' - *níēfíg* (ном.мн.ч., ген.-акт.ед.ч.) - *hálk-a* (лат.-илл.ед.ч.) - *níēfíg-ta* (аб.ед.ч.) - *saíkkē* 'толкнуть' - *sāga-m* 'я толкаю' - *saík* 'он толкает' - *sag* 'толчки' - *sag-sim* 'я толкнул бы'. Исторические чередования происходят в рамках одного слова. Сопоставление же чередующихся фонем в рамках различных морфем, например, *kūēfí* 'рыба' и *koll* 'он слышит', не имеет ничего общего с анализом традиционных чередований.

В бабинском диалекте саамского языка согласные вступают в количественные и качественные (по глухости-звонкости, палатализованности-непалатализованности) чередования. Количественные чередования и чередования по глухости-звонкости обсуждались в I главе. Чередования согласных по твердости-мягкости, а также чередования гласных по краткости-долготе, по качеству, чередования гласного с нулем звука будут рассматриваться по мере участия их в различении грамматических значений.

В морфологической структуре исследуемого диалекта чередования согласных и гласных фонем имеют различную функциональную значимость. В одних случаях чередования берут на себя основную роль в разграничении форм слова, самостоятельно выражают грамматические значения, и тогда они являются собственно грамматическими или морфологическими. В других случаях чередования лишь сопровождают образование тех или иных форм слова. Они происходят в основе слова при присоединении грамматических флексий, приобретая, таким образом, статус морфонологических чередований. Рассмотрим каждый из названных типов чередований отдельно, непосредственно связывая альтернанты чередований с грамматическими категориями.

Морфонологические чередования согласных и гласных фонем

Существование в кольско-саамских диалектах морфологических или грамматических чередований выделяет их из большинства финно-угорских языков и сближает с флективными языками, отличительной особенностью которых является внутренняя флексия². Под внутренней флексией понимается выражение грам-

² K o r h o n e n M. Die Entwicklung der morphologischen Methode im Lappischen..., S.203.

матических значений посредством изменения состава самого корня³. Примером тому могут быть германские языки, в которых ряд грамматических значений выражается чередованием гласных корня. Так, в немецком и английском языках с помощью умялута различаются формы единственного и множественного числа: нем. Bruder 'брат' - Brüder 'братья', Ofen 'печь' - Öfen 'печи', Mutter 'мать' - Mütter 'матери'; англ. foot 'нога' - feet 'ноги', tooth 'зуб' - teeth 'зубы', mouse 'мышь' - mice 'мыши'. Аблют в чистом виде хорошо сохранился в английском языке: sing 'петь' - sang 'пел' - sung 'петий' - song 'песня'⁴.

В бабинском диалекте сазанского языка грамматическими чередованиями различаются формы номинатива единственного и множественного числа существительных (последние являются одновременно формами ген.-акк.ед.ч.), а также формы 3 л.ед. числа презенса изъявительного наклонения от форм 2 л.ед. числа повелительного наклонения глаголов, например, лой^н't 'птица' - лой^н'd (ном.мн.ч.,ген.-акк.ед.ч.), койт 'он хвалит' - койт 'хвали'. Здесь мы имеем дело с "чистой" внутренней флексией, поскольку указанные грамматические значения выражаются изменением корня слова. О былом существовании грамматического показателя номинатива множественного числа существительных свидетельствуют западные диалекты сазанского языка, в которых соответствующие формы образуются присоединением к слову суффикса множественного числа. В кольско-сазанских диалектах в результате стирания показателя множественного числа внутрисловные чередования согласных и гласных взяли на себя основную роль в разграничении форм единственного и множественного числа и стали собственно грамматическими.

В других случаях чередования стали грамматическими, поскольку произошло совпадение грамматических флексий. Окончания и суффиксы в таких случаях отсутствуют формально, ос-

³ Реформатский А.А. Введение в языкознание. М., 1967, с.276.

⁴ Примеры приведены из книги А.А.Реформатского "Введение в языкознание".

новную функцию в различении форм слова взяли на себя внутриосновные чередования, например, *jānttīm* 'я шел' - *jādīm* 'мы шли', *iñkkīn* (эсс.) - *īgīn* (ком.ед.ч.) от *īkk* 'год'. Совпадение грамматических флексий имеет место и в других диалектах саамского языка. Так, в диалекте Коутокейно личносчисловые окончания 2 л.ед.числа - *k* и 1 л.мн.числа - *p* совпали в -*t*., например, *mānāt* 'ты идешь' - *mānnat* 'мы идем'⁵. В данных случаях мы также можем говорить о грамматических чередованиях с тем лишь отличием, что причины перехода их в разряд грамматических еще существуют. Падежные и личносчисловые окончания присутствуют здесь чисто формально. В бабинском диалекте внутриосновные чередования согласных и гласных, взявшие на себя грамматические функции при наличии единых суффиксов, различают следующие грамматические значения: эссива и комитатива единственного числа; 1 л.ед. и мн. числа имперфекта изъявительного наклонения.

С помощью грамматических чередований в последнем диалекте различаются, таким образом, четыре пары грамматических значений: номинатив ед.числа - номинатив мн.числа (ген.-акк. ед.ч.), 1 л. ед.числа - 1 л. мн.числа имперфекта изъявительного наклонения, эссив - комитатив ед.числа, 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения - 2 л. ед.числа повелительного наклонения. Далее проследим, какие чередования согласных и гласных фонем берут на себя функцию различения указанных форм имени и глагола.

1. Квантитативные чередования согласных и гласных.Сильной ступени (*xx, x̄u*) предшествует краткий гласный, слабой (*x, x̄u, xz*) - долгий. Данный тип чередований подразделяется на следующие подтипы:

а) квантитативные чередования одинаковых по качеству согласных, т.е. *xx ~ x*; *hāq̄* 'кося' - *hāq̄* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), *jīl̄l̄n* (эсс.) - *jīl̄n* (ком.ед.ч.) от *jīl̄* 'голос', *pōr̄r* 'он ест' - *pōr̄* 'ешь', *kūj̄ddīm* 'я оставил' - *kūj̄dīm* 'мы оставили';

⁵ K o r h o n e n M. Lapin kielen vartalonisäisten äännevaihtelujen morfoloogisesta funktiosta. Vir., 4, 1967, с. 355.

б) квантитативные чередования сочетаний согласных, происходящие по схеме $\dot{x}u \sim xu$: $\dot{n}a\dot{i}m$ 'рот' - $\dot{n}e\dot{i}m$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{s}u\dot{a}fvin$ эсс. - $\dot{s}ua\dot{f}vin$ ком.ед.ч. от $\dot{s}u\dot{a}f\dot{v}$ 'рог', $\dot{f}o\dot{s}k$ 'он снимает' - $\dot{f}o\dot{s}k$ 'сними', $\dot{n}a\dot{s}kim$ 'я мездрил' - $\dot{n}a\dot{s}kim$ 'мы мездрили';

в) чередования сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по квантитету, второй - по глухости-звонкости, т.е. $\dot{x}u \sim xz$: $\dot{a}lt$ 'важенка' - $\dot{a}ld$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{m}a\dot{j}tin$ эсс. - $\dot{m}a\dot{j}din$ ком.ед.ч. от $\dot{m}a\dot{j}t$ 'молоко', $\dot{h}o\dot{s}k$ 'он свистит' - $\dot{h}o\dot{s}g$ 'свистеть', $\dot{j}u\dot{r}tin$ 'я думал' - $\dot{j}u\dot{r}din$ 'мы думали'.

2. Чередования согласных по глухости-звонкости. Глухому корреляту предшествует краткий гласный, звонкому - долгий: $k\dot{i}nk$ 'кукушка' - $k\dot{i}g$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $i\dot{n}kin$ эсс. - $i\dot{g}in$ ком.ед.ч. от $i\dot{n}k$ 'год', $\dot{n}a\dot{n}k$ 'он подкрадывается' - $\dot{n}ag$ 'подкрадись', $\dot{r}u\dot{i}ttim$ 'я пришел' - $\dot{r}u\dot{i}dim$ 'мы пришли'.

3. Приведенные выше типы чередований часто сопровождаются не квантитативными, а квалитативными чередованиями гласных: $\dot{r}u\dot{a}la$ 'пуговица' - $\dot{r}uol$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{v}i\dot{e}f\dot{v}$ 'плавник' - $\dot{v}ia\dot{s}v$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{r}e\dot{a}lt$ 'поле' - $\dot{r}ie\dot{a}d$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{a}ik\dot{i}n$ эсс. - $\dot{a}igin$ ком.ед.ч. от $\dot{a}ik$ 'сын', $\dot{s}u\dot{a}fvin$ эсс. - $\dot{s}ua\dot{f}vin$ ком.ед.ч. от $\dot{s}u\dot{a}f\dot{v}$ 'сушняк', $\dot{m}i\dot{n}nim$ 'я ушел' - $\dot{m}e\dot{n}im$ 'мы ушли', $\dot{n}u\dot{h}kim$ 'я укачал' - $\dot{n}ua\dot{g}im$ 'мы укачали', $\dot{k}u\dot{l}$ 'он слышит' - $\dot{k}ol$ 'слушай', $\dot{k}a\dot{n}s$ 'он ест' - $\dot{k}in\dot{z}$ 'ешь', $\dot{k}u\dot{a}fs$ 'он хранит' - $\dot{k}u\dot{o}ra$ 'храни'.

4. Посредством квантитативных чередований гласных различаются формы номинатива единственного и множественного числа (ген.-акк.ед.ч.) некоторых существительных, а также формы I л. ед. и мн. числа имперфекта изъявительного наклонения производных глаголов: $\dot{r}e\dot{s}s$ 'ружье' - $\dot{r}e\dot{s}s$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{v}u\dot{s}a$ 'кожаный мешочек' - $\dot{v}u\dot{s}a$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{k}o\dot{s}a$ 'коса' - $\dot{k}o\dot{s}a$ (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), $\dot{k}o\dot{m}a\dot{r}d\dot{i}m$ 'я поклонился' - $\dot{k}o\dot{m}a\dot{r}d\dot{i}m$ 'мы поклонились', $\dot{v}u\dot{a}g\dot{i}m$ 'я послал' - $\dot{v}u\dot{a}g\dot{i}m$ 'мы послали', $\dot{s}i\dot{u}k\dot{i}m$ 'я поцеловал' - $\dot{s}i\dot{u}k\dot{i}m$ 'мы поцеловали', $\dot{k}u\dot{o}d\dot{i}m$ 'я остался' - $\dot{k}u\dot{o}d\dot{i}m$ 'мы остались'.

5. Рефлексивные глаголы различают формы 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения и 2 л. ед. числа повелительного наклонения посредством чередования аусляутных согласных по глухости-звонкости, которые сопровождаются качественными чередованиями предшествующих им гласных: *jaũsat* 'он разденется' - *jaũsed* 'разденься', *kuarkaht* 'он хвастается' - *kuarked* 'хвастайся', *paĩtaht* 'он женится' - *paĩtled* 'женись', *luoĩtalht* 'он спустится' - *luoĩted* 'спустись';

6. В разграничении указанных форм глагола принимают участие чередования согласных по признаку палатализованности непалатализованности тогда, когда указанные выше чередования оказываются недостаточными для четкого противопоставления форм слова. В этих случаях мягкий или полумягкий коррелят маркирует формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения. Таковыми чередованиями являются:

а) *xh ~ x̣h*, *x' : jaalla* 'он живет' - *jaĩ* 'живи', *maalla* 'он уходит' - *maĩ* 'уйди', *vũãdd* 'он спит' - *vũad* 'спи';

б) *xh ~ x̣h*, *x'x' : kaalla* 'он бредет' - *kaĩĩ* 'бреди', *poãa* 'он дуется' - *poãã* 'дуй', *paãna* 'он прядет' - *paĩn* 'приди';

в) *xu ~ x̣z*, *x'z : joũt* 'он думает' - *joũ* 'думай', *moũt* 'он ломает' - *moũ* 'ломай', *vaũt* 'он берет' - *vaĩ* 'возьми', *kũũt* 'он несет' - *kũon* 'неси';

г) *y ~ ẽ*, *z' : p̣ĩẽnk* 'он ползет' - *p̣ĩẽg* 'ползи', *saĩk* 'он толкнет' - *saĩg* 'толкни', *p̣ũũt* 'он придет' - *p̣ũad* 'приди';

д) чередования аусляутных согласных по твердости-мягкости, которые сопровождаются качественными чередованиями предшествующих им гласных. Чередования происходят в сфере фреквентативных глаголов: *suũkaal* 'он целует' - *suũkeĩ* 'целуй', *ĩãkkaal* 'он стреляет' - *ĩãkkeĩ* 'стреляй', *poũn'ãa* 'он повернет' - *poũnĩĩ* 'поверни';

е) качественные чередования гласных второго слога: *vũãã* 'он выберет' - *vaũĩã* 'выбери', *noũtaã* 'он отталкивает' - *noũtĩã* 'оттолкни', *ãraest* 'он останавливает' - *ãraest* 'останови', *koũãest* 'он подвесит' - *koũĩist* 'подвесь', *joũĩãd* 'он разговаривает' - *joũãed* 'разговаривай';

ж) чередования гласных второго слога с нулем звука: *svĩããã* 'он бросает' - *svĩãn* 'брось', *ĩãããat* 'он показывает' -

šovjst 'покажи', pša:st 'он поднимает' – pša:st 'подними'.

Морфонологические чередования согласных и гласных фонем

В отличие от морфонологических чередований, которые самостоятелно выражают грамматические значения, в кольско-саамских диалектах широко распространены чередования согласных и гласных фонем в основе слова при присоединении к ней грамматических флексий. Эти чередования являются в известной степени избыточными, но обязательными при образовании тех или иных форм слова.

Исследованием чередований фонем в корневой морфеме при присоединении к ней грамматического аффикса занимается морфонология, создателем которой является Н.С.Трубецкой⁶. Полная морфонологическая теория, по его мнению, состоит из следующих разделов: 1) теории фонологической структуры морфем; 2) теории комбинаторных звуковых изменений, которые подвергаются отдельные морфемы в морфемных сочетаниях; 3) теории звуковых чередований, выполняющих морфонологическую функцию⁷.

Если первый пункт теории Н.С.Трубецкого не вызывал у лингвистов сомнений, то второй и третий подвергались критике, поскольку комбинаторные звуковые модификации, с одной стороны, и чередования, выполняющие морфонологическую роль, – с другой, имеют принципиально различный характер⁸.

Наиболее приемлемой, на наш взгляд, является точка зрения, в соответствии с которой в ведении морфонологии находятся все случаи значащего варьирования фонем в морфемах, когда само варьирование выступает в качестве средства передачи той или иной информации (о типе основы, о флексиях, могущих следовать за данным морфем, направлении словообразовательных процессов и т.д.)⁹.

⁶ Т р у б е ц к о й Н.С. Некоторые соображения относительно морфонологии. – В кн.: Пражский лингвистический кружок. М., 1967, с.115–118.

⁷ Там же, с.116–117.

⁸ Б у л г и н а Т.В. Пражская лингвистическая школа. – В кн.: Основные направления структурализма. М., 1964, с.81.

⁹ М а к а е в Э.А., К у б р я к о в а Е.С. О статусе

В лингвистике существуют разные мнения относительно места морфологии в описании языка. Многие представители трансформационного анализа определяют морфологию как трансформационную фонологию¹⁰. Отдельные лингвисты придерживаются мнения, по которому как грамматические, так и морфологические чередования, несмотря на их принципиальное различие, должны изучаться в морфологии¹¹. И, наконец, морфология понимается в качестве своеобразного мостика между фонологией и морфологией¹². На наш взгляд, трактовка морфологии в качестве небазисного уровня представляется наиболее приемлемой, поскольку в этом случае учитывается известная двуплановость морфологии и предусматривается ограниченность подхода к морфологическим явлениям: или только "снизу" от фонемы, или только "сверху" от слова¹³. Небазисный уровень морфологии предполагает ее относительную самостоятельность. Морфология самостоятельна в том смысле, что она имеет особую область исследования и занимается изучением вполне определенного объекта: чередующихся фонем, объединенных в морфологические ряды. В связи с признанием морфологии в качестве отдельной дисциплины представители Пражского лингвистического кружка выдвинули особую единицу морфологического анализа – морфону, представляющую собой "фонему в семасиолого-морфологической функции" или "комплексный образ

морфологии и единицах ее описания. – В кн.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1987, с.90.

¹⁰ А р у т ю н о в а Н.Д., К л и м о в Г.А., К у б р я к о в а Е.С. Американский структурализм. – В кн.: Основные направления... с.231.

¹¹ П а л о в М.В. О грамматической форме. – Учен. зап. МГУ им. В.П.Потемкина, 1959, 73, вып.6, с.12.

¹² Т р у б е ц к о й Н.С. Некоторые соображения... с.116

Р е ф о р м а т с к и й А.А. О соотношении фонетики и грамматики (морфологии). – В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с.100.

¹³ М а к а е в Э.А., К у б р я к о в а Е.С. О статусе морфологии... с.100.

двух или более фонем"¹⁴. Впоследствии, однако, плодотворность введения этого термина вызвала сомнение и подвергалась критике¹⁵. Наиболее веским доводом против "морфофем" является то, что она не только не способствует более адекватному описанию языка, а, напротив, усложняет его.

Следует отметить, что вопросы морфонологии, а также описания системы морфонологических чередований в структуре словозменения разрабатываются в советской лингвистике прежде всего на материале русского литературного языка¹⁶. На материале финно-угорских языков проблемы морфонологии разработаны слабо. Интерес к ним у советских финно-угроведов наблюдается лишь в последнее время¹⁷. Неразработанность морфонологии финно-угорских языков объясняется отчасти их типологическими особенностями. Уместно здесь напомнить слова Н.С. Трубецкого: "Морфонология, как связующее звено между морфологией и фонологией должна занять принадлежащее ей по праву

¹⁴ Реформатский А.А. О соотношении фонетики..., с.96-102.

¹⁵ Ахманова О.С. Фонология, морфонология, морфология. М., 1966, с.53 (прим.1).

¹⁶ Помимо уже упоминавшихся работ, см. также: Яко-венко Н.П. Чередования звуков в современном русском языке, их морфологическая роль и соотношение в орфоэпии и орфографии: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Киев, 1954; Десницкая А.В. Некоторые вопросы морфонологии. - В кн.: Историко-филологические исследования. М., 1967; Попова Т.В. О предмете морфонологии, иерархии анализа и единицах описания морфонологической структуры языка. - Сов. славяноведение, 1972, № 2; Чурганова В.Г. К морфонологии русского глагола. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1970, т.29, вып.2; Ильина Н.Е. Морфонологические чередования в глаголах современного русского языка: Дис. ...канд. филол. наук. М., 1972; Булыгина Т.В. Проблемы теории и практики морфонологического описания. - Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1972, т.34, № 4, и др.

¹⁷ Хинт М. Основные фонологические и морфонологические проблемы акцентуационной системы эстонского языка: Автореф. дис. ...канд. филол. наук. Таллин, 1971; Цыганкина Д.В. Морфонологические особенности диалектного словозменения. - В кн.: Вопросы морфологии эзянского и мокшанского диалектов. Саранск, 1977; Зацепев Н.Г. О некоторых морфонологических явлениях в структуре вепсского слова. - In: Symposiumi-77: Eaitelmien ja tiedonantojen tiivistelmät. Helsinki, 1977.

достойное место в грамматике, подчеркивал, — в любой грамматике, а не только в грамматиках семитских или индоевропейских языков. Только такие языки, которые не имеют морфологии в собственном смысле этого слова, могут обойтись также и без морфологии"¹⁸. Особенно актуально это положение для прибалтийско-финских языков, в современном состоянии которых грамматическое значение наряду с агглютинацией активно выражается разного рода внутрисловными чередованиями согласных и гласных. Для выяснения функциональной роли этих чередований нужны специальные исследования по морфологии этих языков. Необходимость таких исследований особенно актуальна для финно-угорских языков, характеризующихся большой вариативностью морфем. К таким языкам, вне всякого сомнения, относится и саамский, в частности его кольско-саамские диалекты, поскольку в них практически нет слов, в парадигме которых основы оставались бы без изменения.

Описание морфологии начинается с установления традиционных чередований фонем, выявляющихся из сопоставления альтернирующих морфем, т.е. с установления морфологических рядов. Определение морфологических средств подчинено в таком случае морфологическим целям, в данной работе — различению форм словоизменения. Отметим, что морфологические чередования в кольско-саамских диалектах ранее специально не исследовались. В работе А.Г.Эндюковского¹⁹ приводятся ряды чередующихся фонем, однако вопрос о грамматической соотнесенности коррелятов чередований не рассматривается. В монографии Г.М.Керта все чередования, независимо от того, происходят ли они в основе слова или являются собственно грамматическими, анализируются в разделе "Морфология"²⁰. Не акцентировалось внимание также на закреплённости альтернатив чередований за алломорфами, в которых они выступают. Выяснению этих вопросов будет посвящён специальный раздел.

¹⁸ Т р у б е ц к и й Н.С. Некоторые соображения..., с.116.

¹⁹ Э н д ю к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык., с.132-136.

²⁰ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.83-102.

В бабинском диалекте саамского языка, как отмечалось ранее, морфологические чередования являются более распространенными чем морфологические. Если с помощью последних различаются четыре пары грамматических значений, то морфологические чередования пронизывают всю грамматическую структуру. Не зная морфологических чередований и условий их соотносительности с алломорфами, невозможно правильно построить ту или иную форму слова, тем более, что мотивировка чередований скрыта в истории языка. Проанализируем далее морфологические чередования согласных и гласных фонем.

1. В именном и глагольном словоизменении последующего диалекта выявляется довольно значительная группа слов, при изменении которых в основе происходят количественные и качественные чередования согласных по глухости-звонкости, им сопутствуют количественные или качественные чередования гласных. Такими чередованиями согласных являются: $ht \sim ht \sim d$, $hk \sim hk \sim g$, $hr \sim hr \sim b, v$, $h\ddot{s} \sim h\ddot{s} \sim \ddot{z}$, $h\ddot{o} \sim h\ddot{o} \sim \ddot{z}$, $\ddot{y} \sim \ddot{y} \sim \ddot{z}$, $az \sim az \sim i$.

Сильная геминированная ступень закрепляется за формами паритива, датива-иллатива единственного числа, эссива, имплицитива, 1 л.мн.числа презенса, 1 л.ед. и 3 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения. Единичный глухой коррелят представлен в основах номинатива единственного числа существительных, 3 л.ед. и 2 л.мн. числа презенса изъявительного наклонения, 2 л.мн.числа повелительного наклонения глаголов. Звонкий коррелят чередования закреплён за формами генитива-аккузатива, локатива, комитатива и абессива единственного числа, а также за всеми формами множественного числа существительных; за формами 1 и 2 л.ед.числа, 3 л.мн.числа презенса, 3 л.ед.числа, 1 и 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения, 2 л.ед.числа повелительного наклонения, за всеми формами сослагательного наклонения. В качестве примера приведем склонение существительных $kint$ 'руки'.

21 Тернарные альтернативы шелевых согласных наблюдаются только в именном словоизменении. В глагольном же они чередуются по схеме $az \sim az$, $az \sim az$.

pīēñs 'сосна', а также спряжение глаголов viñkē 'вести',
kañsē 'спросить':

	Ед. число	Мн. число
Ном.	kiñt, pīēñs	kīd, piāž
Ген.-акк.	kīd, piāž	kīdī, piāži
Парт.	kiñtti, pīēñssi	
Эсс.	kiñttin, pīēñssin	
Дат.-вл.	kiñtta, pīēñssa	kīdī, piāži
Лок.	kīdīst, piāžīst	kīdin, piāžin
Ком.	kīdin, piāžin	kīdiguim, piāžiguim
Аб.	kīdta, piāžta	kīdita, piāžita

Изъявительное наклонение

Презенс

	Ед. число	Мн. число
1 л.	kēžam, vēgam	kañsēr, viñkēr
2 л.	kēžak, vēgak	kañsēr'p'e, viñkēr'p'e
3 л.	kañs, vēhk	kēžat, vēgat

Имперфект

1 л.	kiñs̄sim, viñk̄kim	kīžim, vīgim
2 л.	kiñs̄sik, viñk̄kik	kīžit, vīgīt
3 л.	kīžī, vīgī	kiñs̄sīs, viñk̄kīs

Повелительное наклонение

2 л.	kež, vīg	kiñs̄ikki, viñk̄kī
------	----------	--------------------

Сослагательное наклонение

1 л.	kīžs̄im, vīḡsim	kīžs̄ip, vīḡsip
2 л.	kīžs̄ik, vīḡsik	kīžs̄er'p'e, vīḡs̄er'p'e
3 л.	kīžs̄i, vīḡsi	kīžs̄at, vīḡsat

2. В сабинском диалекте широко распространены внутриосновные чередования согласных и сочетаний согласных. К ним относятся:

а) чередования глухих и звонких взрывных, аффрикат, шелевых и сонантов: hkk~hk, htt~ht, hpp~(h)p, gg~g, dd~d, h̄s̄s̄~h̄s̄, h̄s̄s̄s̄~h̄s̄, ss̄~s̄, žž~ž, zz~z, jj~j, vv~v, ll~l, tt̄~t̄, nn̄~n̄, qq̄~q̄, rr̄~r̄;

- б) количественные чередования сочетаний двух различных по качеству согласных, т.е. $\bar{x}y \sim xy$;
 в) чередования сочетаний двух согласных, первый компонент которых чередуется по долготе, второй — по глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}y \sim xy$;
 г) значительное распространение имеют внутрисловные чередования, распространяющиеся на целые согласные. Сильная ступень представлена глухим геминированным коррелятом, слабая — звонким, т.е. $zz \sim z\bar{z}$, $\bar{z}z \sim z\bar{z}$.

В названных количественных чередованиях сильная ступень закрепляется за формами номинатива, партитива, эссива и дательного-иллатива единственного числа, инфинитива, 3 л. ед. и 1, 2 л. мн. числа презенса, 1, 2 л. ед. и 3 л. мн. числа имперфекта изъявительного наклонения, 2 л. мн. числа повелительного наклонения, в формах причастия и герундия. Слабая ступень представлена в остальных формах имени и глагола. Приведем для примера склонение существительных толм 'оронь', tuiv 'разлив', айт 'вазетка' и спряжение глаголов kodde 'вязать', hiikka 'свистеть', ieššä 'лежать'.

	Ед. число	Мн. число
Ном.	толм, tuiv, айт	tōl, tūiv, āld
Ген.-акк.	tōl, tūiv, āld	tōli, tūivi, āldi
Парт.	толi, tūivi, ālti	
Эсс.	толin', tūivin', āltin'	
Дат.-илл.	толма, tuivа, айтa	tōli, tūivi, āldi
Лок.	tōlist, tūivist, āldist	tōlin, tūivin, āldin
Ком.	tōlin', tūivin', āldin'	tōliguim, tūiviguim, āldiguim
Аб.	tōlta, tūivta, āldta	tōlita, tūivita, āldite

Изъявительное наклонение

Презенс

	Ед. число	Мн. число
1 л.	kōdam, nōrgan, ieššam	kodder', nōrkar', ieššer'
2 л.	kōdak, nōrgak, ieššak	kodder'p'e, nōrkvet't'e, ieššvet'te
3 л.	kodd, nōrk, iešš	kōd'at', nōrgat', ieššat'

Имперфект

- 1 л. koddim, nũrkim, leššim kōdim, nōrgim, ležžim
 2 л. koddik, nũrkik, leššik kōdit, nōrgit, ležžit
 3 л. kōdi, nōrgi, ležži koddis, nũrkis, leššis

Повелительное наклонение

- 2 л. kōd, nōrg, ležž koddikki, nũrkikki, lešši

Сослагательное наклонение

- 1 л. kōdšim, nōrgšim, ležžšim kōdšip, nōrgšip, ležžšip
 2 л. kōdšik, nōrgšik, ležžšik kōdšip'p'e, nōrgšip'p'e, ležžšip'p'e
 3 л. kōdši, nōrgši, ležžši kōdšat, nōrgšat, ležžšat

Причастие

Герундий

- koddmiš, nũrkmiš, leššmiš koddmen, nũrkmen, leššmen

3. В разграничения основ слова участвуют также чередования согласных по твердости-мягкости, но не так активно, как, например, в кильдинском диалекте, где они охватывают всю грамматическую структуру²². Морфологические чередования согласных по признаку палатализованности-непалатализованности происходят, как правило, когда чередования по количеству и глухости-звонкости оказываются недостаточными для четкого разграничения основ слова. Посредством данного типа чередований разграничиваются основы следующих форм слова:

а) в именном словоизменении датив-иллатив единственного числа маркируется твердыми согласными, если в исходных формах представлены мягкие (полумягкие) согласные или сочетания согласных. Морфологические чередования с обратным направлением встречаются значительно реже: kũšĩĩ 'рыба' - kũšĩĩ (дат.-илл.ед.ч.), ēvũ - avva 'пояс', vũšĩĩ - vũšĩĩ 'постояще', ēik - aĩka 'сын', šaĩĩ - šaĩĩ 'дител', jaĩĩ - jaĩĩ 'озеро', pĩĩš - pĩĩšša 'сосна', šĩĩ - šaĩĩ 'глаз';

б) в глагольном словоизменении выделяется группа глаголов, имеющих в инфинитиве сочетание согласных с первым палатализованным элементом; могут быть палатализованными оба согласных. В формах единственного числа презенса изъявитель-

ного наклонения, а также в формах сослагательного наклонения оба согласных являются твердыми: *śeŋke* 'сказать' - *śeŋdak* 'ты скажешь' - *śalgŋim* 'я сказал бы', *tuŋte* 'сметь' - *tuostam* 'я посмею' - *tuostŋim* 'я посмею бы', *vuŋke* 'пойти' - *vũŋk* 'он пойдет' - *vuolŋŋi* 'он пошел бы', *aŋke* 'начать' - *āŋgam* 'я начну' - *algŋim* 'я начал бы', *kũŋke* 'тонуть' - *kaŋsk* 'он тонет' - *kũŋŋim* 'я утонул бы'.

4. Морфологические чередования гласных распространены не в такой степени, как чередования согласных. В грамматиках по саамскому языку обычно выявляются наиболее типичные чередования качественно различных гласных первого слога. В исследуемом диалекте к ним относятся:

а) в порядке следования нижеприведенные корреляты чередований закрепляются соответственно за глагольными формами I, 2 и 3 л. ед. числа презенса, I и 2 л. ед. числа имперфекта изъявительного наклонения:

ε~a~i: *mēnam* 'я уйду' - *maŋa* 'он уйдет' - *minŋim* 'я ушел', *ēŋtam* 'я догоню' - *aēt* 'он догонит' - *iŋŋim* 'я догнал', *śeŋsam* 'я крашу' - *śaŋs* 'он красит' - *śiŋŋŋim* 'я красил', *rēlam* 'я боюсь' - *raŋa* 'он боялся' - *riŋŋim* 'я боялся', *śeŋkam* 'я скажу' - *śaŋk* 'он скажет' - *śiŋŋim* 'я сказал';

ua~uo~u,ui: *vuadam* 'я сплю' - *vũŋdd* 'он спит' - *vuŋddim* 'я спал', *vuardam* 'я жду' - *vũŋŋt* 'он ждет' - *vuŋŋim* 'я ждал', *pualam* 'я пришиваю' - *pũŋla* 'он пришивает' - *pũllim* 'я пришивал', *kuaram* 'я шью' - *kũŋŋt* 'он шьет' - *kuŋŋim* 'он шил';

б) правый альтернант нижеследующих чередований выделяет формы 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения:

ε~a: *ŋemnam* 'я заряжаю' - *ŋem* 'он заряжает', *śeŋkam* 'я рублю' - *śaŋk* 'он рубит', *vēŋam* 'я крою' - *vajj* 'он кроит', *kēŋŋam* 'я ем' - *kaŋs* 'он ест', *reŋŋelam* 'я путаю' - *reŋŋala* 'он путает', *kēŋkat* 'они высекают огонь' - *kaŋk* 'он высекает';

u~o,uo: *tuŋŋam* 'я чиню белье' - *toŋk* 'он чинит', *rũŋkam* 'я хороню' - *rũŋŋk* 'он хоронит', *riŋŋak* 'ты болеешь' - *roŋs* 'он болен', *ũŋŋam* 'я боюсь' - *oŋŋ* 'он боится', *kũŋak* 'ты слышишь' - *kaŋa* 'он слышит', *śũŋat* 'они рубят' - *śũŋŋr*

'он рубит';

i ~ ie: vīdam 'я несу' - vīēnk 'он несет', pīlam 'я глотаю' - pīēll 'он глотает', vīzzam 'я устану' - vīēss 'он устанет', sīrat 'они играют' - sīērr 'он играет', tīzzam 'я обматываю' - tīēss 'он обматывает', pīnam 'ты сосеешь' - pīēnn 'он сосет';

ie ~ ia: siēndak 'ты сердился' - siānt 'он сердится', tiēdam 'я давяю' - tiānt 'он давит', mīetam 'я мечу сено' - mīēht 'он мечет', viēktat 'они помогут' - viākt 'он поможет', siēkat 'они рубят' - siānk 'он рубит';

в) следующие корреляты морфологических чередований гласных способствуют дифференциации форм презенса и имперфекта изъявительного наклонения. Правый альтернант чередования закрепляется за имперфектом:

a, ē, o, ie ~ i, ī: sākam 'я скажу' - siīkim 'я сказал', rāje 'я положу' - piījim 'я положили', ēštak 'ты сидишь' - iātik 'ты сидел', kēhtak 'ты варишь' - kihttim 'я варил', bōht 'он летит' - tiīdi 'он летел', lōutam 'я вдену нитку' - lihttim 'я вдел', tiēdam 'я знаю' - tihttim 'я знал', rēlam 'я боюсь' - piīim 'я боялся'.

o ~ u: hōrgam 'я свистну' - hiīkim 'я свистел', mōštak 'ты помнишь' - miītik 'ты помнил', ondam 'я дам' - uītim 'я дал', sōccam 'я соберу' - siīckim 'я собрал', rola 'он горит' - riīi 'он горел';

ā ~ a: rānk '(олень) хоркает' - rēgi '(олень) хоркал', rānam 'я пряжу' - rēni 'я прядл';

г) в именном словоизменении рассматриваемые ниже корреляты чередований содействуют различению падежно-числовых форм. Приведем наиболее типичные из них:

ua ~ uo, ua ~ u. Первый альтернант закрепляется за формами номинатива, генитива-аккузатива единственного числа, парятива, второй - за формами датива-иллатива, локатива и абессива единственного числа, третий - за падежными формами множественного числа:

šūšā 'рог' - šūšva (лат.-или.ед.ч.) - šūvita (аб.ед.ч.), šūšim 'пролив' - šuoimist (лок.ед.ч.) - šūlmita (аб.мн.ч.), vūšān 'налим' - vuašita (аб.ед.ч.) - vūšni (ген.-

акк.мн.ч.), jüēŋk 'нога' - jüōŋka (дат.-илл.ед.ч.) - jüēŋi (ген.-акк.мн.ч.), küēŋi 'рыба' - küāŋa (дат.-илл.ед.ч.) - küēŋin (лок.мн.ч.).

э, i, i, ie ~ а. Правильный альтернант наиболее регулярно маркирует формы датива-иллатива единственного числа. В отдельных случаях он начинает обобщаться и в других косвенных падежах. Левый альтернант представлен в исходной форме и в отдельных косвенных падежах:

aiŋk 'сын' - aiŋka (дат.-илл.ед.ч.), teiŋk 'гора' - teiŋka (дат.-илл.ед.ч.), ōiŋk 'глаз' - ōaiŋka (дат.-илл.ед.ч.), ōiŋŋi 'гнида' - ōaiŋŋa (дат.-илл.ед.ч.), kiŋk 'ноготь' - kaiŋka (дат.-илл.ед.ч.), kiēŋŋeŋ 'керека' - kaiŋŋa (дат.-илл.ед.ч.), jieŋeŋ 'припасы' - jaŋŋa (дат.-илл.ед.ч.).

ie ~ iə. Чередование имеет разнонаправленный характер. Альтернанты чередований способствуют противопоставлению форм номинатива и датива-иллатива единственного числа (в отдельных случаях также и косвенных падежей):

piēŋk 'бнок' - piāŋka (дат.-илл.ед.ч.), viēŋv 'плавник' - viāŋva (дат.-илл.ед.ч.), piēŋō 'сосна' - piəŋi (ген.-акк.ед.ч.), piēŋt 'куница' - piəŋ'ta (аб.ед.ч.), piēŋk 'голод' - piāŋka (дат.-илл.ед.ч.), siēŋk 'спина' - siāŋka (дат.-илл.ед.ч.).

ua ~ uo ~ u. Данный тип чередований имеет разнонаправленный характер. Альтернанты чередований помогают дифференциации форм номинатива и косвенных падежей, за исключением датива-иллатива единственного числа, в которых представлен тот же альтернант, что и в номинативе единственного числа: ōiŋŋi 'наст' - ōiŋŋiŋt (лок.ед.ч.), ōuag 'муха' - ōuŋŋi (ген.-акк.ед.ч.), luovaz 'свободный олень' - luovŋŋiŋŋi (парт.), vuondŋŋiŋt лок.ед.ч. от viŋ'd 'сосновый корень', viŋt 'волос' - vuorŋŋiŋŋiŋt (лок.ед.ч.), tuŋr 'морда' - tuorŋŋiŋŋiŋt (аб.ед.ч.).

o ~ u, a. Данный тип морфологических чередований имеет незначительную распространенность и происходит в парадигме личных местоимений и прилагательных. Чередования способствуют противопоставлению форм номинатива и косвенных падежей у личных местоимений, а также форм положительной степени, с одной стороны, и сравнительной и превосходной

степени прилагательных — с другой:

попн 'я' - мѣ (ген.-акк.ед.ч.) - муѣт' (лок.ед.ч.) - муѣ
н'е (дат.-инст.ед.ч.) - мѣта (аб.ед.ч.), попн 'большой'
- јан'ар 'больше' - јан'муѣ 'самый большой', усѣ 'малень-
кий' - осамѣ 'меньше' - осмуѣ 'самый маленький'.

у ~ ø. Широко распространенные морфологические чередования гласного с нулем звука происходят во втором слоге двусложных слов. При помощи этих чередований противопоставляются основы номинатива и косвенных падежей существительных, а также основы позитива основам компаратива и суперлатива прилагательных:

kaifeš 'старик' - kalsist (лок.ед.ч.), kiērrēš 'кережа' -
kiāzēa (дат.-млн.ед.ч.), kūakas 'вереск' - kūkskšī (ген.-
аук.млн.ч.), kūndas 'порог' - kūntsist (лок.ед.ч.), pōrgas
'парус' - pōrgaata (аб.ед.ч.), jōrbas 'круглый' - jōrbse-
mus 'самый круглый', ūsūkeš 'сырой' - ūsūksar 'сырее' -
ūsūksamus 'самый сырой', vujkiš 'прямой' - vujksar 'пря-
мее' - vujksamus 'самый прямой', lahtēš 'пологий' - laht-
sar 'положе' - lahtsamus 'самый пологий'.

Завершая анализ морфологических и морфонологических чередований следует отметить, что в различении форм и основ слова принимают участие, как правило, два и более альтерпанта чередования, что способствует наиболее четкому противопоставлению форм и основ слова. Чередования связывают и предсказывают грамматические значения. Зная правила чередований согласных и гласных и их грамматическую соотнесенность по исходной форме можно строить остальные формы слова.

ГЛАВА III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА

К проблеме грамматической категории

Выделение грамматических категорий слова в качестве специального предмета исследования предполагает обязательное разграничение форм словоизменения и словообразования. Словоизменение охватывает те случаи, когда лексическое значение слова остается неизменным, а реляционные значения меняются. Грамматическая категория словоизменительной системы соотносится со словоформой и вне ее существовать не может. Грамматическая категория двумерна: план содержания представлен грамматическим значением, план выражения — системным набором взаимно противопоставленных словоформ (не менее двух) или парадигмой, объединенной значением этой категории¹.

Как отмечает А.А.Реформатский, обзор грамматических явлений удобнее начинать с грамматических способов, так как при грамматическом анализе всегда легче идти от способа выражения к выяснению значения. В последнем случае языку легко "примыслить" то, что не выражено в нем. Следуя первым путем, это легко избежать, так как обнаружить способ выражения того или иного грамматического значения не так уж сложно, а если налицо грамматический способ, то имеется и значение, которое он выражает².

Словоизменительная категория выявляется лишь в тех случаях, когда есть хотя бы два противопоставленных способа его выражения. Невозможно существование грамматической категории, реализующейся в одной форме. Так, грамматическая

¹ Г у х м а н М.М. Грамматическая категория и структура парадигм. — В кн.: Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. с.123-124.

² Р е ф о р м а т с к и й А.А. Введение в языковедение... с.263.

категория числа выделяется в саамском языке, потому что существует формально выраженное противопоставление единственного, двойственного и множественного числа.

Выделяя маркер той или иной словоформы, необходимо учитывать две оси: вертикальную и горизонтальную. В первом случае рассматривается система словоформ одного слова, причем постоянной величиной является лексическая основа слова, а переменной — система словозначительных маркеров, например, *siŋr* 'серебро' — *siŋb-i* (ген.-акк.ед.ч.) — *siŋr-a* (дат.-илл.ед.ч.) — *siŋb-ta* (аб.ед.ч.) — *siŋbi-st* (лок.ед.ч.). Во втором случае статус выделенных маркеров проверяется путем подстановки разных лексических единиц, так что постоянной величиной является маркер, а переменной — лексическая основа, например: *siŋbi-st*, *ŋini-st*, *ŋiŋdi-st* лок.ед.ч. от *siŋr* 'серебро', *ŋinn* 'голос', *ŋiŋt* 'нога'.

Грамматической категорией называют совокупность элементов языка, объединенную грамматическим значением при обязательном наличии выражения грамматического способа.

Техника выражения грамматических значений в разных языках различная. Грамматические значения в системе словозначения саамского языка выражаются следующими грамматическими способами:

1) агглютинацией, точнее суффиксацией:

raŋŋ 'злой' — *raŋŋa-p* 'злее' — *raŋŋa-miŋa* 'самый злой', *raŋŋa* 'шутка' — *raŋŋci-st* (лок.ед.ч.) — *raŋŋc-ta* (аб.ед.ч.) — *raŋŋc-a* (дат.-илл.ед.ч.), *riŋga-m* 'я ползу' — *riŋga-t* 'они ползут' — *riŋga-ŋ-im* 'я полз бы':

2) совмещением суффиксации с внутрисловными или морфологическими чередованиями согласных и гласных. Данный способ выражения грамматических значений является в кольско-саамских диалектах самым распространенным:

uŋa 'дверь' — *uŋsi-st* (лок.ед.ч.) — *uŋs-i* (ген.-акк.мн.ч.) — *uŋa-a* (дат.-илл.ед.ч.) — *uŋs-ta* (аб.ед.ч.), *raŋrpp-e* 'скрести' — *rāva-m* 'я скребу' — *raŋrppi-m* 'я скреб' — *rāv-ŋ-im* 'я скреб бы';

3) морфологическими или грамматическими чередованиями:

ŋan-n 'слово' — *ŋān* (том.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.), *vaŋtin* 'эсс.' — *vāstīn* 'ком.ед.ч. от *vaŋt* 'веник', *keŋm* 'он мерз-

нет' - kaĩm 'мерзны', uĩĩĩm 'я бежал' - ūĩĩĩm 'мы бежали';

4) способом аналитизма:

ĩam pũĩĩtĩĩĩ 'я пришел', ĵĩm ĩa pũĩĩĩĩ 'я не ел'.

Анализ грамматических категорий связан прежде всего с выявлением флексий, выражающих те или иные грамматические значения. В саамском, как и в других финно-угорских языках, флексии подразделяются на три группы³: а) окончания, к которым относятся падежные и лично-числовые окончания: pẽsa-ta 'без ружья', pãja-ĩ 'я кладу', koĩĩĩĩ-kki 'проснитесь'; б) показатели или признаки, к которым относится, например, признак множественного числа и имперфекта - i: halg-i-ta 'без поленьев', kũĩĩ-i-ĩ 'я связал'; в) притялательные или посессивные суффиксы: ĵaĩĩa-ĩ 'моя, наша мать', ĵuoiĩĩĩĩ-ĩ 'ногой своей', ĵĩĩĩ-ĩ-ta 'без него самого'.

Кроме названных типов флексий, в бабинском диалекте саамского языка выделяются так называемые "тематические гласные", которые не выражают грамматического значения, а являются связующим элементом между словом и флексией, например, zĩĩĩk 'спина' - zĩĩĩg-i-ĩt (лок.ед.ч.) - zĩĩĩg-i-n (лок.мн.ч.), ĵcĩĩ 'тетя' - ĵcĩĩa-ĩ 'моя, наша тетя'. Термин "тематические гласные" употребляется нами по аналогии с соответствующими гласными славянских языков, где они соединяют корень слова с каким-либо постфиксом⁴.

Именные и глагольные основы в бабинском диалекте

При исследовании грамматических категорий невозможно обойтись без анализа основ имени и глагола. Основой слова называют ту ее часть, которая остается, если отбросить окончание. Различают обычно лексическую основу, которая не включает в себя словоизменительных суффиксов (pũĩĩa-ĩ 'я приду'), и морфологическую, или словоизменительную, которая, напротив, включает в себя словоизменительные суффиксы (pũĩĩtĩĩ-ĩ 'я пришел', pũĩĩ-ĩ-ĩ 'я пришел бы'). При образовании тех или

³ I t k o n e n E. Kieli ja sen tutkimus..., s.251.

⁴ Реформатский А.А. Введение в языковедение..., с.266.

иных словоформ необходимо различать гласные основы, оканчивающиеся на гласный (piert⁵-st лок.ед.ч. от piŕt 'дом', vēga-ш 'я веду'), и согласные, оканчивающиеся на согласный (kuad⁶-ta 'без вежи', ruad-č-im 'я пришел бы'). В диалектах саамского языка типы гласных основ не являются единичными. В норвежско-саамском гласные основы оканчиваются на -ā, -a, -e, -ī, -o, -u⁵, в языке сонгельских саамов на -â, -a, -e, -i, -ǫ, -u⁶, в кильдинском диалекте на -a, -e, -o⁷, в бабинском на -a, -a, -e, -i, -o, -u. Существование шести типов гласных основ не означает, однако, того, что все они могут выступать в парадигме любой части речи. Так, при склонении существительных выявляются гласные основы на -i, -a, причем основы на -a встречаются только в абессиве, когда на стыке морфем необходимо избежать стечения трех неудобных для диалекта согласных: kēpēā 'место токования' - kēpza-ta (аб. ед.ч.). Во всех остальных случаях существительные имеют гласную основу на -i. В притяжательном склонении существительных а также при изменении прилагательных по степеням сравнения выявляются две гласные основы: основы на -a, -e. Основы на -a выступают в формах I и 2 л. ед. и мн. числа притяжательного склонения существительных и в формах компаратива прилагательных, например, eñā 'отец' - eñam 'мой, наш отец', kiēgaa 'твердый' - kiēgaa-p 'тверже'. Основы на -e появляются в формах 3 л. ед. и мн. числа притяжательного склонения существительных и в формах превосходной степени прилагательных, например, jūiŕk 'нога' - juiŕje-ā 'его нога', čuiŕiā 'громкий' - čuiŕe-maa 'самый громкий'. Основы на -o и -u выявляются лишь в формах местоимений: moŕa 'я' - mū (ген.-акк.ед.ч.) - mū-št⁷ (лок.ед.ч.) - mū-ta (аб.ед.ч.), ku 'который' - ko-p (ген.-акк.ед.ч.) - ko-z (дат.-илл.ед.ч.) - ko-št⁷ (лок.ед.ч.).

⁵ Lagercrantz E. Lapin kielen opas. - Hki, 1947, s. 1-2.

⁶ Korhonen M., Mosnikoff J., Sammalhti P. Koltansaamen opas..., s. 39-95.

⁷ Керт Г.М. Саамский язык..., с. 130-136, 175.

В глагольном словоизменении бабинского диалекта обнаруживаются гласные основы на -а, -а̃, -ε, -i. Основы на -i характеризуют формы имперфекта, остальные гласные основы выступают в презенсе: vuosta-m 'я покупаю' - vüēstε-p 'мы покупаем' - vuost'a-t 'они покупают' - vüēstī-m 'я купил' - vüestī-m 'мы купили' - vüēstī-š '(они) купили'. Отметим, что спряжение глаголов в кильдинском диалекте дает противопоставление двух гласных основ: основ презенса на -а и основ имперфекта на -ε⁸.

В словоизменении имени и глагола важно различие согласных основ. В бабинском диалекте эти основы могут оканчиваться на любой согласный, кроме х, х̃, һ, һ̃, ц. К согласной основе присоединяются следующие флексии: падежное окончание абессива единственного числа: sāj̃m-ta 'без сети'; признак суперлатива: kuss 'тухлый' - kuss-mia 'самый тухлый'; со-
слагательного наклонения - š: vuonj-šim 'я достал он'; причастий -mīnš, -mīnš, -jā, -jā, -ma и герундия -men: kešk-mjēš 'утопывший', moit-mjēš 'сломавший', šuip-ma 'рубящий', van's-men 'шагая'.

В зависимости от того, сильная или слабая ступень согласных представлена в основе слова (гласной или согласной), они подразделяются на сильные и слабые. В именном и глагольном словоизменении противопоставление сильных и слабых согласных основ имеет решающее значение, поскольку информация о форме слова часто заключается в самой основе, например, pūōht 'он придет' - puad 'приди'.

Помимо этого, основы (гласные и согласные) могут быть твердыми, если в них представлены твердые согласные, и мягкими, если соответствующие согласные или их корреляты являются мягкими (полумягкими): eīk 'сын' - alk-a (дат.-пл.ед. ч.) - ēīgi-st (лок.ед.ч.), vaite 'взять' - vālda-m 'я возмю' - vāiti-m 'я взял'.

Различие основ поддерживается еще квантитативными и квалитативными чередованиями гласных первого слога, чем достигается максимальная дифференциация основ слова и большое их разнообразие. Количество основ в парадигме одного слова, осо-

⁸ К е р т Г.М. Саямский язык..., с.134.

бенно глаголов, может достигать 7-8: *šūlm* 'узел' - *šūolm* (ном.мн.ч., ген.-акк.ед.ч.) - *šūlm-i* (ген.-акк.мн.ч.) - *šūlm-a* (дат.-илл.ед.ч.) - *šūlm-i-ta* (аб.мн.ч.), *kaffe* 'брео-ти' - *kāla-m* 'я бреду' - *kall* 'он бредет' - *kaffe-p* 'мы бредем' - *kaffi-m* 'я брел' - *kāfi-m* 'мы брали' - *kāfi* 'среди' - *kāl-š-im* 'я брел бы'. Такое разнообразие и четкая оформленность гласных и согласных основ вызваны тем, что в кольско-саамских диалектах грамматическое значение в значительной степени выражается внутрисловными чередованиями, т.е. разными типами основ слова. Это в свою очередь говорит о преобладании в этих диалектах внутренней флексии над агглютинацией⁹.

Грамматические категории имени

Словоизменительными грамматическими категориями имени являются категории падежа, числа, притяжательности и степени сравнения.

Категория падежа

Падеж - это форма имени, выражающая его отношение к другим словам в речи¹⁰. Чтобы установить, существует ли какой-либо падеж в языке, нужно прежде всего опираться на признак морфологического выражения, и только во вторую очередь, но в обязательном порядке, должна приниматься во внимание его синтаксическая функция¹¹. Исходя из этого в сабинском диалекте выявляются 8 падежей: номинатив, генитив-аккузатив, паритив, эссив, датив-иллатив, локатив, комитатив и абессив. В работе наряду с выявлением падежных формантов и образованием падежей будут рассматриваться и их значения.

⁹ К е р т Г.М. Именная и глагольная основы в кильдинском диалекте саамского языка. - В кн.: Вопросы финно-угорского языкознания. М.; Л., 1962, с.153.

¹⁰ В и н о г р а д о в В.В. Русский язык: (Грамматическое учение о слове). М., 1972, с.139.

¹¹ М а й т я н с к а я К.Е. К вопросу о категории падежа. - В кн.: Вопросы грамматического строя. М., 1955, с.230

он является падежно-числовым окончанием: *meŕŕ* 'мережа' - *meŕŕ-i* (ген.-акк.мн.ч.), *müŕht* 'лицо' - *muod-i* (ген.-акк.мн.ч.), *naŕk* 'наволоок' - *ŕärg-i* (ген.-акк.мн.ч.).

В прошлом генитив и аккузатив множественного числа имели формально различные падежные окончания: генитив *-i*: *o₁lgi* (ME, I24) 'сыновей', *tijji* (ME, I25) 'ваших'; аккузатив *-t, d¹²* *räpna₁t* (ME, I25) 'детей' *pejvid* (ME, I27) 'дней'. Впоследствии, когда падежное окончание аккузатива множественного числа исчезло, предшествовавший ему признак множественного числа *-i* стал падежно-числовым окончанием, и, таким образом, формы генитива и аккузатива множественного числа совпали. Отметим, что в настоящее время аккузатив и генитив множественного числа формально различаются в диалектах Кильдинском¹³ и Колтта¹⁴.

Существительные и местоимения в форме генитива-аккузатив употребляются с послелогам: *vuiŕer* *vuiŕiä* *roŕba* *älä* 'мы пойдем прямо на медведя', *soŕn* *ruidi* *mü* *garra* 'он пришел ко мне', *soŕn* *kuad* *el* *kuoŕni* 'он на веку взобрался'; с числительными от двух до шести включительно: *küŕht* *aiŕ* 'два сына', *koŕm* *kuai* 'три рыбы', *ŕei* *säl* 'четыре острова'; в качестве падежа объекта, соответствующего аккузативу и паритиву прибалтийско-финских языков: *moŕn* *vuiŕinnim* *hied* 'я видел девушку', *jaŕnnaŕ* *ŕŕŕam* *vuiŕiä* *säŕmi* *juŕŕti* *eŕeiä* 'мать, отец пошли на Имандру сети ставить', *jaŕniä* *vuiŕi* *muŕji* *uŕai* 'его мать пошла ягоды собирать'.

Генитив-аккузатив выступает в роли:

1) прямого дополнения: *paŕlaŕ* *piŕjiŕ* *varŕje* 'женщину поставили сторожить', *poŕn* *vennaŕ* *roŕŕaiŕtiŕ* 'я лодку повернул', *säŕi* *äi* *jöŕi* *uŕaiŕ* 'чернику и бруснику собирали';

2) определения, выражая при этом лицо, место, принадлежность: *ŕan* *garra* *müŕne* 'к кому идти', *jei* *rua* *mü* *ŕei* 'не ходи за мной', *tüt* *iie* *sü* *ruaz* 'это его олень', *mij* *jüŕim* *ŕarg* *ŕeŕiŕ* 'мы жили на краю мыса', *iht* *ruidi* *kint-taz* *jäl* *iŕti* 'один (человек) пришел, на порог сел', *mij* *suk-*

¹² H a l á s z I. *Orosz-lapp nyelvteny vázlat...* 3 old.

¹³ К е р т Г.М. Самицкий язык..., с.141.

¹⁴ K o r k o n e n K., K o s k i n k o f f J., S a m -
m a l l a h t i P. *Koltansaamen opas...*, с.35-36.

ker' jōg šeit 'мы гребем по реке', ašōxt mēni 'туча
 прошла', vinnaz ruht lai jūl 'борт лодки был высокий', лам-
 раз vuonč jīm rog 'мясо овцы я не ем'.

Парти́тив в саамском языке имеет только форму единствен-
 ного числа. Функции партитива множественного числа, с точки
 зрения прибалтийско-финских языков, выполняют формы множествен-
 ности множественного числа. Падежно-числовое окончание парти-
 тива в бабинском диалекте -tti (в кильдинском -ade¹⁵, в
 диалекте Колтта -d¹⁶) присоединяется к гласной основе:
 zāmłittī 'саамов', niždžittī 'девочек', korłittī 'коланок',
 tišmrłittī 'лап'.

В западно-саамских диалектах партитив употребляется толь-
 ко в некоторых формах местоимений и числительных¹⁷. В вос-
 точно-саамских диалектах партитив употребляется значительно
 шире и образуется от существительных. И. Беронка считает, что
 когда-то партитив в саамском языке употреблялся везде как
 форма имен существительных¹⁸.

Существительные в форме партитива употребляются: с чи-
 лительными от семи (включительно) и выше: niiji šamjist iie
 axs pañłittī 'в нашей семье девять детей', kōvve
 riittiš kuonlōuŋ omłittī 'в гости пришло двадцать чело-
 век'; со словами 'много', 'мало', 'полно': vñsist lai jennī
 pazłittī 'в лодке было много женщин', micsist iie vñnaz
 kumpřittī 'в лесу мало грибов', šekittī tiud jačř
 iie 'озеро полно чаек'; в конструкциях со сравнительной сте-
 пенью: pałdes iie viñkar riemñittī 'волк сильнее лисы',
 jačř iie šōkamp mšmrłittī 'озеро больше озера в разлив'

¹⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.141.

¹⁶ K o r h o n e n М., M o z n i k o f f J., S a m-
 m a l l a h t i P. Koltansaamen ораа., с.34.

¹⁷ К о н т К. О партитиве в финно-угорских языках. -
 Сов.финно-угроведение, 1937, III, I, с.2; K o n t K. Parti-
 tiivistä kuolanlapin murteissa. In: - CIFU II, 1955, pars 1,
 s. 280.

¹⁸ B e r o n k a J. Lappische Kasusstudien, II - Oslo,
 1940, S. 145.

реки'; с некоторыми предложениями и пословицами: *vist jehkaad-žittī* 'ближе к вечеру', *suoljetti vūāsta* 'напротив острова'.

Патитив выражает часть целого, при этом он является падежом прямого дополнения: *sijdiat iie jenni sāmliitti* 'в погосте много саамов', *kuad' sūhpist iai jenni pārmiskitti* 'в утлу вежи было много портянок', *mušt' iai tihšsem pienn-jetti* 'у меня было семь собак'.

Датив-иллатив¹⁹ имеет следующие падежно-числовые окончания: в единственном числе - а, а, реке - е, во множественном - и. Окончания единственного числа присоединяются к сильной согласной основе, окончания множественного - к слабой: *p'āūi* 'гвоздь' - *p'āūma* (дат.-илл.ед.ч.) - *p'āūi* (дат.-илл.мн.ч.), *suūa* 'червь' - *suūsa* (дат.-илл.ед.ч.) - *suūsi* (дат.-илл.мн.ч.). Формы датива-иллатива и генитива-аккузатива множественного числа совпадают, что, однако, не ведет к непониманию в речи, так как смысл сказанного во многом зависит от контекста и лексического значения глагола, управляемого этими падежами.

Датив-иллатив может обозначать:

1) место, в которое или на которое, кто-нибудь или что-нибудь входит: *sām nazzan hoitēdi jaiŋa* 'саамская женщина прыгнула в озеро', *mān ōikkara puut rohsī* 'иди на кегору, приведи оленей', *mij mēnim hark taiša* 'мы пошли на край мыса', *sij ištīš vūlšī* 'они сели в лодки';

2) действие, которым кто-нибудь начинает или будет заниматься: *sij mūnniš nūōhtta* 'они пошли тянуть невод' (букв. к неводу), *ommoŋa viikiš māhsa* 'мужчины пошли охотиться' (букв. в лес);

3) лицо, которому что-нибудь дается или говорится: *pīn-ŋa vōjtek maht tun'n'e giak* 'кокору согнеть, как тебе

¹⁹ В зарубежной лашонистике данный падеж называют иллативом. На наш взгляд, термин "датив-иллатив", предложенный Г.М.Кертом (Саамский язык..., с.141), полнее отражает сущность этого падежа, поскольку иллатив финно-угорских языков является внутреннеместным падежом вхождения, тогда как рассматриваемый падеж как внутренне-, так и внешнеместным падежом вхождения: *jaiŋa* 'в озеро, на озеро', *suu'n'e* 'в него, ему'. Не случайно И.Малас считает этот падеж иллативом-иллативом (*H a l ä s z I. Orosz-lapp nyelvtaŋy vázlat...8 old*).

надо', on'd' mun'n'e tĩŋgi 'дай мне денег', monn vĩgam
zun'n'e kuai 'я отнесу ему рыбу', i šėĩkat' tĩn niĩdže
'и говорят той девочке';

4) время, в данном случае датив-аллатив, отвечает на
вопрос "до какого времени?": idalža raĩtkuai kuobjat' 'до
утра жареницу оставляют', vuard' mĩ talva 'жди меня до зы-
ми', jėhkelža rāna šĩratāiat' vuolas vĩrast 'до вечера
пети катаются вниз с горы'.

Локатив²⁰ имеет следующие падежно-числовые окончания: в
единственном числе - st, št', во множественном - n',
которые присоединяются к гласной основе на -i со слабой сту-
пенью согласных: sĩjdiist лок.ед.ч. - sĩjdiin' лок.мн.ч. от
siĩt 'погост', šėĩmiist лок.ед.ч. - šėĩmin' лок.мн.ч. от
šėĩm 'глаз'. В локативе совпали два падежа: падеж нахожде-
ния и исхода. В шведско-саамском они имеют два различных па-
дежных окончания: juhkajna 'в реке', juhkasta 'из реки'. В
восточно-саамских диалектах, как и в норвежско-саамском, инес-
сивное падежное окончание исчезло и аллатив превратился в ло-
катив, в котором содержатся функции обоих первоначальных па-
дежей²¹: mij jĩĩm hortaiĩst 'мы жили на Хортострове',
roviĩlō juĩkkej šāgiist 'медведь выскочил из воды'.
Локатив имеет следующие значения:

1) нахождения внутри чего-либо или соприкосновения
с чем-либо, что соответствует основному значению прибалтий-
ско-финского инессива: mij jĩĩm mieciist 'мы жили в лесу',
robn mĩ iĩ kiackti piegiist 'там что-то закрипело в де-
реве', tēĩĩ jāmrin' kuai šėĩat' 'в тех озерах рыбу ловят',

²⁰ В работах Г.Н. А.Л.В.З. "Orosz-lapp nyelvtany vázlat"
и Г.М.К.Е.Р.Т.А. "Саамский язык" этот падеж называется инес-
сивом-аллативом, что, на наш взгляд, сужает его функции до
внутриместного падежа исхода и нахождения. В действитель-
ности же он несет на себе еще и функции внешнеместных паде-
жей исхода и нахождения (см. К.О.Р.Х.О.Н.Е.Н. И. Lapp pur-
veiden keskinėĩsisistā suhteista., с.62). Поэтому термин "ло-
катив", принятый в зарубежной лаппонистике, является, видимо,
более удачным.

²¹ I t k o n e n E. Kielī ja sen tutkimus..., с.263.

loñ't iie mūrjst 'шухарь сидит на дереве';

2) места, из которого кто- или что-нибудь исходит и направлено, из которого что-нибудь делается, т.е. значения аблатива прибалтийско-финских языков: sonn vjēdī bēdas pīartist 'он вышел на улицу из дома', mīd pūidim kuontist 'мы пришли с лесной ловли', kitkēm tuijat' mūrjst 'ляльку делают из дерева', omlin' koddīš vācī 'из шерсти вязали рукавицы';

3) места, на поверхности которого что-нибудь или кто-нибудь находится, а также лица или предмета, у которого что-нибудь находится, т.е. одно из значений адессива прибалтийско-финских языков: sonn muūtīm jāmrin' jīlī 'он на разных озерах жил', jānnam ašcam kuodjīš ēverist 'мать, отец остались на озере Иландра', ixt kanrēst' īai pān 'у одной женщины был ребенок';

4) места, с поверхности которого что- или кто-нибудь отходит, либо лица, у которого что-нибудь берется, т.е. одно из значений аблатива прибалтийско-финских языков: bāmīd pūidī jāmrist 'семья пришла с озера', šodjāmrist mām bāz 'от племени подорошники идет тля', ākist ālg ruoh-tji 'у старухи сына взяли'.

Зосив имеет только форму единственного числа. Падежное окончание зосива -n присоединяется к гласной основе на -i с сильной ступенью согласных (сочетаний согласных). Форма единственного числа в необходимых случаях употребляется в значении множественного. Падежные окончания зосива и комитатива единственного числа совпадают, но присоединяются они к разным основам: в зосиве - к сильной, в комитативе - к слабой: aīlpin' зосив - aīlpin' ком.ед.ч. от aīlpr 'сервис'.

Основные значения зосива:

1) положение или состояние, в котором кто- или что-нибудь находится: а manpa mī pūjīš šōvīn' 'а потом меня назначили председателем', sonn māst pūidī aaltin' 'он домой пришел солдатом' aī ārkēn' kākāt' 'его (олени) на втором году холостят';

2) положение или состояние, в котором кто- или что-нибудь переходит. В прибалтийско-финских языках в данном случае употребляется транслатив: tīn nīed' vāltis

poŕŕin' 'ту девочку взяли поваром', sũ piijis̃ kon'ŕin' 'его назначили конюхом', sonn m̃nĩ tiz sabbers̃ikk̃in' 'он ушел туда в заборники';

3) время: a numb̃ ěgin' sonn vijdi k̃avvan' 'а на следующий год она вышла замуж', t̃iñ řeŕvin' monñ řeijim̃ sũ luin' 'в тот день я был у него', řeŕkel̃ŕin' monñ řeijim̃ kuadist' 'вечером я был в веже'.

Комитатив единственного числа имеет падежно-числовое окончание - n', которое присоединяется к гласной основе на -i со слабой ступенью согласных (сочетаний согласных): p̃iŕgin' 'с ветром', ṽinsin' 'на лодке'.

Падежно-числовое окончание комитатива множественного числа -guim, -vuim, -vijim присоединяется к гласной основе на -i, в котором представлена сильная ступень согласных (сочетаний согласных): poŕeig̃uim 'на оленях', p̃inñiṽuim 'с собаками', řeij̃m̃iṽuim 'сетями'. В редких случаях окончание множественного числа комитатива присоединяется к слабой основе, как это повсеместно наблюдается в кильдинском диалекте²². В бабинском диалекте, таким образом, основы единственного и множественного числа комитатива различаются относительно представленных в них ступеней согласных, что способствует более четкой дифференциации форм единственного и множественного числа, хотя они и имеют различные падежно-числовые окончания.

Комитатив имеет следующие значения:

1) лица или предмета, совместно с которым совершается какое-нибудь действие: sonn aŕk̃iniis̃ vuoŕjĩ k̃iõsse 'он с женой пошел в гости', a t̃it̃ kiemñin' ṽax̃ĩ m̃ast' 'а тот с котелком вернулся домой', m̃ies̃ist̃ p̃inñiṽuim̃ řiŕiis̃ 'в лесу с собаками охотились', vašk̃ řaĩ m̃iij̃iṽuim̃ 'Вася был с нами';

2) средства или способа, с помощью которого что-нибудь совершается. Соответствует в данном случае адессиву или инструментиву прибалтийско-финских языков: korikæn' lūōšt vūāj-va 'луоикной бьет по голове', ašcam āigi vozzi gruz poh-eiguim 'мой отец стал возить грузы на оленях', mišt faš-tiē jan'amr kuūtīn' pohcīn' 'у нас чаще запрягали по два оленя', miē kiersīn' vuoiēm miecīst 'мы на кероже ездили в лесу':

3) одно из значений локатива: материал, из которого что-нибудь делается, в данном случае употребляется в комитативе множественного числа: sašvuim kēzi vīršat' 'из черники готовят кыдз', piēšk kuarat' nurr tušīguim 'печок шьет из шкур молодых оленей', komšvuim kalmi kuarat' 'каньги шьет из койб', luomnīvuim nuūt vīršat' 'из морошки шьют гото-вят'.

Абессив в отличие от других падежей имеет единое падежное окончание по линии единственного и множественного числа -ta²³, которое в единственном числе присоединяется к слабой согласной основе: ešēta 'без года', niāda 'без куницы', ālāta 'без важенки'. В отдельных случаях, когда на стыке морфем возникают сочетания из трех согласных, они разделяются на морфемном шве гласным а и, таким образом, -ta в этих случаях присоединяется к гласной основе на -a: kušckmata 'без орна', rušjata 'без бумаги', vūrmtata 'без пальца'.

Во множественном числе окончание -ta присоединяется к основе множественного числа: ēgita 'без годов', niādita 'без куниц', ālādita 'без важенки'.

Абессив обозначает отсутствие чего-нибудь, то, без чего совершается действие: kalšīnē kanpraīta ošc 'старик без шапки божит', jarka ruk porriē suoiāta 'раньше все без соли ел', totom muogo i šuokta gīak vuoiēje 'другой раз и в бездорожье надо ехать'.

Кроме рассмотренных падежей, в восточно-саамских диалектах ранее существовал инструменталий на -l: (Колтта) fšāl-meī 'глазами', (Юк.) akšal 'топором', который считается

²³ В кильдинском диалекте падежным окончанием абессива является -ха, -хта, см. К е р т Г.М. Саамский язык..., с.141.

возникшим под влиянием адессивных форм карельского языка на -lla, -lla²⁴. В настоящее время в бабинском и в других кольско-саамских диалектах инструменталий отсутствует²⁵.

Следует особо остановиться на изменении по падежам местоимений, которые имеют несколько отличную от существительных парадигму склонения. Особенностью склонения личных местоимений является то, что локатив наряду с абессивом имеет единое падежное окончание по линии единственного и множественного числа. Кроме того, в парадигме местоимений наблюдается четкое противопоставление гласных основ единственного и множественного числа, за исключением комитатива, имеющего основу единственного и множественного числа на -i.

	Ед. число	Мн. число
Ном.	monn'я', tonn'тн', sonn'он'	mij'mы', tij'вы', sij'они'
Рен.-акк.	mū, tū, sū	mijji, tijji
Эсс.	mun', tun', sun'	
Дат.-илл.	mun'n'a, tun'n'a, sun'n'a	mijji, tijji
Лок.	mušt', tušt', sušt'	mist', tišt'
Ком.	muin', tuin', suin'	mijjivaim, tijjivaim,
Аб.	muta, tuta, suta	miita, tiita

Изменение по падежам указательных и вопросительных местоимений во многом совпадает. Признаком номинатива множественного числа выступает -k, являющийся в западно-саамских диалектах также признаком номинатива множественного числа существительных²⁶. Как и в прибалтийско-финских языках, падежным окончанием ренитива единственного числа является -a. Датив-иллатив единственного числа имеет особые падежно-числовые окончания: -g, -k.

²⁴ I t k o n e n E. Suomalais-ugrilaisen kielen- ja historian tutkimuksen alalta. Hki: SKS, 1961 (Tietolipas; 20), s. 53.

²⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.173.

²⁶ Основы финно-угорского языкознания: Прибалтийско-финские..., с.220.

Указательные местоимения

Ед. число

Ном.	tat'stot', tīt 'тот'	t'āiat' 'тот, более удаленный'
Ген.-акк.	t'an', tīn, tun	t'āian
Вос.	t'ain', tīin'	t'āiien'
Дат.-ин.	t'ā, tik, tiz, tok	t'āiaśśe
Лок.	t'āst', tīst'	t'āiaśt'
Ком.	t'ain', tīin'	tālain'
Аб.	t'ata, tīta	t'āianta

Мн. число

Ном.	tāk 'эти', tik 'те'	t'ālak 'те, более удаленные'
Ген.-акк.	t'ai, tii	t'āli
Дат.-ин.	t'ai(t), tii(t)	t'āie(t)
Лок.	t'ain, tii(n)	t'āia(n)
Ком.	t'aiuim, tiiuim	t'āievuim
Аб.	t'aita, tīita	t'āiainta

Вопросительные местоимения

Ед. число

Мн. число

Ном.	mī'что', tī, kī 'кто'	mīk 'что', kik, tik 'кто'
Ген.-акк.	mīn, fan, kan	mīi kai, fai
Дат.-ин.	miz, koz	mīiji, kaiji
Лок.	mīst, kośt'	mīin' kain'
Ком.	mīin', kain'	mīiuim kaivuim
Аб.	mīinta kanta	mīita kaita

Возвратное местоимение jīś 'сам' употребляется в баинском, как и в других кольско-саамских диалектах, только притяжательными суффиксами, поэтому оно будет рассматриваться в связи с анализом категории притяжательности. Что касается падежных окончаний, употребляемых с этим местоимением, то они те же, что и при склонении существительных.

Отличительной особенностью склонения относительных местоимений ku 'который', kuk 'которые' является то, что

косвенных падежах основой единственного числа является ко-, множественного - koi -.

Разделительные местоимения kuabbi₁ 'который из двух', kuabba 'которые из двух', изменяясь по падежам, имеют основу kuabzi- (в абессиве ед. числа kuabza-).

Ном.	ku	kuk	kuabbi ₁	kuabba
Ген.-				
акк.	kon	koi	kuabba	kuabzi ₁
Сос.	koin	koinin	kuabzi ₁ n	
Дат.-				
илл.	koz	koi	kuabzi ₁	kuabzi ₁
Лок.	košt	koin	kuabzi ₁ st	kuabzi ₁ n
Ком.	koin	koiguim	kuabzi ₁ n	kuabzi ₁ guim
Аб.	konta	kointa	kuabzata	kuabzita

Вторая часть неопределенно-личных местоимений (-ni, -linč) при изменении их по падежам kini 'кто-нибудь', mini 'что-нибудь', kiki₁ni 'кто-нибудь' (мн.ч.), mi₁ki₁ni 'что-нибудь' (мн.ч.), ki₁linč 'кто-то', mi₁linč 'что-то', kiki₁linč 'кто-то' (мн.ч.), mi₁ki₁linč 'что-то' (мн.ч.) следует за падежным окончанием. Исключением является абессив, в котором падежное окончание -ta не имеет твердого порядка следования и может стоять или перед второй частью местоимения (-linč), или позади нее (-ni):

Ном.	kini	mini	kiki ₁ ni	mi ₁ ki ₁ ni
Ген.-				
акк.	kanni	mini	kaini	mi ₁ ini
Дат.-				
илл.	kozni	mini	kaini	mi ₁ ini
Лок.	košt ₁ ni	mi ₁ st ₁ ni	kaini	mi ₁ ini
Ком.	kaini	mi ₁ ini	kainivum	mi ₁ inivum
Аб.	kannita	mi ₁ unita	kainita	mi ₁ inita
Ном.	ki ₁ linč	mi ₁ linč	kiki ₁ linč	mi ₁ ki ₁ linč
Ген.-				
акк.	kainlinč	mi ₁ linč	kainlinč	mi ₁ linč
Дат.-				
илл.	kozlinč	mi ₁ linč	kainlinč	mi ₁ linč
Лок.	košt ₁ linč	mi ₁ st ₁ linč	kainlinč	mi ₁ linč
Ком.	kainlinč	mi ₁ in ₁ linč	kainlinčvum	mi ₁ linčvum
Аб.	kaintalinč	mi ₁ tal ₁ linč	kaintalinč	mi ₁ tal ₁ linč

Отрицательные местоимения *niki* 'никто' - *nikik* (ном. мн.ч.), *nimi* 'ничто' - *nimik* (ном.мн.ч.) при склонении изменяют вторую часть отрицания -*ki*, -*mi*:

Ном.	<i>niki</i>	<i>nikik</i>	<i>nimi</i>	<i>nimik</i>
Ген.-акк.	<i>nikan</i>	<i>nikai</i>	<i>nimjin</i>	<i>nimij</i>
Дат.-инст.	<i>nikoz</i>	<i>nikaiji</i>	<i>nimjz</i>	<i>nimijji</i>
Лок.	<i>nikošt</i>	<i>nikair</i>	<i>nimjšt</i>	<i>nimjin</i>
Ком.	<i>nikain</i>	<i>nikainim</i>	<i>nimjin</i>	<i>nimjjuim</i>
Аб.	<i>nikanta</i>	<i>nikaita</i>	<i>nimjnta</i>	<i>nimjita</i>

Категория грамматического числа

В большинстве финно-угорских языков различаются два числа: единственное и множественное, т.е. грамматическими средствами выражается противоположность между одним и многим. Саамский язык наряду с хантыйским и мансийским имеет, кроме того, категорию двойственного числа, которое указывает на двух владельцев или на два лица или предмета, обладаемых кем-то. В саамском языке двойственное число выступает: в личных местоимениях *moai*, *doai*, *soai* 'мы, вы, они (двое)' (норв.-саам.); в possessивных суффиксах, указывающих на двух владельцев: *oav'bas* 'его сестра', *oav'baska* 'его две сестры', *oav'basek* 'его сестры'; в личных формах глаголов: *gullāp* 'я слышу', *gulli* 'мы двое слышим', *gullār* 'мы слышим'.²⁷ В хантыйском и мансийском языках дуал не употребляется. Кроме того, с существительными, исходя из чего П.Равила отмечает ограниченность функционирования двойственного числа в саамском языке.²⁸ Двойственное число представлено в основном в западно-саамских диалектах, в колыско-саамском дуал полностью отсутствует, существуют лишь реликты, указывающие на его былое существование. Функцию двойственного числа взяли на себя формы множественного числа. В колыско-саамских диалектах, таким образом, в настоящее время функционирует два числа: единственное и множественное.

²⁷ R a v i l a P. Über die Verwendung der Numeruszeichen in den uralischen Sprachen. - FOF, 1941, 27, S. 4.

²⁸ Ibid., S. 3.

Единственное число

Единственное число служит для обозначения единичных предметов либо совокупности каких-то предметов. В саамском, как и в других финно-угорских языках, единственное число не имеет суффиксального признака и определяется в основном лексически и синтаксически: *maŋŋa viŋŋiŋ ruŋdi* 'потом его брат пришел', *me,ntem keaŋvud son tujiŋ?* (ME, 136), 'какое зло он сделал?'.²⁹

В отдельных случаях единственное число употребляется в функции множественного: 1) с числительными от 2 до 6 употребляется генитив-аккузатив единственного числа, с числительными от 7 и выше — паритив, имеющий в саамском языке только форму единственного числа: *viŋŋiŋ ŋai kolm oŋŋa* 'в лодке было три человека', *miŋt* ŋai loŋk pienjetti* 'у нас было десять собак'; 2) существительные, обозначающие парные предметы, в косвенных падежах употребляются в единственном числе: *kaŋgiŋt ŋoŋkiŋt jielka* 'надеть каньги' (букв. в ногу) (IKK²⁹, 636), *giŋk riŋŋi vās kiŋtta* 'надо надеть рукавицы' (букв. в руку). Выражения "однорукый", "одноногий", "одноглазый" передаются в исследуемом диалекте с помощью слова "половина": *kiŋtriŋŋiŋ* 'однорукый', *juiŋkriŋŋiŋ* 'одноногий', *ŋiŋŋiŋŋiŋ* 'одноглазый'. Подобные образования присущи многим финно-угорским языкам.³⁰

Множественное число

В кольско-саамских диалектах множественное число выражается посредством грамматических чередований (*raŋk* 'туловище' — *raŋŋ* ном.мн.ч.), присоединением специального грамматического суффикса множественного числа *-i, -k* (*paŋŋ* 'свадьба' — *paŋŋ-i-ta* 'без свадеб', *mī* 'что' — *miŋ* ном.мн.ч.) и с помощью падежно-числовых окончаний (*vierciŋt* лок.ед.ч. — *vierciŋ* лок.мн.ч. от *viŋŋe* 'мешок').

²⁹ *itkonen* T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja.

³⁰ Основы финно-угорского языкознания: Вопросы происхождения и развития..., с.219-220.

Номинатив множественного числа

Номинатив множественного числа существительных в западно-саамских диалектах образуется посредством присоединения к слову суффиксального показателя: в диалекте Нессебю - ³⁰ k, Репперфьорд - ³¹ t, Квянанген - ³² k, Арьеллуг - ³³ o, Киксаярви -hk, -ht, Полмак -k³⁴. В кольско-саамских диалектах суффиксальный показатель номинатива множественного числа существительных отсутствует, исследуемые формы образуются чередованием согласных (сочетаний согласных) и гласных, другими словами, посредством внутренней флексии.

И.Халас полагает, что показателем номинатива множественного числа существительных в бабинском диалекте является -i³⁵, что неверно, поскольку -i служит признаком множественного числа лишь в косвенных падежах.

В работе Тойво Итконена³⁶ находят отражение отдельные способы выражения номинатива множественного числа существительных, однако на основании ее трудно представить полную картину выражения интересующей нас грамматической категории. Добавим, что материал бабинского диалекта автором не привлекался.

В силу неразработанности вопроса о выражении номинатива множественного числа эта категория не находит отражения в статье А.Г.Эндюковского³⁷, в которой имеются лишь примеры склонения существительных в единственном и множественном числе.

Выражение номинатива множественного числа в кильдинском диалекте исследуется в монографии Г.М.Керта³⁸. Автор приво-

³¹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские..., с.220.

³² H a l á s z I. Grosz-lapp nyelvtany vázlat, 4 old.

³³ I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsonanttien as vahtelu.

³⁴ Э н д ю к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык...

³⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.139-141.

дит четыре основных типа образования номинатива множественного числа существительных, причем наиболее сложный из них — чередование сочетаний согласных — подтверждается результатами инструментальных исследований.

Во многих случаях для выражения номинатива множественного числа существительных бабинский диалект использует те же средства, что и кильдинский, однако в нем существуют специфические черты, на которых остановимся ниже. При образовании форм номинатива множественного числа односложных существительных принимают участие, как правило, все звуки слова, за исключением первого, т.е. эти формы образуются изменением всей структуры слова: *kalk-kāls* 'краска-краски'. В слове чередуются два и более звуков, они как бы подстраховывают друг друга и создают максимальную дифференциацию форм единственного и множественного числа. Связано это с тем, что отдельные маркеры форм множественного числа, например аусляутные звонкие согласные, могут в речевых ситуациях нейтрализоваться, и тогда другие чередующиеся согласные и гласные берут на себя основную функцию в различении форм единственного и множественного числа. Как в односложных, так и в двухсложных словах чередования согласных и гласных связаны и предопределяют друг друга: перед сильной ступенью согласных выступает краткий гласный, перед слабой — долгий. В односложных существительных сильная ступень согласных и краткий гласный находятся в форме единственного, а слабая ступень согласных и долгий гласный — в форме множественного числа. В двухсложных существительных чередования могут носить разнонаправленный характер.

Номинатив множественного числа образуется:

1) посредством количественных чередований аусляутных или инляутных согласных, которым сопутствуют количественные или качественные чередования монофтонгов и дифтонгов: *kujj-kūj* 'муж-мужья', *baŋŋ-bāŋ* 'кожа', *levv-lēv* 'хлев', *kīll-kīel* 'петля', *kīrr-kīer* 'кора', *vīelas-vīnnas* 'лодка', *hāžer-hāžer* 'острога', *kārat-kārrat* 'кормушка', *līdas-lēddas* 'запастье', *kālas-kānnas* 'койба';

2) чередованием аусляутных, реже инляутных согласных по признаку глухости-звонкости. Глухим взрывным и аффрикатам

предшествует, как правило, преаспирация. Как и в предыдущем случае, чередованиям согласных сопутствуют чередования гласных. В чередования вступают следующие пары согласных: (h)k ~ g: kikh-kīg 'кукушка-кукушки', rovdik-rovdig 'шкура (овца)', śieggar-śihkar 'кегора'; (h)t ~ d: kiht-kīd 'рука', liōht-liod 'пуля', küēht-kueđ 'вежа'; (h)p ~ v, b: sūōp-r-uoob 'осина', kehp-kēb 'иглица', heavaš-heāppaš 'лошадь'; (h)č ~ ž: shč-ēž 'отец', kehc-kēž 'конец', (h)s ~ ž: šūāhs - šuaž 'гиллушка', šaīc-šāž 'вода', piēhc-piāž 'сосна'; s ~ z: tuņras-tuņraz 'залата', kuss-kuzz 'ель', vijas-vijvaz 'печень'; š ~ ž: jāhtmuš-jāhtmuž 'голубика', jelmuš-jelmuž 'жизнь', rohtmuš-rohtmuž 'еда';

3) посредством количественных чередований сочетаний согласных, которые происходят по схеме $\bar{x}u \sim xu$. Чередования сочетаний согласных подразделяются на следующие типы:

- взрывной + взрывной: küētk - kuētk 'сердце-сердца', kiēdg-kieđg 'камень', koīk-kōtk 'муравей';
- p + s, t, c, č: lērs-lērs 'роса-росы', kipt-kipt 'грузино', siрс - siрс 'щипцы', pičsas - pičsas 'вертел';
- сонант + сонант: paīn - paīn 'ребенок-ребята', siim - siim 'палец', paīm - paīm 'рот', kiēān-kieān 'котел';
- сонант + взрывной: piēt - piert 'дом-дома', kaīt - kaīt 'прорубь', jeīk-jēk 'болото', vūndas-vuūntas 'песок';
- сонант + аффриката: viērc - viars 'мешок-мешки', kiē - kiens 'ноготь', koīc-kōic 'кольцо', nič - niņ 'грудь';
- сонант + шелевой: piļv - piļav 'облако-облака', siļv - siļav 'лось', peīv-peīv 'мережа';
- шелевой + взрывной: tašt - tāst 'звезда-звезды', iēk iēk 'кожа';
- шелевой + сонант: kaīm - kām 'тезка-тезки', kaļv - kāļv 'родник', aļr - āļr 'весло';
- шелевой + шелевой: šoļj-šoļj 'живот-животы', maļv - māļv 'рыбья молодь', viēšv-viāšv 'плавник';

4) посредством чередований сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по количеству, второй - по признаку глухости-звонкости, т.е. $\bar{x}u \sim xz$. Сильной ступени ($\bar{x}u$) предшествует краткий гласный, слабой (xz) - долгий: ražt - rājd 'райда-райды', pižp-piļb 'нож', роīc-rōnž 'перо',

kuũč-kũvž 'кумжа', rāj̃k - rāj̃g 'дыра', лэм̃с - лэм̃ž
'игна', čol̃k-čol̃g 'слана', kuũt-kũmd 'змея', čul̃t-čul̃d
'пень', suũt-sũnd 'темя';

5) в сочетаниях $\bar{k}, \bar{x} + s, \bar{s}, t, \bar{č}$, первый компонент чередуется с неслоговым \bar{u} . Подобные чередования характерны для диалекта Колтта³⁶ и отсутствуют в кильдинском: uks - uxs -
ũks 'дверь-двери', oks - õks 'сук', oxt - õut 'туча', puks -
puks 'лебедь';

6) чередованием преаспирированных взрывных или аффрикат
с, č (ном.ед.ч.) с геминированными взрывными или аффриката-
ми (ном.мн.ч.): riähp-riärr̃ 'куропатка-куропатки', vihp-
vihr̃ 'свекор', vañs-vass̃ 'варежка', mieč̃s-mieč̃s̃ 'лес',
kuĩč̃s-kuĩč̃s̃ 'щенок';

7) у двусложных существительных чередованием ауслыут-
ных согласных по признаку глухости-звонкости, которым со-
путствует чередование гласных второго слога. Наряду с этим
ауслыутные или инлыутные согласные либо те и другие одно-
временно могут чередоваться по признаку палатализованности-
непалатализованности: kaĩč̃eš̃-kam̃as̃ 'старик-старики', kar-
ñeš̃-karñas̃ 'ворона', lam̃beš̃-lam̃pr̃as̃ 'овца', pal̃č̃eš̃-palk̃-
kaz̃ 'тропинка';

8) у группы односложных слов присоединением второго
слога, как это имеет место в диалекте Колтта³⁷: ñeš̃-ñank̃kar̃
'сон-сны', p̃iks̃-p̃ik̃sem̃ 'губы', eđđ̃-eđđ̃am̃ 'костный мозг',
š̃am̃-š̃am̃am̃ 'борода', č̃og̃-č̃oh̃kk̃im̃ 'гребень', vuos̃k̃-vuos̃k̃am̃
'окунь';

9) чередованием суффикса диминутивности -iñč̃, -iñč̃, -iš̃,
-iš̃ и ауслыутного согласного некоторых существительных
с гласным а, ä: š̃am̃iñč̃-š̃am̃la 'саам-саамы', karg̃iñč̃-karg̃-
la 'карол', kiedg̃iš̃-kiedga 'камешек', niđđ̃iñč̃-niđda 'де-
вочка', š̃ar̃viš̃-š̃ar̃vva 'олень-гирвас', š̃ar̃iš̃-š̃ar̃ja 'слизня',
š̃uar̃-š̃ur̃ra 'муха', č̃ueñ-č̃uñ'a 'гусь', š̃uom̃p̃-š̃um̃pra 'ля-

³⁶ I t k o n e n Toivo. Venäjänlapin konsoranttien as-
tevaaintelu..., s. 86-89.

³⁷ K o r h o n e n H., M o s n i k o f f J., S a m -
m a l l a n t i P. Koltansaamen opas..., s. 46-48.

гулка', šutk-šuođa 'чирок-свестунок', poŋk-lurkka 'утка-нырок'.

Некоторые имена существительные имеют формы множественного числа: gūnd 'ножницы' (сравни: gūt 'железо', ruŋa 'штаны', lieŋg 'кожаный хомут'.

Существительные, отражающие родственные отношения, образуют номинатив множественного числа с помощью суффикса $-\text{ež}$, $-\text{ež}$ ³⁸, который присоединяется к слову, находящемуся в форме притяжательного склонения I л.ед.ч.: jaŋŋamež , eŋŋamež 'родители', aijaŋež 'дедушки', aŋkaŋež 'бабушки'.

Выражение множественного числа в косвенных падежах

Одним из признаков, объединяющих прибалтийско-финские языки с саамским, является существование $-i$ -ового показателя множественного числа в косвенных падежах, который характерен для западно-саамских диалектов³⁹. В кольско-саамских диалектах выражение грамматического числа посредством суффиксального показателя в значительной степени разрушено. Единственным падежом, в котором признак множественного числа $-i$ можно с полным правом считать маркером множественного числа, является абессив, так как он в отличие от других косвенных падежей имеет единое падежное окончание в единственном и множественном числе $-\text{ta}$: piļv 'облако', $-\text{piļvta}$ 'без облака' — piļvita 'без облаков'. Формы абессива множественного числа структурно выражаются так же, как и косвенные падежи множественного числа прибалтийско-финских языков. В кольско-саамских диалектах исторически $-i$ был морфологическим показателем множественного числа, однако в результате возникновения формально различных падежно-числовых окончаний в единственном и множественном числе он стал терять свои первона-

³⁸ В кильдинском диалекте в данном случае выступает суффикс $-\text{goŋc}$, см. К е р т Г.М. Саамский язык..., с.137.

³⁹ Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские..., с.220.

чальные функции и в отдельных падежах перешел в разряд "тематических гласных". Так, в локативе и комитативе множественного числа он выступает перед падежно-числовым окончанием единственного и множественного числа. В названных падежах гласный *-i* "безразличен" к грамматическому числу, поскольку оно выражается падежно-числовыми окончаниями, другими словами, этот гласный является функционально пустым, например, *šũcišiat* лок.ед.ч. - *šũcišin* лок.мн.ч., *šũcišic* ком.ед.ч. - *šũcišivuiš* ком.мн.ч. от *šũia* 'червяк'.

В формах генитива-аккузатива и датива-иллатива множественного числа произошло отпадение падежного окончания, в результате чего предшествовавший ему показатель множественного числа *-i* взял на себя еще и функции различения по падежам, т.е. стал падежно-числовым окончанием: *šārv* ген.-акк.ед.ч. - *šārv-i* ген.-акк.мн.ч.⁴⁰ - *šārv-a* дат.-илл.ед.ч. - *šārv-i* дат.-илл.мн.ч. от *šārv* 'пешня'.

Таким образом, грамматическая категория находит собственно грамматическое выражение только в абессиве. В остальных падежах *-i* либо стал падежно-числовым окончанием, либо перешел в разряд "тематических гласных". В выражении грамматического числа кольско-саамские диалекты стоят значительно ближе к флективным, чем к агглютинативным языкам.

Категория притяжательности

В бабинском диалекте саамского языка притяжательность выражается как посредством присоединения к слову притяжательного суффикса, так и аналитически: личное местоимение в генитиве + существительное. Нас интересует прежде всего морфологическое выражение притяжательности. В отличие от финского языка, где притяжательные суффиксы могут присоединяться ко всем существительным в случаях, если хотят указать на принадлежность их к одному из трех лиц, в саамском языке притяжательные суффиксы употребляются с ограниченной группой слов: с терминами родства: *jaŋŋam* 'моя, наша мать', *šhšat* 'твой, ваш отец', *šigant* 'ваш сын, сыновья', *vuišgram* 'моя сестра,

⁴⁰ В генитиве-аккузативе происходит противопоставление нулевой флексии и падежно-числового окончания *-i*.

мой сестры'; в отдельных случаях со словами, обозначающими части тела человека: *sonn kintinés hoitēdi* 'он рукой (своей) помахал', *sonn juoŋjintés iikatehtij* 'он ногой (своей) пошел'; с возвратным местоимением *jič* 'сам' в косвенных падежах: *viekket ič ičsant* 'спасите себя самих' (ME, 137), *mišt' jičšim pohci leiŋjiš* 'у нас свои (наши) олени были', *mij kuoŋjim jičšim* 'мы остались сами по себе'.

В западно-саамских диалектах лично-притяжательные суффиксы различаются по трем числам: единственному, двойственному и множественному. В кольско-саамских диалектах двойственное число отсутствует, притяжательные суффиксы имеют формы единственного и множественного числа. Притяжательные суффиксы в бооинском и кильдинском диалектах идентичны: 1 л. ед. и мн. ч. -m, -n; 2 л. ед. ч. -t, мн. ч. -nt; 3 л. ед. ч. и мн. ч. -š.

В косвенных падежах притяжательного склонения 1 и 3 л. наблюдается четкое противопоставление гласных основ: в единственном числе выступают основы на -a (1 л.) и -e (3 л.), во множественном - на -i⁴¹. Такая четкая оформленность гласных основ вызвана существованием единых притяжательных суффиксов для единственного и множественного числа. В свою очередь притяжательные суффиксы 2 л. ед. (-t) и мн. (-nt) числа достаточно ясно различаются по форме и не требуют дополнительного различения основ слова. Они присоединяются к гласной основе на -a. В качестве примера просклоняем слово *jannam* 'моя, наша мать':

	1 лицо		2 лицо		3 лицо	
	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.	Ед. ч.	Мн. ч.
Ном.	<i>jannam</i>	<i>jannam</i>	<i>jannat</i>	<i>jannant</i>	<i>jeññeš</i>	<i>jeññeš</i>
Ген.- акк.	<i>jannan</i>	<i>jannin</i>	<i>jannat</i>	<i>jannant</i>	<i>jeññeš</i>	<i>jeññeš</i>
Дат.- вл.	<i>jansan</i>	<i>jansēnan</i>	<i>jansat</i>	<i>jansant</i>	<i>jeñšeš</i>	<i>jeñšis</i>
Лок.	<i>janstan</i>	<i>janstin</i>	<i>janstat</i>	<i>janstant</i>	<i>janstis</i>	<i>janstis</i>

⁴¹ Исключение составляет комитатив, в котором противопоставления гласных основ не наблюдается.

Ком. janninan janninvuim janninat jannintvuim jeññinas jennisga
 Аб. jannanta janninta jannatta jannantta jeññesta jeññista

В бабинском диалекте обладатель выступает в единственном и множественном числе, тогда как обладаемое по числам не различается. В клядинском диалекте обладатель и обладаемое могут быть и в единственном, и во множественном числе⁴². Не исключена возможность, что подобная разветвленная система притяжательного склонения существовала и в бабинском диалекте, а затем утратилась.

Проклоняем также притяжательное местоимение *jič* 'сам', которое, как об этом уже упоминалось, в косвенных падежах употребляется только с притяжательными суффиксами. Распределение гласных основ единственного и множественного числа соответствуют тому, что было определено ранее.

I лицо		2 лицо		3 лицо	
Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч	Мн.ч
Ном. <i>jič</i>	<i>již</i>	<i>jič</i>	<i>již</i>	<i>jič</i>	<i>již</i>
Ген.-акк. <i>jižan</i>	<i>jižin</i>	<i>jižat</i>	<i>jižant</i>	<i>jižes</i>	<i>jižis</i>
Дат.-влл. <i>jiččan</i>	<i>jiččin</i>	<i>jičcat</i>	<i>jičcant</i>	<i>jiččeš</i>	<i>jiččiš</i>
Док. <i>jižstan</i>	<i>jižstīn</i>	<i>jižstat</i>	<i>jižstant</i>	<i>jižsteš</i>	<i>jižstīš</i>
Бес. <i>jiččlan</i>	<i>jižnīn</i>	<i>jiččnat</i>	<i>jižnant</i>	<i>jiččneš</i>	<i>jižnīš</i>
Ном. <i>jižinan</i>	<i>jiženvuim</i>	<i>jižanat</i>	<i>jižantvuim</i>	<i>jižneš</i>	<i>jižnišvuim</i>
Аб. <i>jižanta</i>	<i>jižinta</i>	<i>jižatta</i>	<i>jižantta</i>	<i>jižešta</i>	<i>jižišta</i>

Как известно, в финно-угорских языках порядок следования падежных окончаний и притяжательных суффиксов не является единым. Достаточно сказать, что в венгерском языке притяжательные суффиксы предшествуют падежным окончаниям⁴³, тогда как в финском они следуют за падежными окончаниями⁴⁴.

⁴² Э н д л ю к о в с к и й А.Г. Самиский (лопарский) язык...с.143-147; К е р т Г.М. Самиский язык...с.156-160.

⁴³ М а й т и н с к а я К.Е. Венгерский язык: Ч.І.Введение. Фонетика, морфология. М., 1955, с.123.

⁴⁴ Х а к у л и н е н Л. Развитие и структура финского языка: Ч.І. Фонетика и морфология. М., 1953, с.95.

Саамский язык относится к языкам со смешанным порядком следования притяжательных суффиксов и падежных окончаний, однако он тяготеет к языкам типа финского. В сабинском диалекте только в комитативе и абессиве за притяжательным суффиксом следует падежное окончание, в остальных падежах наоборот. Подобное положение наблюдается в диалектах Колтта⁴⁵ и в кильдинском⁴⁶, в котором, кроме того, в абессиве возможны оба порядка следования. По мнению Б.А.Серебренникова, порядок "притяжательный суффикс + падежное окончание" был первоначальным и более древним в уральских и алтайских языках. В дальнейшем под влиянием послеложных конструкций этот порядок был нарушен и появился новый "падежное окончание + притяжательный суффикс"⁴⁷.

Категория степеней сравнения

В саамском языке качественные прилагательные и некоторые наречия образа действия имеют три степени сравнения: положительную, сравнительную и превосходную.

Положительная степень не имеет морфологического признака, т.е. характеризуется нулевым аффиксом. Она является отправной, исходной для построения форм сравнительной и превосходной степени.

Суффиксами сравнительной степени в исследуемом диалекте являются -*mp*, -*r*, имеющие параллели в прибалтийско-финских и венгерском языках. Они присоединяются к гласной основе на -*a*: *siŋŋiä* 'темный' - *siŋŋar* 'темнее', *kearpeä* 'легкий' - *kearpar* 'легче', *nuŋt* 'молодой' - *nuŋamp* 'моложе', *kiäŋ* 'толстый' - *kiäžar* 'толще', *joŋŋ* 'большой' - *jäŋamp* 'больше', *miäliä* 'умный' - *miäšamp* 'умнее', *rešker* 'горький' - *reškar* 'горыше'. В кильдинском диалекте

⁴⁵ К о р н о л е н М., М о н и к о в Л. J., S a m m a l l a n t i P. Koltansaamen oraas ..., s.62-63.

⁴⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.160.

⁴⁷ С е р е б р е н н и к о в Б.А. О причинах неодинакового порядка расположения притяжательных суффиксов в уральских и алтайских языках. - Acta Orientalia, Academiae Scientiarum Hungaricae, 1962, T. 15, Fasc. 1-3, с. 311-313.

показатель сравнительной степени в настоящее время почти не употребляется, а функция компаратива взяли на себя внутри-основные чередования согласных и гласных.⁴⁸

Превосходная степень образуется присоединением к согласной основе суффикса превосходной степени -шus: nurr'молодой' - nurrshus 'самый молодой', suer'ree 'мягкий' - suer-shus 'самый мягкий', baar' 'теплый' - baarshus 'самый теплый'. Если на стыке морфем возникают несочетаемые стечения четырех согласных, то перед признаком суперлатива возникает гласный /e/: paigie 'сладкий' - paigeshus 'самый сладкий', kilt 'холодный' - kiltshus 'самый холодный', vujk 'прямой' - vujkshus 'самый прямой', mohsas 'красивый' - mohsashus 'самый красивый'. При присоединении признака компаратива и суперлатива в основе слова происходят качественные и количественные чередования согласных и гласных, которые рассматривались в разделе "Морфонологические чередования". В отдельных случаях превосходная степень образуется аналитически: с помощью слова samie (< самый) и прилагательного в форме положительной или превосходной степени: ve'ee 'чужой' - samie ve'ee 'самый чужой', kuik 'длинный' - samie kuik 'самый длинный', ila 'крутой' - samie ilashus 'самый крутой', nurr 'молодой' - samie nurrshus 'самый молодой'.

Сравнительная и превосходная степень от прилагательного iir 'хороший' образуется присоединением показателей компаратива и суперлатива к корню, который отличается от корня положительной степени: rue'amp 'лучше' - rue'shus 'самый хороший'. В этих случаях говорят о сушлетивизме корней или основ. Грамматическое значение сравнительной и превосходной степени передается в такой ситуации грамматическими флексиями (-mp, -p, -shus), сушлетивизм же является дополнительным (значительно более важным, чем, например, морфонологические чередования) средством передачи названных грамматических значений.⁴⁹

Сравнительная степень указывает на большую степень ка-

⁴⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.167.

⁴⁹ П а н о в М.В. О грамматической форме..., с.32-34.

чества у одного предмета по сравнению с другим: *monn íam ub-
sámp sū* 'я меньше тебя', *rouvínč íie kázár paltsittí*
'медведь толще волка', *ruaz íie tirkkar oultsittí* 'олень
быстрее человека'. В отдельных случаях сравнительная сте-
пень употребляется безотносительно к какому-либо предмету:
i zūšámp sáim íai 'я больше ячменя была', *šaj valdat jāšámp*
'чаю берут побольше', *rogear lešči tēp olmeže šondekeanna*
'лучше бытло бы этому человеку не родиться' (МБ, 132).

Превосходная степень означает высшую степень качества,
присущую чему-или кому-либо, выделенному из группы предме-
тов или лиц: *sonn íai roarsamuz víff* 'он был самый стар-
ший брат', *vašk mišt íai murtus* 'Вася из нас был самый
младший'.

Грамматические категории глагола

В саамском языке к словоизменительным формам глагола
относятся спрягаемые (лично-число, время и наклонение) и не-
спрягаемые формы (инфинитив, герундий, причастия). Как по
морфологическим средствам, так и по технике выражения спря-
жение глагола не является в саамском языке общим. Восточно-
саамские диалекты представляют в этом смысле известное един-
ство: в них существует значительное количество единых мор-
фологических суффиксов, немаловажное значение наряду с аг-
глютинацией имеет внутренняя флексия.

Проанализируем сначала грамматические категории спря-
гаемых, затем инфинитивных форм глаголов.

Категория лица-числа

В большинстве прибалтийско-финских языков лично-число-
вые окончания в презенсе те же, что и в имперфекте, напри-
мер, фин. *tule-n* 'я приду' - *tuli-n* 'я пришел', *tule-t*
'ты придешь' - *tuli-t* 'ты пришел', *tule-mme* 'мы придем' -
tuli-mme 'мы пришли', *tule-tte* 'вы придете' - *tuli-tte*
'вы пришли'. В саамском языке лично-числовые окончания пре-
зенса не совпадают с соответствующими окончаниями имперфек-
та, за исключением окончаний 1 и 2 л.ед. числа: *rušhte-p*
'мы придем' - *rušdi-m* 'мы пришли', *rušhte-p'p'e* 'вы при-
дете' - *ruadi-t* 'вы пришли', *ruad'a-t* '(они) придут' -

riitti-ä '(они) пришли'. П.Равила объясняет такое несоответствие существованием в саамском языке, видимо, когда-то объектного и субъектного спряжений⁵⁰.

Лично-числовые окончания глаголов в изъявительном и сослагательном наклонениях являются едиными. Повелительное наклонение имеет свои окончания, которые будут рассматриваться в связи с анализом повелительного наклонения. Изменитель лично-числовых окончаний в презенсе и имперфекте следующие:

Презенс			Имперфект	
	Ед.ч.	Мн.ч.	Ед.ч.	Мн.ч.
1 л.	-m	-p'	1 л. -m	-m
2 л.	-k	-p'p'e, -vet't'e	2 л. -k	-t'
3 л.	ø	-t'	3 л. ø	-ä

Для примера приведем изменение по лицам-числам глаголов vañ'se 'идти', korra 'связать'.

Презенс

Ед.число	Мн.число
1 л. vañzam, kōzam	vañ'sep', korrap'
2 л. vañzak, kōzak	vañ'sep'p'e, korrap'p'e
3 л. vañ's, korra	vañ'jat', kōrat'

Имперфект

Ед.число	Мн.число
1 л. vañ'sim, korrim	vañ'jim, kōrim
2 л. vañ'sik, korrik	vañ'jit', kōrit'
3 л. vañ'ji, kōri	vañ'ciä, korriä

Лично-числовое окончание -m является окончанием 1 л. ед. числа презенса, 1 л. ед. и мн. числа имперфекта. В первом случае окончание присоединяется к основе презенса, в других - к основе имперфекта. В основах 1 л. ед.числа презенса и 1 л.мн.числа имперфекта выступает слабый коррелят

⁵⁰ I t k o n e n E. Onko itämerensuomessa jälkiä dualista. Vir., 1955, 2, s. 162.

чередования ступеней согласных, тогда как в основе I л. ед. числа имперфекта представлена сильная ступень. Такое четкое противопоставление гласных и согласных в основах названных форм вызвано тем, что в этих формах выступает единое лично-числовое окончание. В бабинском, а также в нотозерском и юканьгском диалектах лично-числовое окончание -ш стабильно удерживается во всех приведенных формах глагола. В кильдинском диалекте это окончание в формах I л.ед.числа презенса и имперфекта употребляется в настоящее время факультативно⁵¹. Тенденция к исчезновению -ш отмечается в работах Т.И. Итконена, который считает это окончание либо сверхкратким согласным, либо согласным полного образования: *rōga^m* (KKS⁵², 255) , *rōgam* (KKS⁵³, 251) 'я ем', *ruaḡa^m* (KKS, 255) 'я приду', *vuolga^m* (KKS, 251) 'я пойду'. А.Г.Эндиковский отмечает, что показатель I л.ед.числа -ш окончательно исчез из языка молодежи, сохранившись лишь у представителей старшего поколения⁵⁴. Показателем в этом отношении глагол "быть" который в кильдинском диалекте, по-видимому, в силу частотности употребления в формах I л.ед.числа презенса и имперфекта не имеет лично-числовых окончаний: *ia* 'я есть', *iijē* 'я был'⁵⁵.

Лично-числовое окончание -k употребляется в формах 2л. ед.числа презенса и имперфекта. В первом случае оно присоединяется к основе презенса на -a , во-втором - к основе имперфекта на -i. С учетом чередования ступеней согласных ос-

⁵¹ К е р т Г., П а н ф и л о в В. Типологическая характеристика саамского языка: (по способам выражения грамматических значений) - *SIFU III*, 1975, Tallinn, 1975, P. 1, с.44⁵²

⁵² I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlapin saakir- ja...

⁵³ I t k o n e n Т.И. Koltan- ja kuolanlappalaisia sa- tuja. *Hki*, 1931. - (MSFOu:60).

⁵⁴ Э н д и к о в с к и й А.Г. Саамский (лопарский) язык..., с.155.

⁵⁵ К е р т Г.М. Основные сходства и различия в саам- ских диалектах Кольского полуострова. - *Тр.Карел.фил.АН СССР*, 1960, вып.23, с. 127.

нова презенса является слабой, основа же имперфекта - сильной.

Формы 3 л.ед.числа презенса не имеют лично-числовых окончаний. Информация о форме слова заключается в сильной согласной основе слова: *šáik* 'он говорит', *joht* 'он думает'. То же можно сказать относительно кильдинского и нотозерского диалектов, тогда как в Йокангском названные формы выделяются гласной основой презенса: *tšeaal⁵⁶ka* (KKS⁵⁶, 282) 'он говорит', *tša⁵⁶tka* (KKS, 283) 'он бьет', *ju⁵⁷g⁵⁷ta* (KKS⁵⁷, 283) 'он думает'.

Не имеет также лично-числового окончания 3 л.ед.числа имперфекта. Эта форма маркируется основой имперфекта, в которой представлена слабая ступень согласных (сочетаниям согласных).

Формы I л. мн.числа презенса во всех кольско-саамских диалектах имеют окончание *-p'*, которое присоединяется к гласной основе презенса на *-e*. В основе представлена сильная ступень согласных.

Лично-числовыми окончаниями 2 л.мн.числа презенса являются *-p'p'e*, *-vet't'e*. Первый присоединяется к гласной основе на *-e*, второй - к согласной: *seagterpe* 'вы смущаете' (ME, I3I), *šuiiker'p'e* 'вы идете на лыжах', *a, ntvette* 'вы дадите' (ME, I3I), *jeivet't'e* 'вы живете'. В кильдинском диалекте в данном случае выступают лично-числовые окончания *-bbe*, *-bedde*⁵⁸. Анализ лично-числовых окончаний, проведенный М. Корхоненом, показывает, что в диалектах, где имеются два варианта суффиксов, их распределение связано со слоговой структурой глагола, а именно, к четному слогу присоединяется двусложный суффикс, к нечетному - односложный⁵⁹. В

⁵⁶ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja....

⁵⁷ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlapin sanakirja....

⁵⁸ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.179.

⁵⁹ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen..., I, 3. 313.

бабинском диалекте в настоящее время обобщается лично-числовое окончание *-p'p'e*, окончание *-vet't'e* употребляется довольно редко, слоговая структура перестала определять появление того или иного лично-числового окончания. В языке ладожских саамов, наоборот, чаще употребляется окончание *-vet't'e*, окончание же *-p'p'e* почти не встречается. Как показали записи диалектов Локаньского и Колтта, сделанные еще до первой мировой войны, в состав лично-числовых окончаний 2 л.мн.числа презенса входили аусляутные *t*, *d*, которые исторически являлись признаками множественного числа⁶⁰: (нот.) *kuul'veette^dt* 'вы слышите', *jeppre^dt* 'вы не', (лок.) *taškiep'te* 'вы делаете', *ježre* 'вы не'⁶¹. В очерке И.Халаса эти согласные отмечаются в кильдинском и нотозерском диалектах⁶². Следы названных аусляутных согласных отмечаются в словаре Т.И.Итконена в виде сверхкраткого спиранта *δ*: *rēal'je^δre^δ* (кильд.) (ккс⁶³, 256) 'вы боитесь'. В записях Г.М.Керта этот согласный отсутствует: *saŋvehte* (нот.), *saŋŋe^δre* (лок.), *saŋŋe^δre* (кильд.) 'вы говорите'⁶⁴. В бабинском диалекте аусляутные согласные не отмечаются уже в очерке И.Халаса⁶⁵.

Лично-числовым окончанием 3 л.мн.числа презенса является: в бабинском диалекте *-t*, в кильдинском *-v*, в Локаньском *-v*, *-b*. Лично-числовые окончания *-v*, *b* К.Б.Викунд связывает с финским *-vat*, *-vūt*, другие исследователи — с окончанием 3 л.дв.числа *-ban*, который в процессе утраты кольско-саамскими диалектами двойственного числа взял на себя функцию окончания 3 л.мн.числа⁶⁶.

⁶⁰ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen..., 1, s. 315-316.

⁶¹ Ibid., s. 316.

⁶² H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvteny vázlat, 26 old.

⁶³ I t k o n e n T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja...⁶⁴ K e r t Г.М. Основные сходства и различия..., с.127.

⁶⁵ H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvteny vázlat, 26 old.

⁶⁶ I t k o n e n Э. Onko itämerensuomessa jalkien duaalista, s. 166; K o r h o n e n M. Op. cit., s. 345.

Лично-числовым окончанием 2 л.мн.числа имперфекта в бабинском и кильдинском диалектах является -t', который присоединяется к основе имперфекта. В исследуемом диалекте произошло совпадение лично-числовых окончаний 3 л.мн.числа презенса и 2 л.мн.числа имперфекта изъявительного наклонения. Дифференциация этих форм глагола проявляется в различении гласных основ презенса и имперфекта: kuarat' 'они шьют' - kuarit' 'вы шили', rōgat' 'они сверлят' - rōgit' 'вы сверлили'. В отдельных случаях дифференциация основ презенса и имперфекта поддерживается еще и различением гласных первого слога: jālat' 'они живут' - jīlit' 'вы жили', ruad'at' 'они придут' - ruidit' 'вы пришли'.

Лично-числовым окончанием 3 л.мн.числа имперфекта в бабинском диалекте выступает -s⁶⁷, который присоединяется к гласной основе имперфекта с сильной ступенью согласных (сочетаний согласных).

В понятие о глаголе непременно входит отношение к лицу, каково бы оно ни было: известное или нет, действительное или фиктивное⁶⁸. Отношение к неизвестному, т.е. неопределенному лицу, выражается в саамском языке неопределенно-личными формами глагола, которые отдельные исследователи называют формами 4 лица. В качестве таковых они употребляются в "Грамматике эстонского языка" Р.Хармса⁶⁹. На наш взгляд, термин "неопределенно-личные формы" следует считать более удачным, поскольку он полностью отражает суть этих форм глагола, подразумевающих неопределенных деятелей, субъектов. Признание же форм 4 л. неизбежно повлекло бы за собой признание системы глаголов, изменяющихся по четырем лицам, чего в действительности нет. В кильдинском, йоканьгском и диалекте Колтта наряду с личными формами глагола существуют

⁶⁷ В кильдинском диалекте окончанием 3 л.мн.числа имперфекта является -n, см. К е р т Р.М.Саамский язык..., с. 180.

⁶⁸ П о т е б н я А.А. Из записок по русской грамматике. Т. I-2. М., 1958, с. 91.

⁶⁹ Н а г м а R. Estonian Grammar. - Bloomington, 1962, Vol. 49, p. 81.

особые неопределенно-личные формы, имеющие два времени: презенс и имперфект. Формы презенса имеют окончание *-t*, имперфекта *-ä*⁷⁰. В названных диалектах существует то же положение, что и в финском литературном языке, где глаголы имеют формы актива и пассива. Относительно выражения неопределенно-личных форм глагола саамский диалект выделяется из всех кольско-саамских диалектов. В нем не существует особых суффиксально выраженных неопределенно-личных форм, а формы 3л. мн. числа презенса и имперфекта употребляются также и в функциях неопределенно-личных форм глагола: *tuarek namb palma räštät* 'рыбу по-другому пекут', *v a š k šalk mūrī šūr'at* 'Вася говорит: деревья рубят', *jarka jušnef oškš* 'раньше в бога верили', *grūzī vozzīš tālva rohešguim* 'грузи зимой возили на оленях'. Подобное положение существует также в карельском, вепском, водском и в отдельных диалектах финского языка. По мнению Р.Э.Иирви, эти формы в указанных прибалтийско-финских языках возникли под влиянием форм русского языка типа: читают, поют, несут и т.д.⁷¹ Саамоведы объясняют появление неопределенно-личных форм саамского языка влиянием грамматической структуры карельского языка. Э.Итконен полагает, что *-t* саамского языка возникло из *-tah*, *-tāh* карельского посредством апокопы *ah*, *āh*⁷² в формах типа *luažitah* '(они) делают', *vejetāh* '(они) тянут'. В свою очередь *-ä* саамского языка возникло из карельского *-ttih*: *luajittih* '(они) делали', *vejettih* '(они) тянули', в которых ауслутивный *-h* абстрагировался и заместился в саамском языке согласным *-ä*⁷³. На возможное влияние карельского язы-

⁷⁰ Керт Г.М. Саамский язык..., с.199. K o r h o n e n H., M o s n i k o f f J., S a m m a l l a n t i P. Kolansaamen opas..., s.67.

⁷¹ M i r v i R.Э. Passiivimuotojen aktiivistumisesta, - Suomi, 1947, 104, s. 7.

⁷² I t k o n e n E. Suomalais-ugrilaisen kantaikielen äänne- ja muotorakenteesta. - Vir., 1957, 4, s. 4.

⁷³ Ibid., s.4.

ка указывает также распределение сильной и слабой ступени согласных в интересующих нас формах глаголов. Как в карельском, так и в саамском языке формы 3 л.мн.числа презенса имеют слабую ступень согласных, тогда как в формах 3 л.мн.числа имперфекта выступает сильная: кар. lähetäh '(они) пойдут', саам. mēnat '(они) пойдут'; кар. lähettih '(они) пошли', саам. minniš '(они) пошли'.

Категория времени

Грамматическая категория времени в полном объеме представлена в изъявительном наклонении, в котором имеются две простые (презенс, имперфект) и две составные (перфект, плюсквамперфект) формы времени.

Презенс

Презенс не имеет специального морфологического показателя. Отличие презенса от имперфекта заключается прежде всего в основах: презенс имеет гласные основы на -а, -э, -е, имперфект - на -i: öjam 'я ищу' - oisšim 'я искал', oisšar 'мы ищем' - öžim 'мы искали' и др. Надо отметить, что лично-числовые окончания презенса формально также отличаются от соответствующих окончаний имперфекта, за исключением окончаний I и 2 л.ед.числа.

В саамском языке формы презенса употребляются для выражения действия, которое совершается в настоящем времени или будет совершаться в будущем: monn kuagam kammi 'я пишу письма', sonn saŋn min'n'e 'он говорит мне', a maŋŋa monn ruadam tūgarra 'а потом я приду к тебе', mij vüŋŋter' tiiji rändist 'мы подождем вас на берегу'.

Имперфект

В сабинском диалекте саамского языка, как и в прибалтийско-финских языках, признаком имперфекта является -i⁷⁴: juŋkkim 'я пил', juŋgi 'он пил', juŋgim 'мы пили'.

Если сравнивать формы I л.ед.числа презенса и имперфекта, образуемые присоединением единого лично-числового окон-

74 В кильдинском диалекте признаком имперфекта является -ε, см. К е р т Г.М. Саамский язык., с.195.

чания -т, то заметим, что временные противопоставления заключаются в основах презенса и имперфекта (jūgam 'я пью' - juhkkiŋ 'я пил'). Однако если будем сравнивать формы I л.ед. и мн. числа имперфекта, то увидим, что различие этих форм, базирующееся на различии основ ед. и мн. числа имперфекта (juhkkiŋ-jūgiŋ), переходит на сильную и слабую ступень согласных (иногда также и гласных первого слога). Предшествующий лично-числовому окончанию признак имперфекта не принимает участия в различении названных форм глагола. Однако в исследуемом диалекте имеется группа производных глаголов, в которых различие указанных форм осуществляется краткостью-долготой признака имперфекта: moičtiŋ 'я соскользнул' - moičtiŋ 'мы соскользнули', hiebrtiŋ 'я украсил' - hiebrtiŋ 'мы украсили', aštjiŋ 'я обещал' - aštjiŋ 'мы обещали', aīvdīŋ 'я отгадал' - aīvdīŋ 'мы отгадали'. Вызвано это, вероятно, тем, что сочетание трех согласных (в отличие от сочетания двух согласных) довольно трудно различить по количеству, и поэтому краткость-долгота признака имперфекта стала в данных случаях дифференциальной. Если принять во внимание указанные формы глагола, то возникает закономерный вопрос: как трактовать долгие суффиксы. Считать ли их наряду с краткими признаком имперфекта или достаточно таковым считать только краткий -i. Следует, во-первых, отметить, что признание краткого и долгого вариантов признаками имперфекта выглядело бы странным и не находящим аналогий ни в одном из диалектов саамского языка. А во-вторых, что, на наш взгляд, самое главное, краткость-долгота гласного i меньше всего имеет отношение к различению временных форм глагола. Независимо от того, является ли гласный i кратким или долгим, он достаточно четко противопоставляется гласным а, а, i, характеризующим основы презенса. Краткость-долгота суффикса имперфекта служит в данных случаях для различения лично-числовых, а не временных форм. Поэтому нет никаких оснований признаком имперфекта считать долгий и краткий i, достаточно таковым признать лишь краткий.

Следует остановиться на формах 3 л.мн. числа презенса и имперфекта. В первом случае выступает лично-числовое окончание -т, которое присоединяется к гласной основе на а, а.

Появление этого гласного в данной форме глагола несколько необычно, так как по линии множественного числа презенса выступает основа на *ɛ*: *ru̯ɛttɛr* 'мы придем', *ru̯ɛttɛr'p'e* 'вы придете', но *ruad'at* '(они) придут'. Формы же имперфекта 3 л.мн.числа имеют четко выраженные основы имперфекта на *i*, хотя различие названных форм презенса и имперфекта достаточно ясно выявляется из лично-числовых окончаний. Аналогичные формы имеются и в карельском языке. Они в значительной мере схожи с саамскими с точки зрения гласного, предшествующего лично-числовому окончанию, сравни: *ruad'at* '(они) придут', собств.-кар. *luajitah* '(они) делают', *ru̯ittis* '(они) пришли', собств.-кар. *luajittih* '(они) сделали'.

По своему значению имперфект выражает действие, которое происходило или произошло в прошлом и является либо незаконченным, либо законченным: *vuornattij kuddis̃ s̃u̯ i ur̃cis̃* (ME, 134) 'ученики оставили его и убежали', *sonn ri̯ahessa kuog̃ñi, kuog̃ñi* 'он на сосну лез, лез', *min ru̯uttik̃ da̯ t̃in i r̃õ̯im* 'что принес, то мы и съели'.

Перфект и плюсквамперфект

Перфект и плюсквамперфект относятся к сложным временным формам глагола. Они образуются из личных форм презенса или имперфекта вспомогательного глагола *i̯iije* 'быть' и причастия смыслового глагола. Приведем в качестве примера изменение в перфекте и плюсквамперфекте глаголов *t̃i̯ent̃te* 'знать' и *tuije* 'делать'.

Перфект

Ед.число	Мн.число
1 л. <i>iam t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>ier' t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>
2 л. <i>iak t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>ier'p'e t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>
3 л. <i>iie t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>iet' t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>

Плюсквамперфект

1 л. <i>i̯iijim t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>i̯iijim t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>
2 л. <i>i̯iijik t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>i̯iijit' t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>
3 л. <i>iai t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>	<i>i̯iijis̃ t̃i̯ent̃miñs̃, tuijāma</i>

В кольско-саамских диалектах формы перфекта и плюсквам-

перфекта употребляются как в личном, так и в неопределенно-личном значении: *sonn iie(iai) jin pŕŕhtmiŕŕ* 'он уже пришел', *siŕ tŕŕat' makt kŕŕht' iie(iai) tuiŕjamiŕŕ* 'они смотрят, как вежа была сделана'. Другими словами, в боайском диалекте ни в простых, ни в сложных временных формах не существует формального противопоставления глаголов в личном и неопределенно-личном значении. В кильинском диалекте в простых временных формах (презенс и имперфект) такое противопоставление существует, в сложных — нет.

Основным значением перфекта является значение законченного действия в прошлом: *sist iie tuiŕjama mokom sŕni* 'у них также сани были сделаны', *pŕŕŕ iŕm ŕŕŕjema ŕkŕst eiŕ ruohŕjim* 'хорошо сделала, у старухи сына отобрала', *siŕ muohŕtist iie pŕŕhtmiŕŕ* 'они с рыбалки пришли'.

Плюсквамперфект обозначает действие, совершившееся в прошлом, до начала другого прошедшего действия. По этой причине плюсквамперфект употребляется обычно в сложном предложении, в котором выступает другой глагол в форме имперфекта: *sonn iŕŕŕi ŕŕna a sust iŕi eiŕdist tuiŕjamiŕŕ kŕraŕk* 'он сел в сани, а у него заранее была сделана дубинка', *miŕŕ' iŕi tuiŕjamiŕŕ pŕŕt a muŕŕ pŕŕt iŕi kaŕŕŕ pŕŕt* 'у нас был срублен дом, а другой дом был казенный'.

Категория наклонения

В саамском языке имеются четыре наклонения: изъявительное, сослагательное, повелительное и возможностное.

В настоящее время возможностное наклонение во многих диалектах саамского языка употребляется довольно редко, а в некоторых исчезло полностью. Так, в южно-саамских диалектах потенциал имеет только глагол *ia* 'онть'.⁷⁵ В грамматике К. Бергсланда, написанной на материале норвежско-саамского диалекта *Rŕrus*⁷⁶, нет упоминания о возможностном наклонении. В других норвежско-саамских диалектах глаголы в данном наклонении имеют неполную парадигму, за исключением глагола

⁷⁵ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... I, S. 96.

⁷⁶ B e r g s l a n d K. Rŕrus-lappisk grammatikk. Oslo, 1946.

"быть"⁷⁷. В кольско-саамских диалектах возможностное наклонение выступает чрезвычайно редко. Формы потенциала на -и, отмечаемые в каледонском диалекте⁷⁸, в настоящее время почти не употребляются. В йокангском диалекте возможностное наклонение имеет лишь глагол "быть": *leñ^dčaim* (1 л. ед. ч. возм.накл.), *leñ^dčä* (3 л. ед.ч. возм.накл.) (ККХ⁷⁹, 203), *lañčij*, *lañčij* (3 л.ед.ч. возм.накл.) (ОСР⁸⁰, 183). В сабинском диалекте возможностное наклонение в настоящее время отсутствует. На его былое существование указывают материалы Д.Е.Д.Европеуса: *lendachim* 1 л.ед.ч.возм.накл., *lendachik* 2 л.ед.ч.возм.накл., *lendach* 3 л.ед.ч.возм.накл. от *iijje* 'быть'⁸¹. В грамматическом очерке Н.Халаса приводятся формы конъюнктива на -č, -nč, встречающиеся в сабинском диалекте: ...*kon tätvätte*, 'чтоб мы любили тебя', *čobij čijčij sijjit olmu* 'чтобы узнали бы вас люди', *čoboj olmu ko,ččijčij sijjit* 'чтобы люди позвали бы их'⁸². Под термином "конъюнктив" автор очерка понимает, видимо, такое наклонение, которое включает в себя сослагательное, возможностное, волеизъявительное и другие, выражающие субъективное отношение говорящего к действию в противовес изъявительному наклонению⁸³.

И з љ я в и т е л ь н о е н а к л о н е н и е

В саамском, как и в других финно-угорских языках, изъявительное наклонение не имеет своего морфологического показателя. В изъявительном наклонении глаголы изменяются по

⁷⁷ К о г н о н М. Die Konjugation im Lappischen., I, S.98.

⁷⁸ К е р т Г.М. Саамский язык ..., с.200-201.

⁷⁹ I t k o n e n Т.И.Koltan- ja kuolanlariä sanakirja...

⁸⁰ К е р т Г.М. Образцы саамской речи. М.;Л., 1961.

⁸¹ К о г н о н М. Op.cit., S. 123.

⁸² Н а л ä ä з I. Goss-lapp nyelvtany väzlat, 29-30 old.

⁸³ I t k o n e n Э. Kieli ja sen tutkimus..., s.277.

четырем временам, которые рассматривались нами ранее.

Глаголы в изъявительном наклонении обозначают действие как реальное: *monn jālam juŋjist* 'я живу в Ёне', *jarka miŋ siim aŋkeisijaist* 'раньше мы жили в Бабинске', *nijt iie kahtmiš giēhprkin* 'девушка была накрыта платком', *nājb lai monn valtmīš stōlīst* 'он взял со стола нож'.

Сослагательное наклонение

В бабинском, как и в других кольско-саамских диалектах⁸⁴, показателем сослагательного наклонения является *-š*, который присоединяется, как правило, к слабой согласной основе: *kuaršim* 'я смел бы', *fazzšip* 'мы тянули бы', *vizšik* 'ты устал бы'. Если же на стыке морфем появляются три или четыре согласных, употребление которых в бабинском диалекте не принято, то между слабой согласной основой и признаком сослагательного наклонения выступает тематический гласный *i*: *aršičim* 'я попал бы', *tolkjišim* 'он месил бы (тесто)', *koamtīšit* 'они опрокинулись бы'.

В сослагательном наклонении глаголы имеют только два времени. Относительно временной дифференциации в данном наклонении кольско-саамские диалекты не являются равнозначными. И в этом смысле интерес представляют простые временные формы, так как сложная форма перфект является для всех диалектов единой. В кильдинском диалекте простые временные формы образуются присоединением к основе сослагательного наклонения лично-числовых окончаний имперфекта, за исключением форм 3 л.ед.числа, где признак имперфекта отсутствует: *alkšē* 'я начал бы', *alkšek* 'ты начал бы', *algšē* 'он начал бы', *algšēm* 'мы начали бы', *algšet* 'вы начали бы', *algšer* 'они начали бы'.⁸⁵ В бабинском диалекте к основе сослагательного наклонения присоединяются лично-числовые окончания презенса, за исключением опять же форм 3 л.ед. числа, в которых сохраняется признак имперфекта: *rogšim* 'я ел бы',

⁸⁴ К е р т Г.М. Основные сходства и различия..., с.129.

⁸⁵ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.199.

porčik 'ты ел бы', porči 'он ел бы', porčip' 'мы ели бы', porčip'p'e 'вы ели бы', porčit' 'они ели бы'. Временная дифференциация имперфект-перфект, представленная в кильдинском диалекте, является в сослагательном наклонении первоначальной и более древней, чем в бабинском диалекте (презено-перфект). Чем же можно объяснить данное положение в исследуемом диалекте? По-видимому, на это решающим образом повлияли формы I л. ед. и мн. числа, имеющие в имперфекте единое лично-числовое окончание -m. Присоединение этого окончания к основе сослагательного наклонения, являющейся неизменяемой во всех формах лица-числа, вело к совпадению в этом наклонении I л. ед. и мн. числа. При присоединении лично-числовых окончаний презенса эти формы имеют разные окончания: I л. ед. числа -m, I л. мн. числа -p': kuondčim 'я нес бы' - kuondčip' 'мы несли бы'. Впоследствии в парадигме сослагательного наклонения стали употребляться лично-числовые окончания презенса, а не имперфекта. Данный процесс поддерживался, кроме того, тем, что семантика форм сослагательного наклонения подразумевает желаемое или обусловленное действие не только в прошлом, но и в настоящем и будущем: monn řačkličim di jim vjačmiš 'я выстрелил бы, да не смог', monn mēnčim mānssa di zēvki i lja 'я пошел бы в лес, да лых нет'. В кильдинском диалекте осталась старая временная дифференциация, потому что лично-числовое окончание I л. ед. числа имперфекта -m не употребляется, а это же окончание в I л. мн. числа удерживается стабильно, т.е. совпадения форм I л. ед. и мн. числа не происходит.

Наряду с суффиксальным выражением сослагательного наклонения в кольско-саамских диалектах получил распространение аналитический способ. В этих случаях сослагательное наклонение выражается при помощи личных форм вспомогательного глагола "быть" в имперфекте и инфинитива смыслового глагола⁸⁶: monn iijim porre tin jesči mušt' lai rāni 'я съел бы это, если бы у меня были зубы', sij leiijiš ruhtte vuik-kiš iijji garra 'они приняли бы прямо к нам', monn leiijim

⁸⁶ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.200.

vaŋt̥e sust t̥eŋgi 'я взял бы у него деньги'.

Повелительное наклонение

В диалектах саамского языка различают императив I и II, признаком первого является -k, ke ~ Ø, второго -ko ~ Ø⁸⁷. Отметим сразу, что императив II в кильдинском и в боабиском диалектах отсутствует. Его формы отмечались лишь в йоканьском диалекте Д.В.Д.Европеусом⁸⁸. В кольско-саамских диалектах императив получил морфологическое выражение лишь в формах 2 л. ед. и мн. числа.

Формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения выражаются слабой согласной основой глагола, которая может быть твердой или мягкой: šurv 'крикни', maŋ 'иди', vnađ 'спи', vnađd 'жди', tažž 'тяни'. В некоторых случаях, в результате усечения конечных согласных, отдельные формы 2 л. ед. числа императива маркируются гласной основой: ruu (pro: ruuđ) 'приди', ře(pro: řej) 'положи', tie (pro: tied) 'знай' и др. Формы 2 л. ед. числа повелительного наклонения противопоставляются формам 3 л. ед. числа презенса изъявительного наклонения посредством морфологических чередований согласных (сочетаний согласных) и гласных, которые рассматривались нами во II главе.

Признаком 2 л. мн. числа императива в нечетносложных глаголах является -kki⁸⁹: řurkkikki 'свистните', řainikkii 'поднимитесь', vnađjikkii 'поезжайте', vađjikkii 'кройте'. В четносложных, а также в отдельных трехсложных глаголах названного показатель императива отсутствует. У них во многих случаях инфинитив совпадает с рассматриваемыми формами повелительного наклонения: řuđhtta 'прийти, придите', keŋstall̥i 'лгать, лгите', rovtuđš̥i 'работать, работайте', koss̥i 'косить, косите'. Однако формы 2 л. мн. числа императива и инфинитива совпадают не всегда. Различие проявляется

⁸⁷ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen.. I. s. 155-186.

⁸⁸ Ibid., S. 170.

⁸⁹ Данные формы в кильдинском и нотозерском диалектах характеризуются показателем -agke, -egke, в йоканьском -ke

ся в аусляутных гласных либо в гласных первого или второго слога: šoõkĩ 'расчешите' (šoõkẽ 'расчесать'), lüõhtti 'колите' (lüõhtte 'колоть'), viisĩ 'устаньте' (viëssi 'устать'). Следует отметить, что показатель -kki возник из -kke, -kkeδ в результате отпадения конечного спиранта, а затем сужения аусляутного гласного: kki < kke < kkeδ, на что указывают формы императива, встречающиеся в тексте Евангелия: arrestekke (ME,I32) 'сидите', valvedekke (ME,I33) 'бодрствуйте', vuo₁rtlekkeδ (ME,I33) 'подождите'.

Формы I л.мн. числа презенса изъявительного наклонения в отдельных случаях употребляются для выражения побуждения, призыва: vuĩker* šanosa 'пойдем в лес', uĩser* māst 'бежим домой', vuad*jer* vāmas 'послим немного'. В тексте Евангелия обнаружена одна форма I л.мн.числа императива, структурно сходная с соответствующей формой финского литературного языка. В ней к гласной основе присоединяется сначала признак повелительного наклонения 2 л.мн. числа -kke, к которому в свою очередь присоединяется личнo-числовое окончание I л. мн.числа презенса изъявительного наклонения -p*: va₁polekker* (ME,I33) 'пойдите' (сравни: фин. lukekaamme 'прочитаем'). Не исключено, что подобная форма императива возникла под влиянием финского языка. В настоящее время эти формы императива отсутствуют.

В отдельных западно-саамских диалектах формы 3 л. ед.и мн. числа повелительного наклонения образуются суффиксально и в этом случае говорят об императиве II. В кольско-саамских диалектах эти формы образуются аналитически, с помощью слова 'пусть': a₁n man raj mū tat nār 'пусть минует меня эта чаша' (ME,I33), an*n* sij ruad*at* miiji garra 'пусть они придут к нам', an*n* sova sierr mū miefi 'пусть он поиграет со мной'.

Отрицательное спряжение

В саамском, как и в других финно-угорских языках, отрицательные формы глагола образуются с помощью отрицательного глагола, спрягаемого по лицам-числам, и изменяемого смыслового глагола, что является наследием уральского язы-

ка-основы⁹⁰. Отрицательный глагол изменяется по двум наклонениям: изъявительному и повелительному. В кольско-саамских диалектах внутри указанных наклонений отрицание изменяется по двум числам – единственному и множественному: *jim* 'я не', *jik* 'ты не', *ij* 'он не', *jer* 'мы не', *jer'p'e* 'вы не', *je(t)* 'они не', *jei*, *ei* (2 л.ед.ч.повелит.накл.), *jifi* (2 л.мн.ч.повелит.накл.), в западно-саамских диалектах – по трем числам – единственному, двойственному и множественному (диал.Полмак): *im* 'я не', *ik* 'ты не', *i* 'он не', *am*, *am* 'мы двое не', *ar'pe*, *ak'ke* 'вы двое не', *avä*, *evä* 'они двое не', *ar*, *ar* 'мы не', *erpit*, *ekkit* 'вы не', *ai* 'они не'; повелительное наклонение: *allum* (1 л.ед.ч.), *älë* (2 л.ед.ч.), *allus* (3 л.ед.ч.), *äl'lo* (1 л.дв.ч.), *äl'le* (2 л.дв.ч.), *allusakä* (3 л.дв.ч.), *äl'lor* (1 л.мн.ч.), *äl'let* (2 л.мн.ч.), *allusek* (3 л.мн.ч.)⁹¹.

В бабинском, как и в кильдинском диалекте, отрицательный глагол, изменяясь по лицам-числам изъявительного наклонения (с.п. приведенные примеры), присоединяет к себе окончания презенса, а не имперфекта. Лично-числовые окончания единственного числа присоединяются к гласной основе на *i*, окончание множественного числа – к основе на *e*.

В бабинском диалекте лично-числовые формы отрицательного глагола хорошо сохранили *j*-овый англут. В кильдинском диалекте в формах 1 и 2 л.ед.числа отрицание не имеет этого согласного: *im* 'я не', *ik* 'ты не'. Они возникли в результате автоматического отпадения начального *j* (сравни: диал.Полмак *jubmel* – баб. джал. *jum'el* < фин. *jumala* 'бог'). Форма 3 л.ед.числа *ij* 'он не' восходит к **e -je* > **ije* > *ij*⁹², поэтому здесь и не могло быть *j*-ового англута.

⁹⁰ Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка, с.233. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Keuruu, 1968, s. 210.

⁹¹ Корхонен М. Die Konjugation im Lappischen. I, S. 71.

⁹² Bergsland K. Lapin kieltöverbien taivutukset. Vir., 1960, 4, s. 327.

Следует, однако, отметить, что в исследуемом диалекте в результате выравнивания отрицательный глагол 3 л.ед.числа приобретает j-овый аффикс: *je vizz* 'он не устает'.

Отрицательное спряжение в саамском языке распространяется на изъявительное, сослагательное и повелительное наклонения. В изъявительном наклонении отрицательное спряжение имеет три формы времени⁹³: презенс, имперфект, перфект; в сослагательном — две: презенс и перфект, в императиве — презенс.

Формы презенса изъявительного наклонения строятся с помощью лично-числовых форм отрицательного глагола + сласая согласная основа глагола. Приведем для примера отрицательные формы глагола *aŋke* 'начать', *vŋeazi* 'устать'.

Презенс (изъявит.накл.)

Ед.число	Мн.число
1 л. <i>jim aŋg, vizz</i>	<i>jer* aŋg, vizz</i>
2 л. <i>jik aŋg, vizz</i>	<i>jer*p'e aŋg, vizz</i>
3 л. <i>ij aŋg, vizz</i>	<i>jet* aŋg, vizz</i>

В бабинском диалекте слабая согласная основа смыслового глагола часто теряет конечный согласный: *jim tie* 'я не знаю' (<*jim tied*>), *ij rua* 'он не придет' (<*ij ruad*>), *jer* rua* 'мы не можем' (<*jer* ruaj*>).

Отрицательные формы имперфекта изъявительного наклонения образуются из личных форм отрицательного глагола и причастия смыслового глагола.

Имперфект (изъявит.накл.)

Ед.число	Мн.число
1 л. <i>jim aŋkminč, vizzminč</i>	<i>jer* aŋkminč, vizzminč</i>
2 л. <i>jik aŋkminč, vizzminč</i>	<i>jer*p'e aŋkminč, vizzminč</i>
3 л. <i>ij aŋkminč, vizzminč</i>	<i>je(t) aŋkminč, vizzminč</i>

По общим правилам строятся также отрицательные формы в презенсе и имперфекте глагола *iije* 'быть'.

⁹³ В отрицательном спряжении глаголы бабинского диалекта не имеют форм плюсквамперфекта.

Презенс

Ед. число	Мн. число
1 л. jím ía	jer' ía
2 л. jík ía	jer'p'e ía
3 л. éí ía	jā ía

Имперфект

1 л. jím íaíma	jer' íaíma
2 л. jík íaíma	jer'p'e íaíma
3 л. éí íaíma, éí íam, éímiš, éímiñč, éima	jeímiñč, jeímiš, jeí íamiš

Своеобразную фонетическую переработку получили формы 3 л. ед. и мн. числа презенса и имперфекта. В формах ед. числа произошло, во-первых, расширение начального гласного отрицательного глагола ($i > \varepsilon$, $e > a$), во-вторых, конечный j отрицания полностью ассимилировался последующим i , на который начинается глагол "быть": $ij_ía > éí_ía$, $ij_íaima > éí_íaima > éí_íam$. Формы $éímiñč$, $éímiš$, $éima$ представляет собой стяженные формы отрицания, возникшие соответственно из $éí íemiñč$, $éí íamiš$, $éí íaima$. С позиции синхронного описания в отрицательных формах презенса еще сохраняются конструкции отрицательный глагол + глагол "быть" ($éí_ía$, $jā_ía$). В имперфекте же указанные сочетания разрушились, если иметь в виду формы $éímiñč$, $éímiš$, $éima$ (3 л. ед. ч.), $jeímiñč$, $jeímiš$, $jeímiš$ (3 л. мн. ч.), в которых к своеобразно оформленным отрицаниям в виде $éí$, $éim$ (ед. ч.), $jeí$ (мн. ч.) присоединяется суффикс причастий на $-miñč$, $-miš$, $-ma$.

Отрицательные формы перфекта изъявительного наклонения образуются из отрицательных форм презенса вспомогательного глагола $íiíje$ и причастия смыслового глагола.

Перфект (изъявит. накл.)

Ед. число	Мн. число
1 л. jím ía ałkmiñč	jer' ía ałkmiñč
2 л. jík ía ałkmiñč	jer'p'e ía ałkmiñč
3 л. éí ía ałkmiñč	jā ía ałkmiñč

Как уже отмечалось, в сослагательном наклонении отрицательное спряжение глаголов имеет две временные дифференциации: презенс и перфект. Отрицательные формы презенса сослагательного наклонения образуются из личных форм отрицания и основы сослагательного наклонения спрягаемого глагола.

Презенс (сослаг. накл.)

Ед.число	Мн.число
1 л. jīm algči	jer' algči
2 л. jik algči	jer'p'e algči
3 л. ij algči	je(t) algči

Отрицательные формы перфекта сослагательного наклонения образуются из отрицательных форм презенса сослагательного наклонения глагола *īiije* 'быть' и причастия смыслового глагола.

Перфект (сослаг. накл.)

Ед.число	Мн.число
1 л. jīm īīči aļkmīnč	jer' īīči aļkmīnč
2 л. jik īīči aļkmīnč	jer'p'e īīči aļkmīnč
3 л. ij īīči aļkmīnč	je(t) īīči aļkmīnč

В образовании отрицательных форм повелительного наклонения участвуют личные формы отрицания в презенсе повелительного наклонения: *jeī*, *ēī* (2 л.ед.ч.), *jīīī* (2 л.мн.ч.). В бакиском диалекте, как и в кладиском, имеются формы только 2 л.ед. и мн. числа, которые образуются с помощью указанных отрицаний в повелительном наклонении плюс основы согласной основы смыслового глагола: *jeī riag* 'не плачь', *ēī zījn* 'не смейся', *jeī tuj* 'не делай', *jīīī zūg* 'не грешите', *jīīī vījd* 'не выходите', *jīīī zir* 'не играйте'.

ГЛАВА IV. ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА

В отличие от финитных, или спрягаемых форм глагола, инфинитные формы не имеют категорий лица-числа, времени и наклонения. В саамском языке к инфинитным формам относятся: инфинитив, причастие, герундий, вербальный абессив и отглагольное имя действия. Для того чтобы решить, какие формы глагола следует относить к инфинитным, необходимо, по мнению М. Корхонена, обратиться к пяти критериям: морфологическому, функциональному, синтаксическому, семантическому и критерию продуктивности¹.

Морфологический критерий подразумевает связь однозначной вербальной морфемы с инфинитной основой. Так, например, в причастиях законченного и незаконченного действия можно усмотреть временные противопоставления настоящего и прошедшего времени: *jammi* 'умирающий' — *jammiŋ* 'умерший'.

Функциональный критерий применим в тех случаях, когда инфинитная форма выступает как структурный элемент финитной формы. Так, например, причастия законченного действия выступают компонентом сложных временных форм: *iám riđhtmiŋ* 'я пришел', *vonn iie juđmiŋ* 'он выпил'.

Наиболее надежным и общепринятым для выделения именных форм глагола является синтаксический критерий. Инфинитные формы должны иметь типичные синтаксические особенности глагола: требовать постановки зависимых от них слов, выступающих в качестве дополнений или обстоятельств места, времени и образа действия: *su je vađtmij viŋsa* 'ее не взяли в лодку'. В приведенном примере отрицательная форма имперфекта строится посредством отрицательного глагола *je* и причастия законченного действия *vađtmij*, которое имеет прямое допол-

¹ K o r h o n e n P. Die Konjugation im Lappischen. Morphologisch-historische Untersuchung. II. Die Nominalen Formkategorien: Hki, 1974. — 227 S. — (MSFOu; 155), S. 9–49.

нение *vũ* и обстоятельство места *vũsa*. Именные формы глагола выделяются в общем языкознании, в частности в грамматиках финского и венгерского языков, с учетом, главным образом, синтаксического критерия.

Важным признаком выделения именных форм глагола считается семантический критерий, исходя из которого отношение значения именной формы глагола к его основе есть величина постоянная. Функция флексивной морфемы точно отграничена независимо от того, к какой основе она присоединяется. Значение же словообразовательной морфемы может сильно колебаться, и производные могут в семантическом отношении далеко отойти от основного значения глагола, например, норв.-саам. *šal'le* 'пишущий' - *šal'le* 'писатель, секретарь' (nomen actionis), фин. *kantama* (причастие агента) в предложении *miehen kantama taakka* 'мужчиной-несомая ноша' и *kantama* (nomen actionis) в предложении *ruusu kantama* 'дальность выстрела'².

Без сомнения, важным критерием разграничения инфинитивных форм глагола и производных, образованных с помощью словообразовательных суффиксов, является критерий продуктивности. В принципе любой спрягаемый глагол может иметь инфинитивные формы, если только суффикс обладает продуктивностью. И даже если некоторые именные формы употребляются редко или вообще не используются в речи, они все равно могут создаваться в родном языке и будут восприниматься грамматически правильными. И, наоборот, если флексия непродуктивна, то искусственно созданные формы совершенно не воспринимаются. Так, например, в кольско-саамских диалектах непродуктивным является инструменталь I герундия. Он образуется только от глагола *vañ'se* 'идти' - *vañ'neñi* 'пешком', от других глаголов эти формы воспринимаются как неестественные.

В отдельности каждый критерий вряд ли сможет вполне оправданно отграничить инфинитивные формы от производных глаголов. Комплексное использование всех критериев разре-

² K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 13.

шает этот вопрос достаточно надежно.

Инфинитив

Инфинитив, или неопределенно-личная форма, является словарной формой глагола. Он отвечает синтаксическому критерию тем, что получает дополнения или обстоятельства. О принадлежности инфинитива к инфинитивным формам свидетельствуют также семантический, функциональный и критерий продуктивности. Характер инфинитива ничего не изменяет в значении его, функции инфинитива одинаковы независимо от глагола. Формы инфинитива можно образовывать от всех глаголов, за исключением отрицательного глагола *ij* 'нет'. С позиции функционального критерия вербальность инфинитива выражается в том, что он выступает как часть сложной формы, образующей сослагательное наклонение.

Инфинитив называет действие безотносительно к лицу-числу, времени и наклонению. Показателем инфинитива является *-e* (*-e*): *vaŋŋe* 'взять', *jiŋŋe* 'жить', *suhkke* 'грести', *suaŋŋe* 'свататься'. Первоначально признаком инфинитива были *-et*, *-ed*, *-eδ*, которые сохранились в тексте Евангелия: *porret* (ME, I30) 'есть', *varned* (ME, I23) 'рассказать', *jaŋmed* (ME, I32) 'умереть', *tujjeδ* (ME, I25) 'делать'. В данном случае произошло отпадение конечных согласных: *-et*, *-ed*, *eδ* ≥ *ε*. Признак инфинитива с конечным согласным довольно устойчиво сохраняется в йокангском и отчасти в нотозерском диалекте, в кильдинском он выявляется либо в виде сверхкраткого спиранта, либо полностью отсутствует: *viŋked* (нот.) 'снести', *piŋked* (йок.) 'плясать', *zāŋŋe* (кильд.) 'достать', *nieŋke* (KKSK, 300) 'моздрить'.

По своему значению и употреблению инфинитив саамского языка соответствует краткой форме I инфинитива и иллативной форме III инфинитива финского литературного языка: *sonn āigi ruhsse* 'он стал болеть' (фин. *hän alkoi potea*), *mij ruidiim porra* 'мы пришли есть' (фин. *me tulimme syömään*).

В бабинском диалекте саамского языка инфинитив употребляется в следующих сочетаниях:

1) с личными формами глагола, выражающими начало или побуждение к действию, физическую возможность, психические переживания: *Isus alg̃tiȝ sarñəd ol̃m̃ə₁t* (ME, I23) 'Иисус стал говорить людям', *monn ālgam sū swa₁ŋȝe* 'я стану к тебе свататься', *sij vūijīš kōn'di šijfe* 'они пошли охотиться на диких оленей', *ān'n' monn tātam suhkke* 'теперь я хочу грести', *sonn ij vua va₁n'ce* 'он не может идти', *mij jēr' tust suhkke robba garra* 'мы не смеем грести в сторону медведя', *vūšs̃ ij vua tiērra* 'теленос не может бежать';

2) с модальным глаголом *gīkke* 'надо, нужно': *ten-det tu₁nne gē₁lke₁leaj o₁ntet mu silp kavpjazit* (ME, I30) 'по-сему надлежит тебе отдать серебро мое торгующим', *lešs̃i mu₁nne gaagēš i jammed tuȝn* (ME, I32) 'хотя бы надлежало мне умереть с тобой', *mun'n'e gīk javv₁ va₁te* 'мне надо муки взять', *sun'n'e ij gīa(k) vū₁ke māhssa* 'тебе не надо идти в лес';

3) с прилагательными: *īht hierg̃ īai rūšs̃ vuo₁je* 'один олень был хороший для езды', *rohcsigim si vuo₁je* 'на оленях хорошо (букв. хороший) ездить'.

4) с личными формами имперфекта вспомогательного глагола *īijje* 'быть' инфинитив выражает сослагательное наклонение: *i monn ko₁s puttīm, lejīm va₁lte išs̃an* (ME, I30) 'и я пришел получил бы мое с прибылью', *šh̃sam jannam īeijīš ruht- te māst dak sij īeijīš ruhtte vūikkīš miijī garra* 'если бы отец, мать вернулись, то они пришли бы прямо к нам', *īeijīm tiēhtte kūšs̃ īe riehp̃pik dak īeijīm ko₁ne sū* 'знал бы где платок, нашел бы ее'.

Причастные формы

Причастия являются именной формой глагола, заключающей в себе признаки глагола и прилагательного. В саамском языке глагольным признаком причастий является признак законченности или незаконченности действия: *vuaddi* 'спящий' — *vūā-dmīnč* 'проспавший'. Подобно глаголу причастие требует постановки в соответствующих формах зависимых от него слов, выступающих как дополнение или обстоятельство: *tā₁va vānaw kuēī īai soldamā* 'на зиму мало рыб засолено', *sonn īe vūjtmīš o₁gas* 'он вышел на улицу'. Как и прилагательные,

причастия выступают в роли определенных: *šieris kuormis* сум-
ка 'веревкой привязанная сумка', *riehkin kántmš nšt*
'платком накрытая девушка'.

Причастия на -i

По своему характеру причастия на -i являются активными причастиями незаконченного действия: *kammi kuarri nazzan* 'каньти шькая женщина', *kuadist vuaddi kelaš* 'в веке спящий старик'. Подобные причастия характерны для всех кольско-саамских диалектов: *kišš logei rašš* (нот.) 'книгу читающий парень', *kašš* kon'tei mešla* (лов.) 'зверя убивающий охотник', *sarn'ii ommi* (йок.) 'говорящий человек'⁴.

С точки зрения синтаксических связей причастие незаконченного действия имеет ту особенность, что дополнение может выступать в номинативе единственного, в accusative единственного и множественного числа⁵. М. Корхонен отмечает, что первый компонент конструкции типа *kušš-vuadai-aijaš* 'рыбу удлив человек', по мнению информантов, может быть лишь в номинативе единственного числа, но не в accusative⁶. Появление accusativных форм в кольско-саамских и финско-саамских диалектах объясняется влиянием соответственно русского и финского языков⁷.

В исследуемом диалекте суффикс причастий незаконченного действия -i возник из -ij в результате отпадения конечного согласного, на что указывают материалы Евангелия: *jil-lij* (МЕ, I38) 'живущий', *jammij* (МЕ, I38) 'умирающий', *po-ko-lij* (МЕ, I39) 'правящий, правитель'. Причастия на -i употребляются в качестве определителя, не согласуясь с определяемым словом ни в лице, ни в падеже: *mänd el lai pulš i murr* 'на земле лежало горящее дерево', *kušš šišš o-*

⁴ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.205-206.

⁵ Там же. с.274.

⁶ К о р х о н е н М. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 21.

⁷ К о р х о н е н М. Jokdatus lapin kielen histori-
aan..., с.300.

miñč ľai viñzišt 'рыбу ловящий человек был в лодке'.

В саамском, как и в других кольско-саамских диалектах, причастия незаконченного действия активно переходят в имена прилагательные и существительные: *puŋŋi kiedŋ*, *čai* 'горячий камень, горячая вода', *jamŋi* 'покойник', *juŋki* 'пьяница'. Функционально причастия на -i соответствуют активным причастиям на -va, -vŋ и именам действующего лица на -ja, -jŋ прибалтийско-финских языков. К последним они восходят исторически.

Причастия на -ma, -m, -miñč (-miñč), -miš (-miš)

Причастия на -ma, -m (последний возник в результате оглушения конечного гласного, т.е. *ma > m*), -miñč (-miñč), -miš (-miš) являются причастиями законченного действия и употребляются в составе аналитических временных форм перфекта и плюсквамперфекта, а также в составе отрицательных форм имперфекта: *puñzišt vmaŋŋeš pŋi ľi čohra* 'у оленя левое ухо надрезано', *taŋi pŋŋht ľai koŋta* 'там невод был подвешен', *juŋka mišt saŋar eiŋama* 'раньше у нас не было сахара', *zišt ľie tuijamŋiñč kŋŋht* 'у них сделана вежа', *sona ľai pŋŋhtmiñč miŋi garra* 'он пришел к нам', *zŋ je vaŋtmiš viŋŋa* 'ее не взяли в лодку', *mona jim kaŋn tuijamŋiñč tiŋi niŋi* 'я не сделал вам ничего плохого'.

Показатели -miñč (-miñč), -miš (-miš) являются алломорфами. Вариант -miš (-miš) возник в результате денасализации, а также перехода конечной аффрикаты в шелевой шипящий.

В финском литературном языке причастия законченного действия имеют активную и пассивную формы (*olen suŋnut* 'я стал', *on suŋtu* 'следовало'). В кольско-саамских диалектах причастия на -ma, -miñč выполняют те же функции: *sč iŋ včŋŋka* 'отец не пошел' (сравни: фин. *isä ei lähtenyt*), *pŋŋht ľai koŋta* 'невод был подвешен' (фин. *puotta on ripustettu*), *sona ľai pŋŋhtmiñč* 'он пришел' (фин. *hän on tullut*), *zŋ je vaŋtmiš* 'ее не взяли' (фин. *hän ei otettu*).

Э. Птконен высказал предположение о том, что в прасаамском суффикс причастия -ma присоединяется только к четному слогу слова, а -miñč - к нечетному⁵. Дискусируя этих алло-

⁵ П т к о н е н Э. Das Perfekt des Partizips im Lappländischen. - *МФРО*, 1950, 98, с. 294-295.

морфов в восточно-саамских диалектах в целом подтверждает это предположение: *solđa-ma* 'засоленный', *jē-la-m(a)* 'живший', *vuol-ka-m(a)* 'ушедший', *ruoh-ta-ma* 'пришедший', *kuļ-miś* 'слышавший', *riĵ-miś* 'положивший', *vuajŋ-miñč* 'видевший', *kaht-miś* 'накрывший'. Следует, однако, отметить, что в бабинском диалекте тип слога перестает играть первоначальную роль. К четному слогу могут присоединяться оба алломорфа: *riõhtama* и *riõhtmiñč* 'пришедший', *šõhrama* и *šõhrimiñč* 'рубивший', *tuĵama* и *tuĵamiś* 'делавший'. К нечетному слогу суффикс *-ma* не присоединяется и, таким образом, наблюдается обобщение суффикса *-miñč*, *(-miñč)*, *-miś*, *(-miś)*.

В суффиксе *-miñč* (*-miñč*) налицо два элемента: *-m* и *-iñč*, *-iñč*, первый из них восходит к суффиксу отглагольных имен *-m* (*<ma/mä*) , второй - к деминутивному суффиксу *-iñč*, *-iñč*, который в свою очередь возник из *-ŋse*⁹.

В бабинском диалекте причастия на *-miñč* (*-miñč*), *-miś* (*-miś*) активно употребляются в качестве адъективного атрибута: *jałmiś ołmiś* 'умерший человек', *fastimiś hieŋg* 'запряженный бык', *šõhrimiñč muŋg* 'срубленное дерево', *kiõgmiś viška* 'привязанная сумка'.

Причастия на *-ma* выступают только в сложных временных формах и в составе отрицательных конструкций в имперфекте. Употребление их в качестве адъективного атрибута не обнаружено, что, вероятно, говорит о слабой функциональной нагруженности этих форм и вытеснении их причастиями на *-miñč* (*-miñč*), *-miś* (*-miś*).

Герундий на *-men* (*-men*)¹⁰

Герундий на *-men* (*-men*) широко распространен в диалектах саамского языка. Как считают многие исследователи, герундий относится к инфинитивным формам. Такие примеры, как

⁹ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan..., s.301.

¹⁰ В исследованиях по западно-саамским диалектам его называют II герундием, поскольку существует I герундий на *-ddiin*, *-dēddiin*; см. F o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen...II. S.23-25.

miänslä leiĵiä kōn'di äiffimen 'охотники охотились за ди-
кими оленями', kalsiä lai vār kehtmen 'старик варил суп',
достаточно наглядно свидетельствуют о синтаксических свой-
ствах герундия. В приведенных примерах формы герундия уп-
равляют дополнениями: kōn'di (ген.-акк.мн.ч.) 'дикими оле-
нями', vār (ген.-акк.ед.ч.) 'суп'. Герундий на -man'(-men')
довольно продуктивен, с ним, видимо, не связаны какие-либо
семантические исключения.

При личных формах глагола iijje 'быть' он выражает
длительность действия: aĥsam lai juuŋsi juoätmen 'отец
ставил зимние сети (букв. был в ставлении), olmiä ruidi, a
sonn jeiffimen eiffa 'человек пришел, а он неживой' (букв. в
жизни нет), sij vuoddattiä raj nuhtmen 'они всегда хо-
дили неводить' (букв. в невождении), monn leiĵim kuaf äiffi-
men 'я был на рыбной ловле' (букв. в ловлении). В дан-
ных случаях герундий функционально соответствует инфинитивным
формам III инфинитива финского языка: olin suömässä, ruuti-
mässä, käymässä 'я ел', добывал, ходил'.

Герундий на -man'(-men') может передавать также со-
путствующее одновременное действие: min tonn niggiä vuad-
men kuadiet 'что ты видел во сне, проспав я же', mäst
van'smen' jehneä kōnni nield 'шагая обратно, мать (ее) на-
шла дочь'.

С глаголами "видеть", "слышать", "замечать" герундий
употребляется в качестве предикативной части объектного пред-
ложения-эквивалента: sonn küli rätsä olumen 'он услышал
вой волков', ollosma vaujniä näzän vuadmen 'мужчины
обнаружили женщину спящей', anjenč rajest ujnvette olmi
eik iätmen (ME, I34) 'отныне узрите сына человеческого си-
дящего', i kovnaä sijjit noämen (ME, I33) 'и находят их
спящими'.

Исторически герундий восходит к эссивно-локативной фор-
ме отглагольного имени на -ma, mä^{II}, т.е. ma, mä + n' >
man'.

Вербальный абессив

Относительно места вербального абессива среди ученых нет единого мнения. Он не отвечает требованию синтаксического критерия, т.е. не имеет дополнений и обстоятельств. В исследованиях К.Бергсланда¹², И.Халаса¹³, Г.М.Керта¹⁴ вербальный абессив не считается глагольной формой в силу названных причин. В этих диалектах зависимые слова не встречаются даже в тех случаях, когда вербальный абессив по своему синтаксическому положению и мог бы их получать. То же самое можно сказать и о бабинском диалекте, в текстах которого мы не обнаружили употребления глагольного абессива с дополнением или обстоятельством. Однако при устном опросе выяснилось, что предложения типа *volla vuáji máns* (ген.-акк. ед.ч.) *kejiáanna* 'он пошел, не спросив об оплате' вполне возможны и синтаксически правильно оформлены. Подобное положение наблюдается в диалекте Колтта, Инаря, Луле, норвежско-саамском¹⁵. Помимо этого, вербальный абессив отвечает критерию продуктивности: он образуется от подавляющего большинства глаголов. На основании синтаксического критерия и критерия продуктивности считаем вполне возможным рассматривать глагольный абессив в качестве инфинитивной формы глагола.

В бабинском и нотозерском диалектах показателем глагольного абессива является *-áanna*, *-fáanna*, в йоканьгском *-keanna*, *-keann*, в кильдинском *-xanna*.

Вербальный абессив выражает действие, без которого совершается действие основного глагола: *ái viki rokáanna* 'не ходите не поев', *ij vua jelle juktanna* 'нельзя жить без воды (букв. не пив)', *sonn máni suarje šoušafanna nled* 'он пошел свататься не любя девушку', *põreap lešši ten olmeže*

¹² B e r g s l a n d K. Roros-lappisk grammatikk. Oslo, 1946.

¹³ H a l á s z I. Orosz-lapp nyelvtany vázlat, 43 old.

¹⁴ К е р т Г.М. Саамский язык..., с.211.

¹⁵ K o r h o n e n M. Die Konjugation im Lappischen... II. S. 26.

šendekeanna (ME.132) 'лучше было бы этому человеку не родиться' (букв. быть не рождаюсь).

Суффикс вербального абессива связывается с функционирующей в западно-саамских диалектах усилительной частицей -gân, -gânnâ, -gân(a), -gân, которая употребляется в отрицательных предложениях: iđ lah mæn gâp štuore 'это ни в коем разе не большое'¹⁶. И.Халас отмечает, что в шведско-саамском отрицательный глагол может отсутствовать в таких предложениях и, таким образом, усилительная частица берет на себя абессивную функцию¹⁷. В свою очередь усилительная частица была, вероятно, заимствована из прибалтийско-финских языков, на что указывают в частности северно-карельские говоры: kenenkänä kekšimättä, kunkana havattšomatta 'никем не придуманный, никем не замеченный', šitä ei mifeinkänä hũđ voija lšütüä 'они это никак не могут найти', šanottih, jotta mukka ei ketänä haitannun 'говорили, что будто бы никому не мешал'¹⁸.

Отглагольное имя действия

Функционально отглагольное имя действия выражает название действия. В бабинском диалекте оно характеризуется суффиксом -ш: rogtuš 'еда', šuhrš 'рубка'(дров), vuoijš 'езда', sšhsš 'крашение'.

Отглагольное имя действия сохраняет промежуточное положение между именем и глаголом. Как имя оно выступает в функции определения: mišt' iai hšukšim_bogrtuš_küšš 'у нас была соленая рыба' (букв. сырой съедаемая рыба), oššje ruk šahkkiš sšhsš šompa 'одежду всю закидали в котел для крашения сетей', mišt' iai vuoijš hšēš 'у нас был ездовой олень'. Подобно именам отглагольное имя действия сочетается с послелогам: (šuejn_kossim_baššist miđ šššim vānaš 'во

¹⁶ K o r h o n e n M. Johdatus lapin kielen historiaan..., s.296.

¹⁷ Ibid., s. 296-297.

¹⁸ Karjalan kielen sanakirja. Osa 2. - Hki, 1974. - (LSFU; 16, 2), s. 44.

время сенокоса мы рыбачили мало', *aij jifiiš kaifeš puehtim rajja* 'они жили до прихода мужей'), а также выступают в форме локатива единственного числа для выражения действия, выполнение которого прекращается (*olmolma pūittij mūrj šuhr-mist* 'люди пришли с заготовки дров', *jallam šhšam pūittij dūhtmist* 'отец, мать пришли с невоженья').

Аналогично глагоду отглагольное имя действия выступает в функции причастия-агента: *palttaz koddim ruaz* 'волком убитый олень', *pārni šuškim etuoī* 'детьми накрываемый стол'. Как и глагол, исследуемые формы имеют при себе прямые дополнения, находящиеся в препозитивной позиции: *kuai* (ген.-акк.ед.ч.) *šifim paikišt lai jenni olmi* 'на месте рыбной ловли было много людей', *ān'n mūrj uszim zaijist šia robba* 'сейчас на месте сбора ягод нет медведя'.

Следует отметить, что многие имена действия полностью субстантивировались и стали обозначать орудие действия: *rozzim* 'дудочка' (*rozza* 'дуть'), *razzim* 'корыто' (*razza* 'мыть'), *pāškim* 'скребок для мездрения' (*pāškē* 'мездрить').

Заключение

Анализ фонологической и морфологической структуры бабинского диалекта саамского языка показывает, что в нем существуют черты, присущие как кильдинскому диалекту, так и диалекту Колтта.

Бабинский и кильдинский диалекты сближают следующие общие признаки:

- сочетания носовых с глухими смычными (ηk , nt , np , nc , $n\check{s}$). В диалекте Колтта назальный согласный отсутствует;
- сочетания носовых со звонкими смычными (ηg , nd , nb , $n\check{z}$, $n\check{j}$), которым в Колтта соответствуют звонкие геминаты (gg , dd , bb , zz , $\check{z}\check{z}$);
- распространение признака твердости-мягкости на все согласные, за исключением \check{s} , \check{z} , не имеющих твердых коррелятов. Согласные t , d , n коррелируют, кроме того, по признаку "полумягкости";
- существование долгих согласных фонем, которые в бабинском диалекте могут быть только первыми компонентами сочетаний двух согласных ($\check{X}u$), в кильдинском же — и первыми ($\check{X}u$), и вторыми ($x\check{u}$). В диалекте Колтта указанные долгие согласные считаются позиционно обусловленными;
- отсутствие противопоставления гласных единственного и множественного числа существительных. В диалекте Колтта такое противопоставление проходит по всем падежам, кроме комитатива;
- отсутствие форм генитива единственного числа существительных на $-u$, а также глаголов с основой имперфекта на $-u$, которые имеются в диалекте Колтта;
- отсутствие двойственного числа. Дуализм функционирует в языке сонгельских саамов;
- существование едних притяжательных суффиксов;
- существование причастий на $-i$, $-ma$, отглагольного име-

ни действия, герундия на -man' ;

Признаки, которые сближают диалекты бабинский и Колтта:

- существование гласной фонемы /a/ и согласных фонем /u, ü/, отсутствующих в кильдинском диалекте;

- насыщенность дифтонгами (в бабинском диалекте их насчитывается 23 единицы, в Колтта - 18, в кильдинском - 8);

- отсутствие глухих сонантов, имеющих в кильдинском диалекте;

- существование единых чередований интервокальных смычных взрывных: $hp \sim b$, v ; $ht \sim d$; $hk \sim g$. В кильдинском диалекте чередования имеют иную природу: $Br \sim b$, $Dt \sim d$, $GK \sim g$;

- чередование первого компонента сочетаний согласных k , $\bar{x} + a, \bar{a}, t, c, \bar{c}$ с неслоговым /u/, тогда как в кильдинском диалекте на его месте выступает /v/ ([ʋ]);

- существование единых гласных основ личных местоимений ($m\bar{u}$ -, $t\bar{u}$ -, $a\bar{u}$ -), в кильдинском диалекте - moa -, toa -, soa -;

- наличие единых грамматических флексий:

- а) падежно-числовое окончание генитива множественного числа -i. В кильдинском диалекте данный падеж имеет нулевую флексию;

- б) окончание абессива -ta (в кильдинском диалекте -ха, -xta);

- в) признак косвенных падежей, а также признак имперфекта -i (в кильдинском диалекте -c).

В бабинском диалекте, однако, имеются специфические признаки, не находящие отражения ни в кильдинском, ни в диалекте Колтта:

- сравнительно большое количество дифтонгов и трифтонгов;

- четкое противопоставление кратких и долгих гласных первого слога. Во втором слоге по краткости-долготе противопоставляются \bar{a} и i ;

- наличие чередований сочетаний согласных, первый компонент которых чередуется по квантитету, второй - по глухости-звонкости ($\bar{x}y \sim xy$);

- различие основ единственного и множественного числа комитатива относительно представленных в них ступеней со-

гласных. В кильдинском диалекте и диалекте Колтта падежно-числовые окончания комитатива присоединяются к единой основе (слабой);

- совпадение генитива и аккузатива в едином падеже - генитиве-аккузативе;

- существование форм датива-иллатива единственного числа указательных и вопросительных местоимений на -k, отсутствующих в кильдинском диалекте и диалекте Колтта;

- отсутствие грамматически выраженного противопоставления личных и неопределенно-личных форм глагола в презенсе и имперфекте, что имеет место в кильдинском диалекте и диалекте Колтта. В бабинском диалекте, как и в отдаленных прибалтийско-финских языках, формы 3 л.мн.числа презенса и имперфекта употребляются одновременно в функции неопределенно-личных форм глагола. В данном случае налицо влияние карельского языка.

В бабинском диалекте имеются, таким образом, черты, присущие кильдинскому диалекту и диалекту Колтта, а также специфические особенности, характеризующие бабинский диалект. Все это позволяет нам говорить о том, что в целом бабинский диалект является переходным между кильдинским и диалектом Колтта.

ОБРАЗЦЫ ТЕКСТОВ НА БАБИНСКОМ ДИАЛЕКТЕ

Приводятся тексты на исследуемом диалекте, записанные на магнитную пленку и расшифрованные с использованием упрощенной финно-угорской транскрипции. При расшифровке были учтены индивидуальные особенности произношения информантов. Переводы на русский язык максимально приближены к текстам на саамском языке. Записи были произведены во время лингвистических экспедиций в п.Ена Апатитского района Мурманской области в 1971-1974 гг. от следующих информантов:

Сергеев Федор Романович, 1924 г. рожд. (текст 1);

Сергеев Денис Константинович, 1907 г. рожд. (тексты 2,3,4,5, 6,7);

Мотникова Федосья Михайловна, 1910 г. рожд. (текст 8);

Сергина Мария Прокофьевна, 1925 г. рожд. (текст 9);

Черных Ирина Кузьминична, 1905 г. рожд. (тексты 10,11).

1. ti košt' jīlī

- tiedak v a t t a r r o m m a n a īk košt' jīlīš
jarka sām kassa?

- fassa ti košt' jīlī / mūmtam jāurin' jīlī // k a n d -
i s j ō ū r i s t' jīlī s i r k i k a s s i š // sonn tun'de-
cin' jōūr jīlī // a maṇṇa jīlī k a n' d i s j ō ū r i s t /
sij čuo m e s t tože kassa jīlī¹ // maṇṇa lei jīš va
čuaīm jāūr // č u a i m j ā ū r i s t' / tok jik v u a j / t i n
raija / č a i m t i n d a r a i j a / t i t s u a a j m i n t a s
s i r k i j o u g r i š jīlī // a s a m j j č u o i m t i n -
d a s j i l i š k ō u m a s / k ō u m v i l i j i l i š / j ā r s i j m
ō h n a s l a i i l ē ū k // t' a l a s t' ā k i š t o l i j / t i t
l ē ū k ā k i š l i / s i r k i k a s s i n i j d t // maṇṇa p a j -
č o a i m j ā ū r i s t t o B j i l i š t o ž e t o B j i l i j ā r -
s o m // j ō r m p o r o g l a i m o k o m / n u i ā n n i t o B //
t o B i t i n d l i t o B i n v i r t k u a i s i l i š // maṇṇa p a i j e t o B k a -
j ā ū r // t o B j i l i d e n n i s a n / s ū r r u o d j i l i š //
s i s t l a i k o s t i n l a i / v i l i š a s j i m m o s t / j i l i š k ō -
j ō ū r i s t' // a m a ṇ ṇ a p ē r i n ō j ō ū r i s t t a B
t u ā i v j ā ū r i s t. j i l i p ē t r i š / l ū h k p e t -
r i š j i l i // t o ž e k a s s a j i l i t o B // a v ū ē i i p i e r i n ō -
j ō ū r i s t l ā r s a m m e n k i r G u a d i s i s t //
a p ā j č u i m j ā ū r i s t t o B f ō k j i l i // v i r t -
č u o m i s t f ō k j i l i // a m a ṇ ṇ a ē v e r i s t' / t o b j i l -
i š r o m m a n // a v ū n d a s j ō G e s t j i l i f e -
d o s j i m i x ā n n i j ā k s i j // maṇṇa t i s t' t ē r e n -
t i j i l i ē v e r i s t' // m i t r i j i l i ē v e r i s t /
i r i š k k a i l e s / k u g a n n i j a n n .

¹ pro jīlīš

2. hiäsi i vüämp

jarka lei₂jis / t₂älest^{*} / sämaä čelkiš / hiäsi i vüämp¹ /
väh'čes säma kōn'd^{*}at^{*} / labo ōama // da valttiš tom / grā-
bat^{*} ōumat^{*} / mēnda ōs₂ji D'am / i kōn'd^{*}at^{*} a lai ixt //
ji₂l₂iš s₂¹ kuodist / labo tam pi₂rt lai // a tik sisäi pū₂t-
tis / ōm₂zitti t₂it kuox₂tlogg₂ ōm₂zitti // a si₂j₂ta tittiš sū /
ji₂wtinč // čelgat^{*} / nu ji₂wtinč / vēd mi₂je košt^{*} i₂ si₂jd₂ //
ji₂wtinč čalk / mō²vēgam v₂insin^{*} // i kassa pū₂ttiš // sonn
kuoDD^e v₂insa pi₂ji si₂ji / i v₂u₂l₂gi su₂ggē // sūkkiš sūkkiš
sūkkiš // pū₂idi jonn sū₂am^a // lai čāxča // su₂mu ji₂wtinč
pū₂odt // ū₂das / jim vuo₂lk vi₂gkē / a₂kēp^{*} t₂älest^{*} vū₂odDē /
su₂o₂jast // si₂j voDDē pi₂jiš / i ji₂wtinč korriš kind / što-
bi₂ sonn i₂j mēn // mū₂rā₂kind / mū₂rēn^{*} // a si₂st lāi ixt nez-
zan/pi₂jiš varf₂fje // ji₂wtinč vūn^{*}det^{*} vūn^{*}den^{*} / čalk / vād
tonn jik šēl₂lēs mū / xot^{*} tonn sū₂ōšt mēnda / monn₂vet^{*} jim
kahn tui₂jamič ti₂jje nimin // monn jim vuo₂l nikoz // a nez₂zan
li₂jje nez₂zan // šē₂l₂iš₂škuodi i čō₂md₂i mēnda / a t₂it vuo₂dēD^{*} //
sonn / čalk / vū₂ō₂ttip v₂insa // puk ā₂ksi valttiš mēnda / i
v₂ins₂i puk ū₂dah // i čū₂rvi / što ji₂wtinč vū₂lg / si₂j Go jād-
tēp // m₂in // ji₂wtinč m₂in₂i m₂in // ču₂er₂^{ht} / što pua pua mēst //
mi₂j xot kē₂ittim / da rū₂c₂vuo₂j pi₂jat^{*}tun^{*}n^{*}ē ō₂ntēp^{*} // i₂žen
kihtta pēstem // nēt // ji₂wtinč vū₂l₂ji su₂ggē / sū₂gi sū₂gi / do-
moj pū₂ⁱdi kū₂āhtta // nā₂ntēl kū₂ōht jī₂li vū₂l₂gi // dak si₂j puk
kē₂am₂inč ū₂at sā₂ija // i puk.

3. ji₂wtinč i sissi

ji₂wtinč dōma jī₂li jī₂li // si₂st lai / ji₂jiš sē₂mja lai //
kū₂am₂ sū₂mat / pua₂D^{*}at^{*} // opet^{*} tik sissi // nu m₂in tik iak //
pua₂D^{*}at^{*} tak pua₂D^{*}at^{*} / jik tik i₂i nimin // dava₂j vuo₂rdam // i
pū₂ffis čō₂ncvėk dē₂sat^{*} / bo₂l₂se / lai // i ixt / tē₂dak / košt^{*}
si₂jd₂t i₂i tīt // vī₂g mi₂ji si₂j₂ta // ji₂wtinč / nu tē₂dak / vō₂i-

žep' // vuolk vān'cje // jūtīnč vānc / toB jōrt / nu maxt/
 kon slīje vījht // jūrd / potom m^uostaj / što jōnn kūšk
 īi / kūškist īij teīm / īamī teīm // davaj monn sij tok //
 vānzī / vānzī // čalk / ān'n' u^udas jep' puōīd(?) / toGda
 sījdt^a puōdt // sījdt^a puōdt ēhka // mēnī sijta / tomB īij
 jennīj oumžittī // sij vuojjat' miiji kōnīte // nu ārstap' /
 inn še^uqī^ukuōD / ma^uq^u va^ukip' // nu vot // jūtīnč āri āri /
 še^uqī^u ālges // sonn čak³ še^uqī^u Gok / nurrīn' korri / puk
 ōumi / štoBī jep kattīš // i puk korriš nūōēn' // sonn vāīdī /
 piēsš pōhtī / i vūlgi ū^udas vānzī // čalk monn vo^ugam / kak
 piēsš tom^u Go vūōak jāhtīinna / tom tanna vūrai / puk fan-
 na sījī īi au^uīn' // sij Go sonn mīnī mīnī / Go ūrči ūrči
 kūlīk / piēsš kuhk kuška sīlppje / sonn jāhtīinna vūlk // sij
 vuorčak kuška / vōnas vūjvi tok / tieīm īamī // ma^uq^u kušk
 vūlgi tiešsa / dak sij jāhtīinna vūlkiš / īj Gaa^u ni ūrčē^u
 a jūtīnč čalk / monn t'ālēst // ježīī maxkl / tiežti jū-
 tīnč mājlīnta // mīn puk mīnnīš.

4. jūtīnč

jūtīnč jīīī // čūxč pūēdī / čōxča // muot kuōDī // sonn
 pōhci puk kāunī / pū^odi pūwtī čīēkkara // čiek^urist īēijīš
 pōhci // ēhka pōēdtē // ošaf pūyttīš / kuoxtaojj māt ōamīst //
 nu jūtīnč / tēDak košt sījdt īi // vījD mīj // tiedam tiedam
 tiedam // jūtīnč īai / mokom xitrij ōamīš īai // tušt īi mējn
 vīhkka // nu pōhci mušt īiē // davaj mēn čīkkara // pūwt poh-
 ci // vot sonn mēnī čīkkara / tāvtī pōhci jennī^j // a īht hērg
 īai / pūērr vuojjat' / vūj hērg // ōekīnč mokom // nu jōDīst /
 sonn vāīdī da tīn pūltī / puk sīksīm / štoBī je vāltēi //
 vot pūwtī šīīī // sij ūrčiš / puk fāstīš / fāstīš / a tīn
 sērg je vāltmīš / čūd rātt īi // sonn jīččiš kāstī // a suat
 īai jo ōūdest tuijāmīč / mokom kōrahk / piēsš kōrahk / īj
 šur / nu košk kōrahk / štoB vuo^j / Go ūōōst / vūā^jva / dak
 srazu... // hīīkasta kīērsa pījīš / što je ōrč // nu ko^u -

Garraⁿ i^e si^jt // vot tⁱn č^uhku m^eit // vot v^ui^ješ v^ui^ješ
v^ui^ješ // sonn š^e m^eit m^enⁱt v^uoj hⁱk^asta // i n^ut^t v^uoj-
j^at // j^ah^k p^uidi / k^uh^kiš j^ah^k // a si^jto ū^uta kⁱč^at/
kogda iⁱ si^jdt p^uōdt // sonn m^ajⁱint / tⁱn h^er^e ruohti / r^aj
v^ui^jgi / da kor^hken^e ŕ^uōšt v^uājva // num^u o^um / a si^j m^ajⁱint/
je kⁱč / što p^uādt // a sonn p^ej v^uajda / i p^uk ta^ege tⁱfi
kor^hki // si^rgi v^aldin p^uk // si^jji k^uidi j^ah^kka / i si^rgi
v^aldi / i domoj p^uidi.

5. kašes j^adi k^on^di šⁱlle

Vot jarka s^ama jⁱliš j^ouri m^eit / miehoist jⁱliš/
jⁱšis paihkist / jannam paihk zovut / ciⁱkit / i j^ut kašes
kaznⁱ čuxca j^attā miehoišš^e k^on^di šⁱlle / vⁱzne baⁱl to-
da kak ras mokom čuack ā^ak da m^ut n^emnoška / a toda l^ejp sⁱ-
mⁱnč tⁱn / vot son v^aldi k^uoi m^eit i kan^diskuntti hier^k lai
pⁱji kandsi / i v^ui^jgi mahcušš^e / a p^ess lai n^utt^e p^ess jarka/
vot v^anzi v^anzi p^ej ni^attel i nikošt i^j v^uoj kašne k^on^d /
maⁿna ū^ut j^onn j^ah^kka / j^ah^kka rinttu p^uodi / j^urt /
vot jarka l^ei^jiš tut k^on^dka maxt āⁿ n^e i^j j^ala / v^uadi id-
dⁱint kohcaj opat / kač tuntrāst ŕ^uoštānt j^ah^kka / k^on^d
jenni / ni mⁱn / sonn v^aldi da kahpra pⁱji / ŕ^udi pⁱstoni /
a n^utt^e p^ess to kakk eⁱla maxt patrōn h^uika / si^j j^ad^at
je^ug m^eit / v^ui^jkiš raj i son aⁱgi r^askti / r^askti r^askti /
a jenni m^an dak je ni k^um nⁱmⁱn maⁿna nu / mⁱnⁱš p^uk /
jenni k^on^di / tⁱst aⁱgi si^jji t^eskti da p^urnⁱ jarka t^ui^jiš/
p^urn što^bi kaht i^j kuond^ea v^uon^ui ji suodⁱči da v^ujvsi p^aš-
ti / m^ast k^uidin^e v^uō^uk / kak v^ujvsi p^aštⁱ / da i^ddmⁱ / nu
vot / son p^uk t^ejt č^uh^ui t^ui^ji i domoj v^ui^jgi k^uidin^e t^e m^ast/
kanccⁱ pⁱji / v^uon^u da p^uidi domoj / a t^est je k^uh^kkin^e j^ea-
mⁱnč nump s^amja / koštⁱlnča si^j j^avvi v^uāčⁱš i ā^ak t^ui^ji
rⁱesk^e / rⁱesk^e t^ui^ji što košt^e p^uōdtā xozzin dak xoⁱ kuos-
tam l^ejbⁱn / son p^uidi p^uwtⁱ m^ujtti^uš^e j^arka kočat m^uit-
ti^ušⁱ / p^uwtⁱ v^uon^u pⁱji stō^u / v^ujvsi p^aštⁱmⁱnč da p^uk/
a ā^ak l^ejb p^uwtⁱ tože stō^u / nu vot sonn kⁱci kašes č^alk
k^ušⁱl iⁱ č^aj / v^uānč iⁱ kuajheiv a l^ejp k^olⁱ p^uav / i jⁱč

äigi riékke / nu lejb_žs sonn vuoinminč / kuohť niaťfel son
vāņi / dak i nutť i puk .

6. kōn'd

jifliš kūohť šāņj ūwtist / čelk'at vūlgim moittiušše /
vulķkiš togda pinnin' vānciis i mūt šimnč čoxča vīznj i
ēit vīznj tīt / vot piennij kiezzi kiezzi / kūohť ēli kom
pējv vīgģi vīgģi / čalk no ānā kōn'd jāla kuhķkin' / vār
vģiclap da iddīlnt maņa vulķkep' ūdas / sij vūiddiis idd-
līnt kohcjiš pīn'n'ē opat' nūorra / vulķkiš vān'čce vān'-
ccis / nu tunťtar vieľk vieľk tab vieľk piennaj sij vān'-
ccis kiġat' tum bieľ kōnd vuonjaht' / tunťrist vuonjaht /
kuostjaht vuonjaht / nu pīn'n'ē nunn kūohťta piijis / jic
hokķi vulķkiš / kiġat nū šorbus īi / vot kičcis kičcis vot
tut jonn sēvis vāņaj / nu ku řašklap' / sij ku rišskliš
mī tīt řašklīm / a nī ixt īikstāminč nū t'ģlak īi čūdo /
sij numb vuoro / i puġttiš / hokķi sūz / tūdi je īikkāt' /
mī tīt vā īai / puġttiš tak pājd'at' jamminč / maxť vud-
diš kōn'd nutť i īai jamminč puk / tigo tunťtar vulķkiš ca-
ņi tuhķk / sij riģstis riģstis vulķkiš māst / puttis čel-
ket' ēi īa boľsa kōn'd / mīlinģa bolezn īai .

7. kuohť viľliš vulķkiš kōddi šifļa

- ā ā u r gānsjš / tēľ īai sonn nūrr // vūļi pobbj
šifļa // i tēľ leļjis nokom pēs / tok pājak taľen / nu tok
maxťličat ľemmīt pājat' maņa ā pājat' pistōn // pistōn
īi maxť // jāľmis nutť ān'n' / što drōb' īie di puk // nu i
sonn vūļi / sijt īai viľľi tože // nu viľjis / kuohť viľji
vulķis // ixt īai o ī s e a nušš ā ā u r // vūķis ľaht
pi, īš // monn vģ iutjist pādam tak tōn pā, ķa t'ģľest kavģis /
čāģ hādam // a tonn pādak iutjist tak / tonn tōn pā, ķk // a
sij vulķkiš kōddi šifļa // kōddi šifļa vūķis // nu i sonn
vģģi / vģģi // pobbjš pūōdt // nu sonn vāľdi tģnn pōbba řašk-

1i // pobba řášk1i d1 pobba nu^uti // i ānk opet t1n pessa sonn
 1amme // a 11lak m^axt^{to} ānⁿ řášk1i jes1i maⁿna nubb vuara
 p1,1k i opat^{*} řášk^aak // sonn 11ji p1ksa 1emma tōko^{to}tok //
 p1,1 t1t patrōn1 da poka pistōn¹ p1,1 // a t1t pobb1š pu1di/
 sunⁿ1a t^au^{ti} v^a1jv^a / talen garra nu1t v1k1i / ānⁿ nu^{ti}
 i rūht1i / i maⁿna v1ldi sū t1ddi m^att^a i nūⁿivujm k^ah1i /
 k^ah1i k^ah1i // i k^uu^htes^a / i^j j^e11lak / d1šit j^ešo // opat^{*}
 p^eijit p^eijit // i vū1ji // a r^anmiš 1ai řažō^{ao} // sonn k^utes^a //
 mist 11 / 1k v^ej // sonn t1n v1ldi m^axt1ln^{ja} poaidi n^emⁿōgo //
 a sist 1^eij1š p1rr čapt ř^eh^app1k // sonn p1rr čapt ř^eh^apk1n
 v1ldi t1n kor1 / i k^ah^č // āri āri āri // ku^hk āri / i t1t pob^a
 b1š vū1ji // maⁿna k1h^či k1h^či k^ad1 // sonn p^ajne / d1 vū1ji
 ř^e1j^ekasta // sūst k1d1 k^ački t1n m^axt1ln^{ja} i t^o j^ešo sonn
 v^aj1 // k^uantkan i^j k^ostn1š dak // pu1di tō^a sa1ja // tō^a p1,1
 i^j v^au n1m1n // a 1^eij1š sist mokom v^adje^h tō^b 1ie // sp^a1n1
 m^eški tok // rōv kō^hč^et tom tūš11 // tok č^an1 āssis š^e dak //
 a maⁿna v111š pu1di // nū jūrt m^axt 1ie 11^a v^ea pūōtm1š /
 uže v^rēma nu^{ti} 1ie j^enn1 // sonn pu1di // kō^odd¹ tam kō^odd1 //
 vuo^š pū^uti / tō^a p11ji // nu jūrt m^a kō^z onⁿ š1nt1 // a
 maⁿna ř^ač / m^axt t1t 1i āss1 nu^{ti} 1^eij1š p^ejmiš // dak t1čam
 možet ta^b ōam1š vonn1j // a sonn poajdi ta^b1n / nu sūst v11¹
 1š ta^b ānⁿ // č^alk / m1n tonn pū1ttik / n1 tō^a j1x p^ej¹
 miš / n1m1n / ř^ežak // sonn č^alk / m1 1i tō^a / monn... // tonn
 k1č monn m1ntim 1ām // pobb1š puk k^ački // nu i sonn tō^a p1,1 /
 č^aj h^au^adi / i t1n vuj p^e,1 d1 // i t^a11 v^rāč j^e11ām1š // v^a1jv^a
 m^axt1ln^{ja} kōri // vū1jin^{*} jūhtti / t1t sist 1^ekarstvo 1i //
 maⁿna kuox^t h1^eri pū^uti / p^aadi p^e,1 // s^aavaz kōri tok /
 p1rr nuoriv1¹m // i s^aavaz 1^a p1,1 / nu^{ti} i pū^uti domoj.

8. pobb1š i č1f1mb1š11 n1jd1š

- j^ek^end1š1n p^arna č1rsta1at^{*} / vuo^as v1ř^est // a p^ar¹
 n1 s^arnet^{*} / č^alk / m1n t1j č1rsta^a v^ed vuo^as v1ř^est^{to}

4 pro maⁿna

5 pro kōz sonn

pobbjā jōnn lauk^h pōht / pāj tok vuomas / i čirstak vujkēis
 laukki // nu i pārna čirstālis // ixt čirast / nuBB čirast/
 pāj tom laukki mēnit // pobbā lauk tīd pārni čirstēis //
 pobbjā vīma vāidi laukk skaDi / vāidi siiji // kūddi kūd-
 di // vūji / pēiji vīd vāri kūddi // i vūji piškiD / piēc-
 ca kozt / no tij test ārs / čalk / monn pēiji vīd vāri
 jāam / di poadam // a ixt nīdji lai čilmbiēl nīdji // a
 pānist lai nījB / mēi lai / sūn lai // pārna vāitiš i lauk
 čāstis / kīdgi mātis mātis // ixt nīda kūddis / i lauk
 kurruš // i sonn pūdi / pobbjā pūdi / kā^h puk ēlā puk //
 puk la puk // vāidi lauk^h di vāici // vāji vāji // vāji vāji /
 pūdi domoj // i čalk āhki / āh āh / kozt pišs kiēm^a /
 pišs kōlin^a // āh pīi / kiēm^a kozt tīn / pišs kiēma
 pišs kōlin^a // sonn kuad ēla kuorh / i tok īskī tajt /
 tob kiēm^a siz // kiedis kihčis // i kodje ixt nīdji // i son
 čalk / min ān tonn jīlīt / pišs kiēm^a mūrtek / pišs
 kōlin^a / kīdji pūntik // i ixt nīdji kōdji // tīn nīda vāi-
 tiš sij pōrin^a // i kozličat vīkkiš // šāla vīkkiš na,er-
 no // i čēkat tīn nīdža / tonn tieht mīji vār // i tīt
 nīdji kuodji // a sīst lēijiš pierna / kuort pierna / pobbā
 pārna // sonn tōjt pīi / kīnti kīnti // kīnti kīnti // sij
 poadet^a // sonn vāidi tajt / tok pīi kuost^a pārni vūdiš /
 tok pīi takadi Go vāidi tōnast / i pīi tok // a tob sūviš
 tuamad // sij pūitiš / puk īi vāmaš // puk la puk // īstiš
 pōriš // a āh pōri pōri / jānēs // a mī čalk īi togo max^a
 mū pierna la^h ppiš // mū pārna kāpēl // nu pōriš maḡa // a
 tīt nīdji ūrti // nu i sij pōriš // maḡa tīt nīdji ūrti /
 di vāji vāji / vāj / i leutaj /

jannam ēhčam / tōi^a pōldat //

vīljam / voappam hāudčēdat //

nīdji vāj / pōrkanna //

kīmlōgi / pōrstog //

i maḡa / rist ēhčat vūji oxotničat^a // vāji / vāji / di tī
 nīda kōni / rist ēhčat // i pūti domoj .

9. Čažničdišt

mij suggim nuo^htist / a lai juññ jehkēadiš / je nuoht^h
 päjva e jehkiliñt / i möññ ärrim vñsist tobñ / jim tie mīm-
 meit iñkki lai šes li šes / kidi pñjñm tob čažmeit i nutt
 sij suggest^h / a monn kihčiškuñttim / čažničt vijdñ / a monn
 jim tñtmiš što čažničt mñ li / möññ jansam čēkam kihč / mñ
 tit li / vusjv vñdi i vuo^hpt nutt linnoi tok / ješo čaž meit
 bontajecca / sij vusti kihčat^h je vusjñ / je vusjñmñš / a
 möññ mññña aikkim riägiškuñttim / sij kihčiškuñttiš tahttiš
 tok viñkki kihče vññ iñña što sōadi sū garra / a sonn sij-
 ja meit vuñji / sij mññña nutt vuñkkiš suhkke jāhtajñ'n'a /
 sujrkriš / a hemnoško kihčestim juññ ei^hla / nutt iñča sijst
 viñkiš ärr mñññ't tigo õumñš / vista miñji meit vuñji mññña
 mñēda vērññas / a kroñš lai juññ ei^hlak / tigo maxt ei^h
 mñš pikuasš.

t^halest mññnstiš / p i e n o ghč mññnsti / sij nññht-
 tiš s e j d j e w r i s t^h / kuašš äññ li s e j d j a w r^h /
 rñs kissiš mññppa ij pua nñmi / nubb vuara kissiš / nubb vua-
 ra kissiš puñdi čažničt / siñmiš tigo parñiš / nu i sij sār-
 net^h čēkat^h kōz äññ sū gēak piñji / gēak suoadēd / sonn
 riññok / čēkat^h gēak sviññi mñēd ēññ / son tōžē riññk / a
 čēkat^h gēak sihpji jēñra sonn siñnad / i sij mññña vañttiš
 nññstiš / i viñkiš opēt kññuñi opēt nēvod / nutt čēkat^h
 jēññi puñdi kuēñ / puñcc kuozt li kōñm.

a miñji ondreñ suamñst kričañ / sonn čēlk sajmi kič-
 čim čēlk puñttim tōñ piñjim aikkim pästkuēñ pästi / iñxa
 iññ ei^hla nñki / ruoñña je vuo kam čēlk mñ meit / kññm
 čūōrv v u n t r i pua mñ garra / monn čēlk vuñsti taht-
 tim čūōrv što jim pua / opāt čūōrv pua mñ garra / monn čēlk
 iñša pästkuēññin ruohñjim hūcken^h kiemna čēlk piñjim / mñēd-
 da sōadim / čēlk eiñji vapt pajñiš puk / čuddēdi / mññña
 čēlk boñša tññ suamñ garra jim vuokñiš.

A mññña čēlk mññ ärrim jēñk puñdi / jōññ jēñk puñdi mñ

nuz / toa_saija / lieštēdi / mōnn tok sarnam / no min kan
 tonn lak jieřē k u e s i m garsis i l i t a n p a n g a r
 sis / kihčtin dak ei_ia nīmī puazjīn' čuddēdi.

10. ājīst'

āj_dak āj_i_līi / nezzen jīi // ixtin kahpešt' lāi
 pārn' / ājīst lai nījdt / āj piļji // āj vāidi di / vai^httē
 sist / jicciis ro^hēji pārna / a sun'n'e sūn'ēdi nieDa / i
 viiffiis nu tok // nu tut / kō māḡa nu kōz // sušt' nījt / ā
 vai^httē / āj vāidi pārn' miecišt' / sin⁶ uudi nieD / i jic
 vūjdi mēdda // jīi jīi / di pārn' ūiddi jōnn pārn' / nu /
 vōDDat' miec_mieft // puk vēs i / šē^hmi // pōxti / min toiko
 i j pūuti jānsis / n'utt i kōDDi šē^hmi / da puk vuoḡ pōht //
 tuijī kuad / tuif_kuad / tuijī / i sonn tūšif_kuadest' i jā
 nast // i tit pārn' vūji opet' šēila miāhcca // puidi i kūuta;
 ājⁱ leu^htei / pūšrē_lam deejema / ākist' ei^a ruohtjīm // tūšif
 i_kuadest āram / i ōris_koD^h čengis i dan / kioc seccim
 piimiš i puejd pōram de puk // pūšrē deejim / čāik / mon pārn'
 sušt ruohtjīm // tot kūuta / nu / min monn / ei_ia mū jen'n' /
 jīi tišt' / epet' vūji māhcca // mēni mēni / kūāht / jōur -
 reddist kūāht // tok mēni / i sij ruohttišt' iie pūohtmīs /
 kuēi čistis / paštkuifī pāstet' / kuad'est // nu nipōivijim
 pāstet' / paštkuifī i vārr tiz kozstī // sonn vāidi tok reāp
 pin ēa kuor^hni / tā^hc // i tot nieDin i jānast tin aji_nie
 Din / jen'n'is // i sonn vāit vūji_kusk toB / vāit / i pueš
 šaa tok tōmna // a tot nījdiš tāhē tok / jannam jannam vūj
 maxt vuo^hc // a čāik / vūj vuo^hc / i / maxt sonn čāik / jen
 nak pieDiet / māḡa vuo^hc_vūj // čāik / mušt' pārn' ujtte //
 a mišt' mī_lī vūojj / mij kuēi šēilap' da kuēi pāstet' // nu
 vot / ei_ia vūjj // jannam jannam / vūj vuo^hc / a tit ōmij
 kūutai kūutai / tūdi / naverno / mū jen'n' taīak iī // i
 nuoštēdi // sij tišt' tihttiš // i puidi kūāhtta / no vūāhtta
 puidi / nu maxt jēifvete // puk_n⁷ ōmij puah^htok // nugh-

sonn taian / Go čejbr to kūn čilmi vūššta / oslepna // ruo^h
 ja ton nišškim / šeani šeani šeani / i kođi / nu vot // no
 min tišt jella boiša / ruotjis // mart ton čelka to /
 kōjt / kōđi tāvtaš pijli sū / korotettis / i nūšštis //
 vūjši // koz veiv kuodji / tis šiddi az miēxt / lie āz
 miext piaktat / āymiext / koz juōlk t's kōdja / tij kođ
 ja da čuācc / čuag // i mart vian tam sārņš / što boiša
 jim nōstam // a koz mīxt sārniš vot mist lai / i vōt jannēs
 vāidi / āz nutt i mēni / i tom nīd dak jim tie koz sij pi
 jš tom nīd / a sū nut t' i vūjchis .

11. rūc

rūc pūōht / kūōht kāppi iut saijest viššis iāžit
 jāstīt i sīm'a pārna leijs / di jualet jahklint^a čelkšis
 rūc pūōht tak mij čut' vuoddep' lossenji dak miiji kodd srā
 zu / a iut ānk čalk mon jim vuađ monn nutt vuađam dak ištis
 kahč dak tīn kūnam ježli pūōht tak monn tū nežtam / sonn
 čalk monn jim kūn / monn čut' mōssini vuađam pūōht tak kodt
 karniz šia dōma / miecist lie / vuađjis li / a komaž ruoc
 pūāht^a / jād'at' / kānat' / sonn mōrni / son mēn nut t' noz
 noz tīn kuāimš što kohcca pūāht kod'at' / vūlt' t'ep' určt'
 ep' mēdda / ij / ij kōn / ruoxtji t'āled pultki vuađ
 kuškinis talie / nutt i ruotji / i tīn rehppik čihke čom
 mī i sist roddist tīn pārna ruotji i jījis ruotji di urč
 ti mēdda tik puihti a tok pūittis son mōrni / tierant /
 sonn mōrni / a mōrni tiāč tak šia tit ānki di jāla ni
 pārnī / i rūc puidi jun'n' pīrtta / sust jun'n' pāj čotti
 čelkšis / nu iut ānki dak min tišt / tišt' jenni jē / šia
 ie jenni kožta / son ūrci ūrci ūrci di tok pijji jādai di
 naverno viggtōvi šia tiēdt što tīn garra' sist karniz pūāht
 ta / di ij vuađ nīkoz hoifēdi i miut ān / kūōht pārna nie
 mat' / kuēd biē / rād tīn biēna što ja rieģa / a tut na
 verno rūc ūjdi / i kak ras sist karniz jād'at' / pijji
 jēq vūāfte tobn karnaz ili mik nobjaš / giak jella kīnō
 mēn mī li ili min sij poira / minniš ānk ārr / pārnin'

puidi / nu maxt jēlīvette // puk⁷ n⁷ ōamīš pūāht tok // nuē
tim nuṭt jēlīlap^{*} // monn jīlīm jīlīm čēlk / mušt^{*} lai
pērn^{*} // mun^{*} n^a huḡkiš nīda īi / āḡ huḡkiš / jim tie // da
monn jāastam faxaḡdīn^{*} n^a vot // no koz tok nījt / mīn šēll
jēlīlap^{*} nūēhttep^{*} kuēl / vājccēp pōrrap^{*} i jēp^{*} ēl // i so
taj / kījṭēl¹ / kījṭēl¹ / a maḡḡa sonn tiedstī / sonn vuj
kiš sārni / što mušt^{*} āḡ ujtīe nīed /?/ // no sonn tonn
to ēlīak mū jen^{*} n^{*} / nō / monn tū pārn^{*} // a tonn kuō⁸ // a
monn tom āhējin^{*} jēlam / tīn^{*} tīn^{*} tīn^{*} // āḡ īie // no maxt /
a mī nuṭt tuijēp / tonn mēn čēlkiš / što mīnn kovsēs kou⁹
jēnnīš čēlk // čuxč šōDD / i vūss^{*} mū^ot kuō^otīt / čēlk / kov
sēs kou^onīm vōGam // pou^h tam kovsīs / ēkip^{*} jēlīa tīst^{*} /
tū^h n^{*} // nū vot // ēpet ī mēnī tok / sonn opet^{*} i leu^htaḡ / pūēr
lam ēeljēma / ākišt^{*} ēl^h ruōhtjēma / tūēlī kuadešt^{*} āram
a ōrīs kōDD čēḡḡīs mušt^{*} īi / kīcc^{*} sēccīm / i puējt pōram
da puk // a sonn kū^hteḡ / tū^o dī ēlīa mū jān^{*} n^{*} / tut i īi n
jēn^{*} n^{*} // i puidi¹ // puidi¹ n^{*} āḡ¹ jāast tīst / no vot / no
košt^{*} īa^h k^{*} // no nuṭt no nuṭt // monn jīlīm toB kovsēs /
kou^onīm / mon ān¹⁰ žēnissa // no naj^htlē naj^htlēD // jālāš
kūē^htt pōrast¹ // mēn^{*} da naj^htlēD / vāld kōhpī da pūūt^{*} tok
kōhpī^{*} da // vot cār^{*} cē^{*} cē^{*} rēlāma ēlēp^{*} jēlīa // nū / āḡ^{*} dak
āḡ // nu jēlīa jēlīa // nu vot mū^ot kuō^odī / vōGam kovsīs
puhtīD // a tonn vuarD mū // tonn mīn čīnīš ij čīnza vuōrā /
čēlk / vōGam keysīs // puhtī / vuōlḡe / tok mēnī jēnnīš
vāldī // jēnnīš iḡēš^{*} to leḡḡīš fērrīs // fērra tīstī pī^{*} i tē
lēš kū^onaD i hēškem^{*} kuḡḡa // tīz / i pūāht // sonn čēlk što
ōj / pūāht mušt^{*} pērn / pōht ōD Gōppi // nū / puidi tīz jō
Dī puidi // no mēn / čēlk / tīrvtēD // sonn īi kāhtmīš / piō
čēl tālīe māda / što ōD^{*} Ga^hpūn kāht^{*} et^{*} piḡje rēhpken^{*} //
nū sonn tok vūējvīš^{*} to sōn / što sūGtē^h sū^o / ōD Gāpp

7 pro puk naḡḡa

8 pro kuōšt^{*}

9 pro kou^onīm

10 pro ānḡam

kuutin* pārnin* / nīmī vuaj ni joalds / sust puk vērid pārna
minniš / kelliiš čālk giak rānānd koddste / di vīr uutti juk-
ke / ruotfjiš ānd di koddstiš di tin āhka vēr jukkidi / āh-
ki jūggi vēr di āri āri di manna jōnguidi / ij vuaijim ni
sārnid / di manna vēr jūggi di manna ālgi čālk vot tin*tta
tin*tta / tist čālk jek ōsk dak vot tist pihtiki lie / ruoh-
tfjim ij kohčjama / a mon ūrctim / sonn kuarkidi što sonn kol-
lā / a monn jim / čālkkim što monn jim kūl / ij kohčjam /
sū čālk koittiš / manna monn čālk pārna ruohtfjim di ūrctim.

1. КТО ГДЕ ЖИЛ

- Знаешь /ли/, Федор Романович, где прежде жили саамы летом?

- Летом кто где жил, на разных озерах жили. На Кандас-озере жил Сергей-старик, он жил на этом конце озера, летом они жили также в сале на Кандасозере. Еще было Чалмозеро. На Чалмозере, (туда) не доезжая до Чалма-кентича, рядом с островом жил Егор Сергеевич. А в самих Чолмушах, на Чалла-кентиче, жили трое, три брата жило: Герасим, Афанасий и Леонтий. Здесь вот бабушка есть - это Леонтия жена, дочь Сергея-старика. Еще на Верхнем Чалмозере жили. Там жил Герасим /Там/ был такой Брмпорог и теперь там есть. И там кентиче было, там ходовую рыбу ловили. Потом выше, там Каложное озеро. Там жил Денис, большой род жил. У него брат Константин был, братья /были/, сейчас вот не помню /кто/, жили на Каложном озере. А еще на Пирингском озере и на озере Талывьвр жил Петр, Петр Лунич жил, тоже летом там жил. А на Нижне-Пирингском озере /жил/ Семен Ларионович, на /кентиче/ Кыркуад. А на Верхнем Чалмозере жил Фока. Фока жил /на кентиче, Виртуоым. А еще на Имандре, там жил Роман. А на Вундас-реке жил Федосья Михайловна Герасим. Потом еще, Терентий жил на Имандре. На Имандре жил Дмитрий (муж Ирины), который будет Ганин дядя.

2. РАЗБОЙНИКИ И СЕСТРА

Раньше, так рассказывали саамы, были разбойники и /их/ сестра. Они ходили саамов и других людей убивать. Грабят людей, одежду забирают и убивают... А был один /саам/. Саамы жили в веже или же в избе. Пришли разбойники, двадцать человек. Они знали его, проводника, говорят: "Ну, проводник, веди нас туда, где деревня". Проводник говорит: "Я отвезу вас на лодках". А они пришли летом. Он их в две лодки рассадил, и /они/ погребли. Гребли, гребли, гребли. Поплыли к большому острову. Была осень. Проводник пристал к острову. "Дальше не поедem, - /говорит он/, - будем здесь ночевать,

на острове". Они легли спать, а проводника привязали веревкой, чтобы он не ушел. К дереву привязали. У них была женщина, ее приставляли сторожить. Проводник молчал, молчал /и/ говорит: "Неужели тебе не жалко меня? Отпусти хоть ты меня, ведь я вам ничего плохого не сделал. Я никуда не уйду". А женщина есть женщина, пожалела его и развязала. А они /разбойники/ спят. Он говорит: "Пойдем в лодку". Они все топоры взяли с собой, /он/ лодку оттолкнул /от берега/ и крикнул: "Проводник уходит!" Они прибежали. "Что?". Проводник далеко отплыл. Они кричат: "Возвратись, возвратись обратно! Мы кашу сварили, масло в кашу положим, тебе дадим. Дадим ложку (в руку)". - "Нет". Проводник греб, греб, греб, приехал домой, в вежу. Недели две жил, поехал /посмотреть/. Они все в кучу /сбились/ и замерзли. И все.

3. ПРОВОДНИК И РАЗБОЙНИКИ

Проводник дома жил, жил. У него своя семья была. /Он/ слышит: шумят, идут. Спать эти разбойники /идут/. "Ну что подделаешь? Идут, так пусть идут, ничего не подделаешь. (Давай) подожду". Больше десяти человек пришло. И один /говорит/: "Знаешь, где ближайшая деревня? Веди нас в деревню!". Проводник говорит: "Знаю, пошли". Идут. Проводник идет, думает: "Как их провести?". Думает, потом вспомнил, (что) есть большой порог, в пороге большая крутая скала. Давай я их туда /отведу/. Шли, шли. Он говорит: "Давайте дальше не пойдем, иначе деревня покажется. Если в деревню пойдем вечером, то там много людей, они могут нас убить. Давайте отдохнем, ночь настанет, потом пойдем". Ну вот. Проводник сидел, сидел. Стало темнеть, он и говорит: "Так как темно, /надо/ привязаться друг к другу, чтобы не потеряться". Все связались веревкой. Он взял бересту, зажег и пошел впереди. Говорит: "Я пойду, /а/ как березовый факел /станет/ быстро двигаться, тогда все бегите: деревня близко". Они за ним шли, шли, /потом/ долго бежали. /Он/ факел в порог швырнул, сам быстро отошел /в сторону/. Они - в порог вниз головой, скала-то крутая. Потом порог стал затягивать /их/, и они быст-

ро исчезали /в воде/, не надо и бежать. А проводник говорит: "Я здесь! Если можете, тяните и проводника за собой!". Так все утонули.

4. ПРОВОДНИК

Жил проводник. Пришла осень, осенью выпал снег. Он /проводник/ оленей собрал, пригнал их на кегору. Олени были на кегоре. Настал вечер. Опять /разбойники/ пришли, около двадцати человек. "Ну, проводник, знаешь, где деревня? Веди нас!". - "Знаю, знаю, знаю". Такой хитрый человек был проводник! "Есть ли на чем ехать?". - "Олени у меня есть". - "Давай, иди на кегору, пригони оленей!". Вот он на кегору пошел, поймал много оленей. А один бык был ходкий (букв. хороший бежать), передовой бык. Такой маленький. Он взял и подпалил ему шерсть, чтобы его не взяли. Вот /он/ пригнал /оленей/. - "Выбирайте!" (букв. ловите). Они бегали, запрягали, запрягали, а того быка не взяли: очень большой. Он /проводник/ себе /его/ запряг. А у него заранее была приготовлена такая дубинка, березовая дубинка, небольшая сухая дубинка, что если /его/ ударит по голове, так сразу... /Он/ незаметно положил ее в кереху, чтобы /разбойники/ не убегали. - "Ну, в какой стороне деревня?" - "Вот по этой дороге /поезжайте/". Ехали, ехали, ехали. Он за ними потихоньку едет. И едут. Подъехали к болоту, длинному болоту. Они вперед смотрят: когда деревня покажется. Он сзади едет, /он/ быка веревкой ударил, /последнего/ стал обгонять и ударил его по голове дубинкой. Второго человека /убил, а они назад не смотрят, /не видят/, что он приближается. А он одного за другим дубинкой всех убил. Оленей всех собрал. Он их /разбойников/ в болоте оставил, быков забрал и приехал домой.

5. СТАРИК ОХОТИЛСЯ ЗА ДИКИМИ ОЛЕНЯМИ

- Вот раньше саамы жили по озерам, в лесу жили, на своем месте. Материнское место называют, - рассказывают. Один

старик каждую осень в Свизенье ходит на охоту, на диких оленей. Тогда как раз мороз стал /ударять/ и снегу /было/ немножко. А в то время хлеба не было. Вот он взял рыбы с собой, нагрузил на оленя и пошел на охоту. А ружье у него было пулевое. Вот он ходил, ходил всю неделю и нигде не может найти дикого оленя. Потом пришел к одному большому болоту. К краю болота подошел и думает: "Вот раньше были здесь олени, а теперь почему-то нет". Лег спать, проснулся утром и видит, что с горы спускаются на болото много оленей. Ну что? Он взял ружье, положил в шапку пули, патроны. А пулевое ружье, так не то что сейчас: патрон снул... Они идут вдоль болота. Прошли мимо, и он стал стрелять. Стрелял, стрелял, много оленей, так они не слышат ничего. Потом олени ушли. Много оленей /убил/. Он стал тут их свежевать. Лим раньше делали со срубом, ямы, чтобы россомаха не таскала бы, не воровала мясо. /Он/ печень изжарил да мозги. Ну вот. Он все собрал и пошел домой. Поклажу собрал, мясо и пошел домой. А там недалеко — другая семья жила. Они откуда-то муки достали, и жена охотника испекла риськи. Испекла риськи, что хозяин придет, так угощу его хлебом. Он пришел, принес добычу. Принес мясо, положил на стол. Печень испекли и жена хлеб принесла на стол. Ну вот, он старик посмотрел и говорит: "Рыба — всегда, мясо — ветки, а хлеб — золотое колено". И сам заплакал. Хлеба ведь они не видели. Две недели он ходил. Вот и все.

6. ДИКИЕ ОЛЕНИ

Были две семьи вместе. /Мужчины/ говорят: "Пойдем на охоту. Они пошли. Тогда на охоту с собаками ходили. Снега не было. Осенью, в Свизенье, почти в Свизенье /пошли/. Вот собака тянула, тянула. Два или три дня вела, вела. /Один/ говорит: "Ну теперь дикие олени недалеко. На гору заберемся, а утром дальше пойдем". Они заочевали, проснулись, собаку опять на поводок. Пошли. Шли, шли, шли. На сопку собака ведет. Они шли, шли. Смотрят — на той стороне дикие олени отдыхают. На сопке отдыхают. Они видят, /что/ олени отдыхают. Собаке намордник

надели, сами стали подкрадываться. Смотрят - огромное стадо Смотрели, смотрели. Вот большой гирвас отдыхает, которого застрелим. Они выстрелили, а ни один /олень/ не пошевелился. Что за чудо! Они второй раз выстрелили и стали подкрадываться к ним. Верно, не двигаются /олени/. Что такое? Они тогда встали. А /олени/ мертвые. Как лежали дикие олени на земле, так и умерли. Олени на сопку только забрались, целое стадо. Они /охотники/ плакали, плакали. Пошли домой. Говорят: "Нет больше диких оленей". Какая-то болезнь была.

7. ДВА БРАТА ПОШЛИ ОХОТИТЬСЯ НА ДИКИХ ОЛЕНЕЙ

Лаврентий-старик тогда был молодой. Пошел /он/ на медведя охотиться. А раньше были такие ружья: туда сначала засыпают /порох/, как-то заряжают, кладут пистон. Пистон или что? Не так, как сейчас, что дробь есть да все. Ну и он пошел. У него брат был. Братья, два брата, пошли /охотиться/. Один был Алексей, а другой - Лаврентий. Пошли. Пошли, расходятся. /Один говорит/: "Если я раньше приду, то разведу огонь в куваксе, чай согрею. А ты придешь раньше, так ты огонь разведешь". Они пошли охотиться на диких оленей. На диких оленей пошли охотиться. И он /Лаврентий/ шел, шел, шел. /Вдруг/ навстречу медведь идет. Он в него выстрелил. Выстрелил в медведя и ранил его. Стал ружье заряжать. А не так, как сейчас, что если выстрелил, так /быстро/ другой раз зарядишь и опять выстрелишь. Он стал заряжать ружье. Вложил патрон, да пока пистон вставлял. А (этот) медведь на него пошел, схватил его за голову, дернул на себя, так кожу и содрал. Потом повалил его на землю, земли кидал, кидал, кидал /на него/. /Медведь/ слушает: живой, дышит еще. Еще накидал земли и ушел. А рана была тяжелая. Он /человек/ слушает. "Что это со мной? /Ничего/ не видно". Он кое-как поднялся. А у него вокруг шеи платок был /повязан/. Он платок снял /и/ им завязал /рану/ и смотрит. Сидел, сидел, сидел, долго сидел. Медведь ушел. Он смотрел, смотрел, пропал /медведь/. Он поднялся и пошел потихоньку. У него рука была покусана, все равно как-то он шел. Сердца /медведь/ не повредил. Пришел к костру

развести огня никак не может. А у них были такие постели, спальные мешки, рова называется. Там шкуры... /Он/туда вполз в одежде. А потом брат пришел, думает: "Почему /он/ еще не пришел, времени уже много". /Он/ дикого оленя убил, мясо принес. Развел огонь, думает: "Куда он подевался?". А потом посмотрел: "Какая-то одежда положена. Посмотрю, может там человек". Посмотрел. А он поднялся — это его брат. Он говорит: "Что это ты пришел, огня не развел, лежишь". Он отвечает: "Какой огонь, посмотри какой я. Медведь всего покусал". Ну и он /Алексей/ огонь развел, чай согрел, жиром /рану/ смазал. Тогда врачей не было. Кое-как голову перевязал. Жиром /его/ напоил — это и лекарство. Потом двух быков /олений/ привел, рядом поставил. В брезент /брата/ завернул, обвязал веревкой. И /его/ (букв. брезент) на олений положил, и (так) привез домой.

8. МЕДВЕДЬ И ОДНОГЛАЗАЯ ДЕВОЧКА

Каждый вечер дети катаются с горы. А детям говорят: "Почему вы катаетесь с горы, ведь медведь большой мешок принесет, внизу оставит и скатитесь прямо в мешок". И вот дети катались, катались. Раз скатились, другой раз скатились — все в мешок скатились. Медведь набрал полный мешок детей. Медведь под горой мешок завязал и забрал их. Нес, нес. Унес, за пять сопок. И пошел сходить по-большому. /Мешок/ повесил на дерево. "Вы тут сидите, — говорит, — я за пять сопок схожу и приду". А одна девочка была одноглазая. У ребят был ножик, игла и нитки. Ребята мешок разрезали, /туда/ камней накидали. Одну девочку оставили, а мешок зашили. И он пришел, медведь пришел. Спрашивает: "Все ли там?". — "Все, все". /Он/ взял мешок и пошел. Шел, шел. Шел, шел. Пришел домой и говорит жене: "Жена, жена, повесь /на огонь/ березовый котел с березовыми ручками". Жена повесила котел. Березовый котел, березовые ручки. Она на берлогу взобралась и сыпала содержимое мешка в котел. Туда камни упали. Осталась одна девочка. /Медведица/ говорит: "Что теперь делать? /Ты, медведь/ березовый котел, березовые ручки сломал. Камней принес". И одна девочка оста-

лась. Они взяли эту девочку поваром. И куда-то пошли. Рыбу ловить, наверно, пошли. И говорят той девочке: "Ты свари на суп". И эта девочка осталась. А у них были медвежата, два медвежонка. Она их бросила /в котел/, варила, варила. Они /медведи/ возвращаются. Она взяла и туда, где медвежата спали, положила головешки, которые вытащили из огня. Там дымок поднимается. Они /медведи/ пришли: "Все ли приготовили?" - "Все, все". Сели есть. А медведица ела, ела. Мать их. "Что это, - говорит она, - похожее на лапу моего медвежонка?" Дальше едят. А девочка тем временем убежала. Они съели /медвежат/. А девочка убежала. Шла, шла. Идет и поет:

Мать, отец огонь разжигают.

Братья, сестры чай греют.

Дочь идет голодная.

Холодно, есть хочется".

А после крестный отец повел охотиться. Шел, шел и девочку нашел. И привел домой.

9. О РУСАЛКЕ

- Мы неводили, а был уже вечер. Там неводят не днем, а вечером. Я сидела в лодке. Не знаю, сколько лет мне было: шесть или семь. Руки опустила в воду, а они /родители/ гробут. Я взглянула - русалка вышла из воды. А я не знала, что это русалка. Я имаме говорю: "Смотри! Что это?". Голова видна и волосы длинные по воде разошлись. Они смотрят, не видят, не увидели. А я потом стала плакать. Они стали смотреть, хотели приблизиться туда: посмотреть еще поближе, стали грести к ней. А она к нам поплыла. Они /родители/ потом стали быстро грести прочь, напугались. А потом посмотрели - русалки уже не было. Да и была ли? Лицо было белое, как у человека. Навстречу нам плыла, а потом прочь ушла. А ближе подплыли уже и не было. Будто никогда и не было ее.

Здесь рассказывали, отец Пиено рассказывал. Они неводили на Сейдозере, где сейчас Сейдозеро. Один раз вытащили невод, ничего не пришло. Другой раз забросили, другой раз вытащили - пришла русалка маленькая, как ребенок. Ну и они го-

ворят: "Куда ее теперь девать? Надо засолить". Она плачет. Говорят: "Надо оставить на земле". Она опять плачет. Говорят: "Надо бросить в озеро". Она смеется. Они потом взяли и отпустили ее в озеро. И опять забросили невод. Так говорят, много рыб поймали, бочки две или три.

А нашему Андрею с острова кричали. Он говорит: "Сели посмотрел, приехал, костер разложили, стал жареницу печь. Один был, никого не было. Русские, - говорит, - не поехали со мной". Слышу, кричит: "Андрей, езжай ко мне". Я, говорит, хотел в ответ крикнуть, что не поеду. Опять кричит: "Езжай ко мне". Я, говорит, сразу схватил сырую жареницу, в котелок бросил и прочь погреб. Волосы, говорит, стали подниматься. Чудилось. Потом, говорит, к тому острову не подъезжал.

А еще, говорит, я сидел, подошел ко мне олень-бык. Большой бык. К костру подошел, улегся. Я ему говорю: "Ну что? Чей ты бык? Кузьмы-старика или Степана-старика?". Взглянул, а ничего и нет. Оленем чудился.

10. ПРО ААДЗ

Жила одна женщина, /а/ была Аадз. У женщины был сын, у Аадз - дочь. Аадз решила подменить: себе взяла сына, а ей подсунула дочь и ушла. Ну что тут делать? Аадз подменила, в лесу себе взяла сына, а ей оставила дочь, и сама ушла прочь. /Она/ жила, жила. Сын стал большой, ходит по лесу, охотится. Придет, чего только не приносит своей матери, на диких оленей охотится, мясо приносит. Построил вежу, покрыл ее шкурами, и она в веже из шкур живет. И этот сын опять пошел на охоту. Пришел домой и слышит - Аадз поет: "Хорошо я сделала, у женщины сына украли. В теплой веже сижу, ем спинной мозг дикого оленя-самца, все время сало ем. Хорошо (говорит) сделала, сына у нее украли". Он слушает: "Не моя /это/ мать". Жил так, опять он пошел на охоту. Шел, шел. Вежа, на берегу озера вежа /стоит/. Пошел в ту сторону. А она пришла с рыбной ловли, рыбу почистили, жареницу готовят в веже. На плитах жареницу готовят и уху подвесили /наряжать/. Он взял и

вежу залез, смотрит вниз. А там девушка живет, дочь Аадз, и его мать. Он взял кусок масла и бросил в котел. Девушка посмотрела туда: "Мама, мама, масло плавает". Она /мать/ так говорит: "У твоей матери масло плавает. Она у меня сына украла. А у нас какое масло? Мы рыбу ловим да рыбу жарим. Нет /у нас/ масла". - "Мама, мама, масло плавает". А этот человек слушал, слушал: "Верно, это, наверно, моя мать". И спустился /с вежи/. Они /еду/ готовили. Вошел в вежу, в вежу вошел: "Ну как живете?". Вошел, как и все люди. "Неводим, так /я/ живем. Я жила, жила, - говорит, - у меня был сын. Мне девочку подсунули, Аадз подсунула, не знаю /где сын/. Я живу плохо. Ну куда девушка пойдет, что принесет? Живем, неводим. Рыбу поймдем - едим, и больше ничего /нет/". Он все расспрашивал, расспрашивал, потом узнал, (она правду сказала/, что у нее Аадз сына унесла. Он /говорит/: "То не моя мать, я твой сын". - "А ты откуда /знаешь/?". - "А я там вместе с Аадз живу". Так мол и так. Ну что? "Что теперь будем делать?" - /спрашивает сын/. - "Ты езжай и скажи, что нашел невесту", - его мать говорит. - "Осень придет, первый снег выпадет, скажи: "Поеду за невестой. Привезу невесту, станем здесь, с тобой жить". Ну вот. Приезжает /он/ опять /домой/, она снова поет: "Хорошо сделала, у женщины сына украла. В теплой веже сижу, ей спинной мозг дикого оленя-самца, все время сало ем". Он слушал: "Верно, это не моя мать, та - моя мать". И вошел. Вошел. Аадз сидит: "Где был?". Так и так. - "Я был там-то, нашел невесту, я буду жениться". - "Женись, женись". Будем хорошо жить. Езжай и женись, возьми в жену, да привези ее сюда. Вот припеваючи будем жить". Вот Аадз, так Аадз! Жили, жили. Выпал первый снег. "Поеду за невестой, а ты жди меня. Приготовишь /что/, не приготовишь - жди, невесту привезу". Поехал, приехал туда, забрал свою мать. У матери были кережи. /Он/ посадил /мать/ в кережу, положил золы (мешочек с золой/ и скребок рядом /положил/. И приезжает. Она /Аадз/ говорит: "Ой, едет мой сын, едет новая хозяйка". Приехали, /Аадз/ подходит. "Ну что, - говорит /сын/, - поздоровайся". Она /его мать/ была накрыта платком, тогда был обычай, что новой хозяйке голову покрывали платком. Она /Аадз/ сунула туда /под платок/ голову, чтобы поцеловать ее, новую

хозяйку. Она в это время как нажала на мешочек с золой и прямо в глаза ей. /Аадз/ ослепла. Схватила скребок, била, била, била и убила. Ну вот. Что тут жить дальше? Они поймали диких оленей, ее /Аадз/ привязали к ним и пустили. Пошли! Где голова осталась — там осока выросла, где ноги остались, — там трухлявые березовые пни встали. И как там еще рассказывал, не помню. Вот у нас рассказывали, что осока выросла... Вот он свою мать забрал, а Аадз так и пропала. А эту девушку, так не знаю, куда они дели эту девушку.

II. РУЦЫ

Руцы идут. Жены двух братьев вместе живут и маленькие дети с ними. Вечером они разговаривают: "Руцы придут, а мы очень крепко спим, так нас сразу убьют". А одна из женщин говорит: "Я не сплю, я так сплю, что листочек /с дерева/ упадет, так я услышу. Если /руцы/ придут, так я тебя разбужу". Она /другая/ говорит: "Я не слышу, я очень крепко сплю. Придут, так убьют, мужей нет дома, они в лесу". Они заснули. Одна слышит — руцы идут. Идут, шумят. Она встала, пошла, будит, будит, будит золовку. /Говорит/: "Проснись! Идут! Убьют! Пойдем, убежим!". Нет, не слышит! Вырвала у нее из ушей серьги с мяса. Так дернула, заязала их в платок на узел, выхватила ребенка от груди /спящей/, своего ребенка схватила и убежала. Те руцы пришли. Она проснулась. Проспала! Она встала, смотрит — нет ни женщины, ни ребенка. А руцы уже в избу пришли и ей горло перерезали. (Одна женщина, так что им? Не многих и убивать). Она бежала, бежала, бежала через болото, да, наверно, устала или знала, что к тому месту их мужья придут. Не может никуда /идти, и упала на кочку. Двое детей с двух сторон груди сосут, чтобы не плакали. А тут руцы, наверно, ушли. И как раз их мужья идут. Идут через болото /и видят/ — вороны или какие-то птицы клиют /что-то/. Надо пойти посмотреть, что там, что они клиют. Пришли. Жена /одного из них/ сидит с двумя детьми. Не может говорить, у нее всю кровь дети высосали. Ее муж говорит: "Надо яловуз важенку убить и дать ей напиться крови". Возли убили важенку да напоили женщину кровью. Женщина по-

пила крови, лежала, лежала, потом пришла в себя. Не могла ворять, а когда выпила крови, то стала говорить: "Вот так так, если не веришь, так вот серьги. Я вырвала серьги. Она встала, а я убежала. Она хвасталась, что она услышит. А я сказала, что я не услышу. Не проснулась /она/. Ее - говорят - убили. Я потом схватила детей и убежала".

Список сокращений

ас.	- абессив
англ.	- английский язык
баб.	- бабинский диалект саамского языка
букв.	- буквально
возм.накл.	- возможностное наклонение
ген.-акк.	- генитив-аккузатив
гирв.	- гирьозерский говор саамского языка
дат.-илл.	- датив-иллатив
дв.ч.	- двойственное число
дем.	- деминутив
диал.	- диалект
ед.ч.	- единственное число
изъявит.накл.	- изъявительное наклонение
илл.	- иллатив
йок.	- йоканьгский диалект саамского языка
кар.	- карельский язык
кильд.	- кильдинский диалект саамского языка
ком.	- комитатив
л.	- лицо
лоб.	- ловозерский говор саамского языка
лок.	- локатив
мн.ч.	- множественное число
накл.	- наклонение
нем.	- немецкий язык
ном.	- номинатив
норв.-саам.	- норвежско-саамский диалект
нот.	- нотозерский диалект саамского языка

парт.	- паритив
повелит.накл.	- повелительное наклонение
саам.	- саамский язык
сб.	- сборник
сер.	- серия
собств.кар.	- собственно карельский
фин.	- финский язык
эсс.	- эссив
эст.	- эстонский язык
этногр.	- этнография
CIFU II	- Congressus Secundus Internationalis Fennic-Ugristarum. Pars I, Helsinki, 1965.
CIFU III	- Congressus Tertius Internationalis Fennic-Ugristarum. Pars I, Tallinn, 1975.
FUF	- Finnisch-ugrische Forschungen, Helsinki.
KKS	- Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlappalaisia satuja. MSFOu, 60, 1931.
KKSK	- Itkonen T.I. Koltan- ja kuolanlappin sanakirja. I-II. Lexica Societatis Fennic-Ugricae, 15, 1958.
LMF	- Lapin murteiden fonologiaa, Helsinki, 197
LSFU	- Lexica Societatis Fennic-Ugricae, Helsinki
Нук	- Nyelvtudományi Közlemények, Budapest.
SKS	- Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, Helsinki, 1981.
TRUT	- Tartu Riikliku Ülikooli Toimetised, Tartu.
UAlb	- Ural-Altaische Jahrbücher, Wiesbaden.
UAS	- Indiana University Publications, Uralic and Altaic Series, Bloomington - The Hague.
Vir.	- Virittäjä. Helsinki.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
ВВЕДЕНИЕ	5
Из истории исследования бабинского диалекта	5
Современная языковая ситуация у бабинских саямов ..	13
Глава I. ФОНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА ..	19
Некоторые теоретические вопросы фонологического описания	19
Фонемный инвентарь бабинского диалекта	28
Состав гласных фонем и их основных аллофонов	28
Дифтонги и трифтонги	37
Состав согласных фонем и их основных аллофонов ...	43
Позиционные чередования фонем в бабинском диалекте ..	57
Чередования ступеней согласных	61
Чередования интервокальных взрывных, аффрикат, целевых и сонантов	65
Чередование сочетаний согласных	68
Фонемная структура слова	72
Структура начала слова	73
Структура абсолютного конца слова	75
Сочетания двух согласных в конце слова и на стыке слогов	77
Сочетания трех и четырех согласных	85
Структура слога	89
Глава II. МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ И ГЛАСНЫХ ФОНЕМ В СИСТЕМЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЯ БАБИНСКОГО ДИАЛЕКТА	93
Морфологические чередования согласных и гласных фонем	94
Морфонологические чередования согласных и гласных фонем	99
Глава III. ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ИМЕНИ И ГЛАГОЛА	III
К проблеме грамматической категории	III
Именные и глагольные основы в бабинском диалекте ...	III
Грамматические категории имени	III

Категория падежа	I16
Категория грамматического числа	I28
Категория притяжательности	I35
Категория степеней сравнения	I38
Грамматические категории глагола	I40
Категория лица-числа	I40
Категория времени	I47
Категория наклонения	I50
Отрицательное спряжение	I55
Глава IV. ИНФИНИТНЫЕ ФОРМЫ ГЛАГОЛА	I60
Инфинитив	I62
Причастные формы	I63
Причастия на -i	I64
Причастия на -ma, -m, -minč(-minč), -miš(-miš) ..	I65
Герундий на -men' (-men')	I66
Вербальный абессив	I68
Отглагольное имя действия	I69
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	I71
ПРИЛОЖЕНИЕ	I74
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	I98